

ГИПЕРБОРЕЙ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
АЛЬМАНАХ №2(5)

«СОЮЗ РОССИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ»
ТЮМЕНСКАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

2021

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
АЛЬМАНАХ

ГИПЕРБОРЕЙ

№2(5)

Издаётся с 2019 года

ул. Осипенко, 81
+7 3452 56 56 50

АО «Тюменский дом печати»

**Тюмень
2021**

УДК 82

ББК 84

Г50

ГИПЕРБОРЕЙ: Литературно-художественный альманах.

Автор идеи и куратор издательского проекта: Сопредседатель Правления Союза российских писателей Н.М. Шамсутдинов. Тюмень: АО «Тюменский дом печати», 2021. – № 2(5). – 338с.

**Издано при финансовой поддержке авторского коллектива
и техническом содействии Союза российских писателей**

Уважаемый читатель!

Вы держите в руках второй номер литературно-художественного альманаха «Гиперборей», орган издания Тюменского регионального отделения Союза российских писателей, объединяющего литераторов трёх субъектов Российской Федерации: Тюменской области, ХМАО-Югры и ЯНАО в единое писательское сообщество.

Альманах посвящён важным датам: Международному дню защиты детей, Дню молодёжи, Дню России, Дню памяти и скорби, трагическому и печальному событию (80 лет назад, 22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война). Среди исторических дат XXI века это событие занимает особое место – по масштабам испытаний и потерь, по влиянию на ход мировой истории и по актуальности – даже сейчас, спустя восемь десятилетий.

Авторы альманаха поведали о своей малой родине, далёком детстве, горестных и трагических историях в годы войны...

Спешите познакомиться с новыми именами гиперборейцев.

ISBN 978-5-87591-313-6

ISBN 978-5-87591-339-6

Возрастная категория: 14+

(в соответствии с ФЗ от 29.12.2010 № 436-ФЗ)

**© Тюменская региональная организация
«Союз российских писателей», 2021**

ПОЭТИКА Николая ШАМСУТДИНОВА

Шамсутдинов Николай Миркамалович советский и российский писатель родился на полуострове Ямал 26 августа 1949 года. С 1994 года - более четверти века председатель Правления Тюменского межрегионального отделения Союза российских писателей. Сопредседатель СРП по Сибири, член Творческого совета Ассоциации союзов писателей и издателей России, Всемирной ассоциации писателей Международного ПЕН-клуба, Заслуженный работник культуры РФ, академик Российской академии поэзии, Международной академии литературы, искусства, коммуникаций (Германия), Почётный работник культуры и искусства Тюменской области.

Лауреат многочисленных международных и отечественных премий, в частности: Общенациональной премии им. А.М. Горького, Премии им. М.А. Волошина, «Золотое перо», Золотая медаль Фестиваля «ЛиФФт» (Россия), Всеканадского литконкурса «Взрослые – детям» (Канада), «За выдающиеся открытия и

развитие новых эстетических принципов в литературе» (Германия), Премии им. Нобелевского лауреата Генриха Бёлля «За выдающиеся достижения в литературе и общественной деятельности» (Германия), дважды «Бриллиантовый Дюк» премии им. де Ришелье (Франкфурт-на-Майне – Одесса), Гран-при премии им. А.Г. Сниткиной-Достоевской за цикл стихов о сподвижнице творца (Монреаль – Нью-Йорк), Международной Лондонской премии им. лорда Джорджа Ноэля Гордона Байрона (Лондон – Москва). Автор 52 поэтических книг, около 400 публикаций в отечественной и зарубежной периодике.

ПРОГРАММНОЕ

Будь я, как Стив, – техасцем, провансальцем –
Как друг Ренэ... Но, всё ж не отказать
Удаче в прозорливости, ямальцем
С первого вздоха довелось мне стать.
Ещё на кромке краткого рассвета,
Свой крик на увядающей земле
Подал я, громкий, на исходе лета,
В суровом заполярном Яр-Сале...

Знать, не было заброшенной и даже
Тоскливее, чем ты, печаль тая
В подробностях цинготного пейзажа,
Неласковая родина моя...
И, убегая грёз, с рукой у сердца,
Не унывай в раздумиях – не та
Здесь память, чтобы у неё погреться,
Душой – в минувшем... Грустью налита,
Не замыкайся, муза, в укоризне –
Я, в малице порой, тогда не знал,
Что, безысходный, на задворках жизни
Мой край, уже смеркаясь, прозябал.

Ты не ответишь, муза, мне, пролаза,
Кем выпало бы стать, в Сибири, мне,
Когда бы ни фонтан, нет! вихрь газа

В Берёзово, в студёном сентябре,
Где жил я о ту пору... Человечка
Пяти годков – дороги увлекут
От голубой стихии по-над речкой...
Потом «открыть века» назовут
Те дни... Вот жизни верная основа,
Она, отпочковавшись от ствола
Стального века, в красках «нефтяного
материка», нам голос подала –
И сердце, не лукавлю я, забилося,
Когда десантом с лихтеров смело
Тайгу с пути, и техникой вломилась
Эпоха – в нашу юность. Повлекло
Маршрутами меня... Легко вживаясь
В быт кочевой, жалел ли я о чём? –
Ведь трасса, на страницу низвергаясь
Кастальским звонким стала мне ключом...

Я сам лепил своё, в авралах, время;
Нет! Ладил. Нет! налаживал, как гать,
И это время было мне не в бремя,
Мне дни считать, но не пересчитать,
С кем зимником пластался я, из кружки
Свой кипяток я второпях глотал,
Сухарик размочив, и, юн, к подушке
Студёной, вьюжной ночью примерзал.
Они врастают в память? Нет! вмерзают:
Их – толпы в строчках пристальных моих,
Они ответно с трассы мне мерцают,
Там, в переключке дизелей... А их
Я помню поименно, с каждым строя
Жизнь фабул, грубым жаром обметав,
В унтах и вечных ватниках, героев
Моих полотен, в сердце их вобрав,
И с ними ж – мир вагончиков, мир просек,
Мир уникальных ЛЭП, НГДУ,

В такие дни – душа простора просит,
Не отсылая к прошлому... В виду
Грядущего, я не искал покоя
И, скукою оставлен, не душил
Подлунный мир – вселенскою тоскою,
А, дерзок, воодушевленьем жил,
Присушим холерическим натурам...

И не случайно, дарованьем мал,
Зоил первопроходца – «трубадуром
стальных конструкций», поглупев, назвал.
И я – горжусь: не бледное подобье
Гиперборейца, а – питомец муз,
На исполинском Нефтяном Приобье
Я первым получил билет – «Союз
Писателей СССР»!

У сноба изжогу это вызовет? Но он,
Чья муза – перемётная особа,
Удачей яркой жизни – обнесён,
Пространства наши, зная лишь по карте...
Пространно о возвышенном молоть
Вольно ему, кобенясь на асфальте,
Служить абсурду!.. А его бы – в топь,
Под гнус, под нудный груз теодолита,
Нет! под мешок с цементом, стал бы он,
Открещиваясь от судьбы пиита,
Пенять мне на тернистость, пустозвон?

Да нет!
Дыша страстями, словно кратер,
Как буревал в тайге ни бушевал,
Сибирский круто слаженный характер,
Той слякоти – он спуску не давал.
Уверенный, без лишних разговоров,
Даря, как откровенье, свой закал,
Настойчивость и незаёмный нор

Сыздетства заложил в меня Ямал –
По праву первородства...
Я не гнусь и
Всё чаще не пасую, для меня
Не редкость ни рабочий пот, ни гнус, ни
Мороз – они меня лепили...
Не грызня
Столичных «лит. тарантулов» за место
В прижизненном раю, но – честный труд
Средь буровых, друзей, сугробов, тесно
Обставших жизнь. Пусть годы не гнетут –
Я внял, порывист, всей горячей кровью,
В сращении страстей, судеб, дорог,
Что «севера» – духовного здоровья
И выстраданной крепости залог.
Я зрелость не свожу к уловкам лисьим,
К нулю – кое-кем расчётливо сводим,
И потому, что прям и независим,
Травимый, – затираем, нелюбим.
Но, вспенивая эпос в песнопевце,
Настойчивы, на славу и на труд,
Автоколонны, люди – через сердце
Его, не умаляя вас, идут,
И – дальше, к морю Карскому...
Пророча их необъятность в образах своих,
Я не стыжусь грубо намытых строчек –
История загустевает в них...

И где, влитой в пространство, ни летаю,
Где бы, обветрен жизнью, ни бывал,
Словно Антей – к Земле, я припадаю
К твоим снегам и ягелю, Ямал,
И – не пересыхает связь живая...
Как твой прекрасный жребий ни тяжёл,
Ямал, тот счастлив – пусть не сознавая –
Кто животворный обжиг твой прошёл!

ХАНТЫ-МАНСИЙСК

В крошечный снегопад или под ливнем,
В метафорах, идущих через край,
Минувшее, не медля, отвори мне
И, отворив, уже не запирай.

Ханты-Мансийск, ты в сущем – антитезой
Забвению. Среди ставенок глухих,
Тех, что в былом, ты в памяти – аскезой
Уже забытых улочек твоих,
Чьи лопухи и ямы – не займать...
Пыль в ноздри, высекая слёзы, бьёт,
А это – генетическая память
Меня вдоль нищих улочек ведёт.
Дышу ли зноем, умываюсь снегом –
Заветные мгновенья торопя,
Зашторенным, под непробудным небом
Я помню, обретаемый, тебя.
Ханты-Мансийск, с бревенчатой горсткой
Избёнок, ты – к моим метаньям иск,
Ведь я, густых кровей твоих, – югорский...
Ты не забыл меня, Ханты-Мансийск?

Что за тщета порой ни приголубит –
В судьбе любого, знаю, в свой черёд
Царит «О, детство! Ковш душевной глубины...»,
Откуда память благодарно пьёт.
На детских снах настаивая нежность,
Ханты-Мансийск, чьим воздухом дышу,
Струя навстречу лиственную свежесть,
Ты, как и встарь, стекаешь к Иртышу.

И, как молва порою не пристрастна,
Слежу я, пилигрим, у Иртыша,
Как, оборотень ясного пространства,
Свободой – наливается душа...

Не потому ли, с вечностью в активе,
Течение этой жизни торопя,
В твоей, таёжный город, перспективе
Судьба открыла, зоркая, себя?

Ты мне давно, размашистый по нраву
И по сердцу... Увоенное мной,
Несёт нам, испытующее, правду
Пространство, наречённое душой.
Мы, славе обрекаемые, – звенья
Одной цепи, ведь, жизнью налитой,
Ханты-Мансийск, ты – не всполох забвенья
Над заскорузлой вечной мерзлотой.
Дышу всей грудью я прохладой встречной,
Идущую от бора... Чёрт возьми!
Долину, пересилившую вечность
Давно зовут – долиною Семи
Ручьёв, вот здесь, вот здесь – мои истоки,
Тем просветлённее, в конце концов,
В неистоцимых ритмах новостройки,
Грядущее, открывшее лицо
Твоим урманам... Зорями согрето,
Настойчивыми осами слепя
Сознание, ностальгическое лето
Зашифровало в музыке себя,
В заветных нотах.
Как «друзья» ни стойки
В сарказме, с ожиданием конца –
В неистоцимых ритмах новостройки,
Мрачнее древность, спавшая с лица.

Кварталы одухотворенной кладки –
Гнездовья лада, мудрости, любви...
И только – лбы в бревенчатую складку –
Где ж избы потемневшие твои?
Все они в давнем.

На их грустной тризне,
Питомец рассыпающихся книг,
В листве, аккомпанирующей жизни,
Твоих прелюдий вечный ученик,
Я б дал твоим кварталам – своё имя!
Как ни спеши вослед – не уследишь
За стройками и трассами твоими,
Так упоённо строишь – как творишь,
Художник по исконной сути...

После
Парижа ли, Мадрида ли, но – твой,
И строек, и дворцов, и парков подле
Я молодею пристальной душой
Бетон... леса... кирпич... электросварка...
Гранит... машин необоримый гул –
Вдоль Иртыша, ключ к будущему,
Жарко
Ты новые кварталы развернул,
Как дерзкие полотна...
Как ты вырос –
Настолько, что заветное храня,
Предметней – вдохновение на вырост,
И постоянство пестует меня,
Ведь, чем отвесней музыка, тем круче
Сознание её, и сталь поёт,
Ведь, нарастая, будущему учит
В проектах, настоящее твоё,
Не в споре с миром – в вдохновенном споре
С программой, процитированной из
Фантасмагорий пристальных нагорий,
Чьё назначенье – ввысь, и ввысь, и ввысь.
Не потому ль так пылко приезжаю
К своим пенатам? – в переключке дней,
Я жизнь, неискусимый, заряжаю
Духовною энергией твоей.

Слепо шагнул я, и хилые доски
Вскрикнули, словно судеб отголоски, –
Через страдания пропущенный, слабый,
Голос твой, Бабий! –

«Год сорок первый...».

Обветренный, бражный
Вечер и проводы здесь, на песках,
В ополоумевших бабах, и баржи –
В лютых гармошках и душных слезах.

Лавою – плач и надрывные клики...
О, исступлённые женские лики!

Рвётся извечная, кровная связь...
Вдруг приподнявшись над поймой лысой,
Выстудил души гудок, ненавистный,
Разом – от горестей отгородясь.

Обезголосели ружья и вёсла,
Позапропали в огне мужики.
...Ночью, речонкою, кроткой по вёснам,
Словно былинку, смахнуло мостки.

Шла белорыбица – в гаснущем свете
Сыто лоснились тяжёлые сети...
«Все для победы!» –

И, властное, в рост

Встало над речкой
полотнище – «Мост!».

Эхом – ответно рванулось: «Даёшь!»...
В прорву студёную плюхались брёвна,
Руки твои – сатанинская дрожь
Болью к дождю раздирает, Петровна.

Высекла из непогоды луна
Лица, холодные ситчики, сваи...

В ТУНДРЕ

Памяти мамы моей, Шамсутдиновой Юма-бики Атыкашевны, участницы трудового фронта в годы Великой Отечественной войны: двадцатилетней девушкой заведовала матушка моя пушной факторией в заполярной Тамбейской тундре, в сорокоградусные морозы в которой собирала у охотников-ненцев драгоценные меха соболей, песцов, горностаев... На вырученную от их продажи на мировых аукционах валюту приобретались для воюющего Советского Союза вооружение, медикаменты, продовольствие...

В 2021 году исполняется 100 лет со дня её рождения...

Неуёмный, за окном полночь винт месил...
«Знаешь «Уренгойгазпром?»», – друг меня спросил.
Я, от высоты хмельной, головой качал, –
«Знаю город Уренгой!..», – гордо отвечал.
Виктор щурится легко и в плечах не мал...
Я б, конечно, без него не узнал Ямал.
Он ему в наследство дан, округ его, дом.
Он – рукой во тьму: «Во-он там «Уренгойгазпром!»

Я лицом в оконце лёг, в ледяной овал.
Кто ж огни под вертолёт щедро набросал?
Я воочью видел их, при литой звезде, –
Гроздьё станций дожимных, дальний ГПЗ...
Свет, он – надвигался, плыл и вдруг, Боже мой! –
Половодьем затопил тундру подо мной.
И, с гитаркой на груди, словно сам не свой,
Виктор вскинулся: «Гляди! Вот он, Уренгой!»

У фортуны на весу, лёгок, как Улисс,
Я над огненной, внизу, бездною повис.
Что там будет впереди? – Моря зев? Ямал?
Ну, а Витька – «Ты гляди!» – в блистер меня вмял.
Свет, он жил, в конце концов, нас в себе держал,
Словно женское лицо, музыкой дышал.

Веще, на виду у всех, в талой глубине
Боль, надежда, радость, смех открывались мне.

В город, дышащий легко, я впивался, сед, –
В каждой чётрочке его заливался – свет.
Вертолёт качнуло – тент..., почта..., люд..., груза...
Свет... свет... свет... свет... – наливал глаза.
Воздымает взор простор – свет... свет... свет... свет...
Зимней тундре вперекор – свет... свет... свет... свет...
Винт над нами бушевал, как в тумане, слеп.
Душу, бел, не отпускал исполинский свет.

И смотрел я вниз, светясь, как, жива едва ль,
Сварка, по трубе змеясь, уплывала вдаль,
Где, в накрапах ледяных, где снегов оскал,
В переключке буровых, страдовал Ямал.
Так куда ж меня влекло? –
Свет... свет... свет... свет...
Что в груди моей зажгло? –
Свет... свет... свет... свет...
Над тобою, Уренгой, –
Свет... свет... свет... свет...
В сердце родины самой –
Свет... свет... свет... свет...

А на краешке земли, хил и одиноко,
Тихо теплился вдали талый огонёк.
Я в обшивку вмёрз плечом, сед и невесом...
Виктор тихо: «Ты о чём?» А я – обо всём:
Огонёк из дальних дней..., в этот поздний час
Он в прапамяти моей маялся, не гас...
Он, не иссякая, тлел, словно куда звал,
И чем больше я глядел, больше вспоминал:

...Тундра белою была, в сводках не видна,
Смертью и огнём мела по стране война.
Под ворчание собак, у окна – очки...

Печка..., в малице – пушняк, девочка почти...
Сед, куражится мороз... В мареве теней,
Томик «Королевы грёз» прямо перед ней.

Хилый домик мал и стар, и, вдали тщеты,
Зноем в щёки хлещет жар от ночной плиты.
Тянет стужей из сеней, иней сед в углу...
Ну, а ноги всё сильней стынут на полу,
Не спасают ни кисы и ни торбаса,
У неё, поверх лисы, пышная коса.
Сердце торкнулось в груди, немощью грозя,
У неё глаза – мои! Ясные глаза...
Задавив короткий всхлип, даром что зима,
Я в иллюминатор влип:
«Мама моя! Ма...»

Полночь...Тундра... Снегопад...
И она (темно...),
Оторвав от книги взгляд,
Смотрит за окно.
С темнотою по зиме, полночью, одна,
В непроглядной снежной мгле видит что она?
Тундру? Белый мрак, слепящ?
Письма далеки...
Беззащитный, так щемящ жест её руки.

Свет от свечки пал на лист, чахлый язычок,
На запястье её, чист, бьётся родничок.
Прожитому глядя вслед, словно бы вперёд,
Свет... свет... свет... свет –
От неё идёт.
Ничего на свете нет, что родней его,
Свет... свет... свет... свет –
Радостней всего.
Столько в жизни горьких мет, судя по годам.
Свет... свет... свет... свет –
Сыну передам!

ВETERАНУ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

*Памяти офицера – фронтовика, поэта
Смольниково Алексея Степановича, посвящается*

Шестьдесят рыбаку –
Сколько лет проструилось в морщинах...
Он вернулся вчера:
«Извини! Понимаешь, путина...».

Сохнут грузные сети на свежих осиновых кольях,
Блики солнца бегут по тугим белогривым валам...
И смолим мы борта, и уходим в такое раздолье,
Где на каждом сору – знатный выпас его неводам.

На исходе – звезда, отошала, как мартовский заяц,
Уплывает в туман тихий рокот ночных катеров.
«Наливай, Николай, –

пробасил он, рукою касаясь, –

За удачу твою и дородство твоих неводов!
Ты надолго? Лады... – потянулся к молчанью
И снова

Надорвал тишину, загудел, разминая слова, –
Ну, ещё по одной, дорогой,

мошкаркой зацелован!

А вернёшься с уловом – уже зацелует жена...».

Над страной моей – мир, тишина на лугах и полянах,
Над страной моей – мир,

на рассветах лишь птицы поют...

Так по праву ль, скажи, я наследую эту – в туманах
И студёных озёрах – заветную землю мою?!

...Заиграла роса, завели перебранку щеколды,
Гомоня, мотоботы разбили холодные воды,
Отдохнувшие сети на солнце горят паутиной...
Выходи! – тебя ждут...

С новым днём и счастливой путиной!

ТАБУНЩИК МИКУЛЬ

Загорел и скуласт,
В белоснежных тугих торбасах...
Плотно солнце прижалось к сатиновой красной рубахе.
Спит забытый кисет в волосатых, тяжёлых руках,
Шитый ворот коробят лиловые, алые птахи.

Разметался мороз на окне... Яркий жар очага,
Бесконечна, как эпос, великая зимняя тундра.
Мой старик ладит стол, спозаранку забив рогаца,
Начинает застольем – полярное хилое утро.

О, Микуль переметил своими становьями север,
Вплоть до моря простор кочевыми огнями засеял,
Он до моря ходил на оленьих упряжках, собаках...
Его старшего сына взяла в сорок третьем – атака.
(Сын его бил моржей и, спускаясь к тайге, белковал...)
А когда вал огня вдруг накрыл золотую долину,
Люто небо свернуло в глаза, – и тогда он упал.
Обнимая с прощальной жадностью нищую глину...

И Микуль в этот день забивает оленя, молчит,
Топит печи свои до поющего, хрупкого жара,
Собирает соседей...
Печальное слово – горчит,
И горит на столе поминальная горькая чара.
Поднимает свечение утренний заспанный снег,
Из далеких степей проскользнула по-лисьи позёмка...

А на дне его сердца, запятанном выжженном дне,
Безголосо орёт, не даёт забытья – похоронка...
Засыпает табунщик в слезах беспросветной любви,
Заметает виски стариковская тусклая заметь.
Материнская память на боли стоит, на крови,
И на вечном молчанье –
крутая отцовская память.

Тюмень

ГОСТЬ АЛЬМАНАХА

Александр ВЕПРЁВ – поэт, эссеист, переводчик, теоретик и практик русского верлибра, художник.

Вепрёв Александр Иванович родился 2 мая 1960 года в Кирове. Служил в авиации Черноморского флота. Окончил Вятское художественное училище имени А.А. Рылова (1983) и курсы повышения квалификации Сочинского института РУДН (2013).

Член:

- ✚ Союза писателей России (2011),
- ✚ Ассамблеи народов Евразии (2020)

Автор многих книг и публикаций, как в России, так и за рубежом. Лауреат литературной премии журнала «Дети РА», награждён Золотой медалью Всероссийского литературного фестиваля «ЛифФт» (Москва, 2017) и медалью А.С. Грибоедова.

С 2009 года живёт в Сочи – и делит своё жизненное пространство между Москвой, Ижевском и Кировым.

ВЗРЫВ

(верлибр в трёх верлибрах)

I.

Осенью 1982 года в Кирове проходили Дни литературы.

Писатели выступали на торжественном вечере
в областной филармонии,
среди которых была Юлия Друнина, поэт-фронтовик.
Помню, как она вышла на сцену в солдатских сапогах,
блестя элегантными голенищами в лучах
всесоюзной славы и почёта.

Правда, потом из разговора я узнал, что её сапоги
были не совсем солдатскими, что-то наподобие – офицерских:
точнее – друнинских, сшитых по её личному заказу.

II.

Когда Друнина прочла «Я только раз видала рукопашный...» –
зал взорвался аплодисментами.

Таких оваций, такого взрыва эмоций
я больше никогда не видел и не слышал, сравнимых разве что
с взрывом газопровода, похожим на волшебный огненный столб,
сохранивший в себе живые души сгоревших пожарников,
который однажды во время школьной практики в совхозе
нам пришлось лицезреть всем классом...

III.

Года через два – из истории краеведения – я узнал,
что раньше на месте той самой Кировской областной филармонии,
где проходили Дни литературы, стоял Александро-Невский собор,
который в 1937 году как памятник
архитектуры государственного значения
по настоянию президиума горсовета и облисполкома
с разрешения ВЦИК* был исключён из списка
охраняемых государством
и... взорван на кирпич.

* ВЦИК (Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет) – высший законодательный, распорядительный и контролирующий орган государственной власти РСФСР с 1918 по 1938 год.

ЖУКОВ И МЕДВЕДЬ

(два верлибра в одном)

Часть первая. ЗИМНЯЯ БАЙКА

Рассказ или байка про маршала Жукова заключалась в том, что маршал, повстречав на зимней лесной дороге свирепого медведя, закричал ему:

– Сто-оять! –

Медведь, испугавшись громогласной командирской команды, встал на задние лапы... И, помешкав немного, отдал честь маршалу Победы, как подобает по уставу бесстрашному русскому воину, приложив лапу к голове, покрытой головным убором – шапкой-ушанкой с армейской звёздочкой.

Часть вторая. ЛЕТНИЙ РАССКАЗ

Рассказ или байка про маршала Жукова, заключалась в том, что Георгий Константинович, повстречав в лесу свирепого медведя, закричал ему:

– Сто-оять! –

Медведь, испугавшись громогласной командирской команды, встал на задние лапы... И, не мешкая, отдал честь маршалу Победы, как подобает по уставу бесстрашному русскому воину, приложив лапу к голове, покрытой головным убором с армейской кокардой.

Сочи, 2021

МАТРЁШЕЧНЫЙ ВАРИАНТ РУССКОГО ВЕРЛИБРА

ВЫБРАННЫЕ МЕСТА ИЗ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ СТАТЬИ И ЭССЕ О ВЕРЛИБРЕ «ОТ ВОЛОШИНА ДО ВЕПРЁВА»

Вепрев придумал, например, матрёшечный вариант верлибра: верлибр в пяти или нескольких верлибрах, объединенных одной темой, единым замыслом и поэтическим построением, но любая из этих частей может существовать отдельно.

Н. Лихтенфельд, «Литературные известия» № 1, 2018

ВСТУПЛЕНИЕ

Видимо, все открытия происходят как бы случайно. Вот и данная форма верлибра появилась неожиданно для меня. Всё происходит непредсказуемо, или даётся свыше. Но прежде, чем получить это – непредсказуемое и дарованное свыше, нужно проделать определённую работу, может быть, даже изучать, анализировать и экспериментировать на протяжении длительного периода, если не всей своей сознательной жизни, опираясь, естественно, на опыт предшественников.

О возможности и необходимости эксперимента в литературоведении говорилось давно, в частности о том писал в начале прошлого века теоретик литературы и стиховед Б. И. Ярхо, уделявший особое внимание в своих работах трансформации жанра, как, впрочем, и всего строя выразительных средств [1, с.62-63].

Однажды, окончив одно стихотворение (верлибр), я решил разбить его на пять частей, графически разделив текст для более удобного прочтения и восприятия. Обозначил части римскими числами: получились небольшие главы, будто крохотные элегии. Затем, прежде чем отправить для публикации в литературный журнал, определил жанр, которой сам придумал: Верлибр в пяти верлибрах. Других вариантов не случилось. В какой-то степени данный эксперимент был мотивирован в большей степени предстоящей публикацией в литературном журнале, чем непосредственно самим экспериментом поиска новой формы [2].

Конечно же, если бы не смысловое разделение текста, то разделение верлибра на несколько верлибров можно отнести к типографике, с одной стороны, представляющее собой одну из отраслей графического дизайна, с другой – композиционное

расположение шрифтов и использование определённых шрифтов в целях создания наиболее понятного для восприятия читателем текста. В любом случае типографика (греч. «отпечаток» и «пишу») – это художественное оформление печатного текста посредством набора и вёрстки. Получается, что в основе разделение текста на главы лежит дизайнерское или изобразительное начало. Не буду исключать лингвистику текста, проблемы связности текста – когезию. И более широкое понятие – когерентность. Когезия (лат. «связанный», «сцепленный») предполагает внутреннюю лексико-грамматическую связность текста, которая соединяет их в единое целое и придаёт смысл, при этом интерпретация одной части текста (отдельного верлибра в верлибре) обеспечивает когерентность с другой, что позволяет определить цельность, казалось бы, раздробленного текста всего произведения, в данном случае – верлибра. Когерентность в лингвистике подразумевает целостность текста, заключающуюся в логико-семантической, грамматической и стилистической соотнесённости и взаимозависимости составляющих его элементов: слов, предложений [3].

Помимо разделения текста на части, следующие друг за другом, и части, связанные между собой повторами или, так скажем, видоизменённым рефреном, также существует исходный смысл, объединяющий составные части или отдельные верлибры в общем верлибре, существование которых основано на общем языковом уровне и восприятие текста и которые на этом фундаменте создают самостоятельные цепочки связанных друг с другом элементов. Элементы различных составных частей произведения в каждой фазе текста выступают одновременно, и смысл их связи между собой, так же как и их взаимосвязи, может предполагать разделение общего текста на отдельные произведения как связанные друг с другом, так и не связанные.

В дальнейшем, теперь уже сознательно занимаясь изучением и поиском новых форм, казалось бы, бесформенного верлибра, я определил несколько его разновидностей с множеством флуктуаций, таких, как *верлибр в верлибрах*, *верлибры в верлибре*, *верлибр*, *афористический верлибр*, *многочастный*, *ароморфозный* и *цепочный верлибры* (и т. д.) и объединил их одним понятием — матрешечный верлибр.

Матрешечный верлибр строится по типу цепочной сказки и относится к типу цепочной сказки (кумулятивной сказки, рекурсивной сказки, цепевидной сказки). Также верлибр, в

котором диалоги или действия повторяются и развиваются в видоизменённой форме по мере развития сюжета – относится к матрёшечному верлибру. Эффект этих верлибров основан на повторах повествования, характерного образа и действия, меняющегося по той или иной причине и доходящих до кульминации. Семантическая дифференция текста, в данном случае, рассматриваемого как совокупность обоих его измерений, где любой компонент произведения мотивирован одновременно как связностью того элемента, который он создаёт с другими элементами, так и смысловым объединением одновременно элементов, подверженных деструкции, принадлежащих к разным компонентам всего произведения.

Примером может служить матрёшка. Если вспомнить матрёшку, что в одной матрёшке есть несколько матрёшек, как в одном верлибре есть несколько верлибров, тогда название данной форме – матрёшечный верлибр – будет точным, поскольку каждая строфа этого верлибра так же, как матрёшка повторяет характерный образ и даже некое сюжетное развитие, а также представляет собой некий характерный образ русского верлибра.

Верлибр в верлибре, как матрёшка в матрёшке.

Я пытаюсь говорить только о новой форме матрёшечного верлибра и его флуктуациях: видах и подвидах; о нескольких пережитых фазисах, которые самым естественным образом могут произрасти отдельной статьёй в труд «Морфология русского верлибра», (пока не написанный). Здесь будет уместно провести параллели с трудом В. Я. Проппа «Морфология волшебной сказки», где Пропп утверждает, что *дело не в количестве материала. Дело в ином: в методах изучения* [4, с. 10]. Говорить об идеологической мотивации, политической составляющей матрёшечного верлибра или вообще верлибра и поэзии – тема отдельной статьи.

Известно, что на этапах развития русской поэзии верлибром и свободным стихом оперировали пролетарские, советские (очень редко) и постсоветские поэты, пытаясь отразить одни – «ритмы революции», другие – «мелодию социализма», третьи – «абсурдность революции и социализма» – от возвышенно-трагического и героически-драматического до возвышенно-побеждающего и героически-оптимистического.

Надо отметить, что 1948-1953 годах в Советском Союзе в свете борьбы с космополитизмом, массовой политической кампанией, направленной против прозападных тенденций среди интеллигенции, которые рассматривались как

«антипатриотические», большая часть советских литературных теоретиков и критиков считали верлибр западным влиянием.

Верлибр, как любой вид искусства, сам по себе имеет картины и детали, выхваченные из повседневного быта и бытия, с неожиданными образами и транскрипцией той или иной бытовой ситуации, воплощающими основные критерии природы, общественной жизни, философии, космизма, так же как юмора и комизма, иронии и ядовитого сарказма. И даже абсурда и абстрактного метасюрреализма. Тематика верлибров разнообразна: *птица, реющая, подобно чёрной молнии между тучами и морем* (М. Горький, 1901); *любимая женщина, купающаяся в речке, походит на солнце* (М. Кузмин, 1905); *если звёзды зажигают, значит, это кому-нибудь нужно* (В. Маяковский, 1914); *призыв Архангела, потрясающий вселенную* (М. Волошин, 1915); *полосатое трико, делающее женщину похожей на зебру* (И. Бунин, 1915); *мальчик, убивший птицу, чтобы её рассмотреть* (Н. Рерих, 1916); *Ра, видящий очи свои в болотной воде* (В. Хлебников, 1922); *старый урка, к молчанию которого стоит прислушаться* (Е. Карасёв, 1969); *облако в небе, округлое, как женщина* (Е. Винокуров, 1977); *чаепитие с тридцативосьмилетним отчаяньем рядом с птицей, сидящей в клетке* (В. Солоухин); *первая послевоенная осень и парад кораблей на Неве и салют над Зимним дворцом и волшебный стеклянный шар, хранящий внутри швейцарское озеро и добрую душу бабушки, умершей в блокаду* (В. Британишский, 1980), *человек – это изнанка неба, небо – это изнанка человека* (К. Кедров); *о людях, которые расстреляли отца* (И. Елагин, 1986); *музыка ухода, сменяющаяся музыкой приближения* (Л. Дьяконов, «Уходя и оставаясь» 1983); *пойманная рыба, превращающаяся в деньги, а затем в шорты* (А. Вепрёв, 2012); *мухи на стихах Блока* (В. Андреев, 2013) и так далее.

Итак, исходя из идеи что «мы пользуемся лишь частью наших зрительных возможностей, как, впрочем, и умственных», можно предположить о необходимости внести в понятие матрёшечного верлибра такие две основные его разновидности, два его фундаментальных метафизиса, и несколько подвидов [5, с. 20]:

1. Верлибр в верлибрах (верлибр в нескольких верлибрах);
2. Верлибры в верлибре (несколько верлибров в одном верлибре).

При этом выделим два подвида, образующиеся из верлибра в верлибрах:

1. Вепрлибр (большой верлибр в нескольких верлибрах);
2. Афористический верлибр (верлибр в нескольких афоризмах).

К матрёшечному верлибру можно отнести цикл верлибров, состоящий из нескольких верлибров, которые имеют признаки матрёшечного строения:

1. Цикл верлибров (несколько верлибров);
2. Многочастный верлибр: Верлибр в нескольких больших частях. (*Прозолибр*. Термин А. Бубнова).

1. ВЕРЛИБР В ВЕРЛИБРАХ

Верлибр в верлибрах – верлибр в двух; в трёх; в четырёх; в пяти и так далее верлибрах. Верлибр, состоящий из нескольких верлибров, частей, объединённых общей темой, единым замыслом, поэтическим настроением. Любой из них может существовать отдельно. Как отдельное и самостоятельное стихотворение. Например, такое, поименованное «С широко закрытыми глазами» [6, с. 25-26]:

*Солнце бывает зелёное, синее... Даже чёрным светом
светит в твои глаза, хотя глаза закрыты.*

*Потому что невозможно смотреть на солнце
открытыми глазами.*

Можно только смотреть на него, когда глаза закрыты.

В данном верлибре есть главное – смысловая композиционная основа, что, собственно, и делает верлибр законченным произведением. Всё в тексте держится на образе солнца. В первых двух строках перед нами возникает этот загадочный образ солнца, которое может быть и зелёным, и синим... И соответственно в воображении можно применить весь спектр красок. Образ солнца возвышен, он, скорее всего, божественное чудо, а не зверёк-хамелеон, меняющий свой окрас. И этот божественный образ усиливается тем, что на солнце можно смотреть только, когда глаза закрыты. То есть не только невозможно дотронуться до божества руками, но даже смотреть на него. Неожиданная, вроде бы, концовка служит завершающим звеном отдельно взятого верлибра (стихотворения), что на солнце как на божество можно смотреть только закрытыми глазами. Хотя напрашивается ещё одна трактовка: если на образ солнца посмотреть чуть иначе, вспомнив Икара из древнегреческой

мифологии, который поднялся в небе так высоко к солнцу, что лучи солнца растопили воск, при помощи которого были скреплены крылья Икара, в результате чего он упал и утонул в море. Пусть данная трактовка немного банальна и поучительна: ослепнешь, если будешь долго смотреть на божество, тем не менее, поучительная банальность имеет право на существование благодаря образу солнца и его полному *скилетру* красок. Следующий пример по солнечной теме – стихотворение, поименованное «Чёрное солнце»:

*Иногда солнце проникает в тебя сквозь глаза,
хотя глаза закрыты.
Ты лежишь на пляже у самого Чёрного моря.
Солнце наполняет тебя оранжевым светом,
так наполняет, что само становится чёрным...*

Здесь явственно проступают на первый план взаимоотношения человека и солнца (божества). И, как следствие, начинается философия: соприкоснувшись с человеком, солнце становится чёрным. (Правда, с одной оговоркой, что солнце становится чёрным в глазах человека, а не наяву.) И это является кульминацией – завершающим звеном стихотворения. И опять же в данном верлибре есть главное — смысловая композиционная основа, без которой, собственно, верлибр рассыплется, точнее – перейдёт в другую форму, стадию или флуктуацию.

А теперь само стихотворение (основная его часть) – верлибр в пяти верлибрах, из которого были взяты для примера предыдущие два верлибра, как самостоятельные произведения. Здесь вполне уместно было бы поговорить и о других частях верлибра в верлибре, поскольку каждая его часть, как я говорил выше, может существовать отдельно, как отдельно взятое стихотворение, но оставлю это занятие для заинтересованного читателя, предполагая в некотором смысле возможность для сотворчества.

КАРТОФЕЛЬНОЕ СОЛНЦЕ

верлибр в пяти верлибрах

I

Иногда солнце гладит мягкой ладонью, иногда
тихонько пощипывает твоё лицо тоненькими ноготками,
тонкими и нежными, как стропы парашютиков

белого одуванчика.

II

Иногда солнце проникает в тебя сквозь глаза,
хотя глаза закрыты.

Ты лежишь на пляже у самого Чёрного моря.
Солнце наполняет тебя оранжевым светом,
так наполняет, что само становится чёрным...

III

Солнце бывает зелёное, синее... Даже чёрным светом
светит в твои глаза, хотя глаза закрыты.

Потому что невозможно смотреть на солнце
открытыми глазами.

Можно только смотреть на него, когда глаза закрыты.

IV

Я сегодня вспомнил о солнце, когда наклонился
над кастрюлей, где лежал в мундире только что
сваренный картофель. Я закрыл глаза.

Тепло картошки
осветило моё лицо картофельным солнцем.

и т. д.

Александр Венрёв, «Дети Ра» №11, 2011.

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что смысловая композиция вместе с графической композицией, являются стержнем, базисной основой и одновременно фундаментом, на котором держится и строится верлибр. Добавим к этому лингвистику текста – когезию; и более широкое понятие – когерентность, о чём говорилось выше, предполагающую внутреннюю лексико-грамматическую связность текста, его целостность, при этом интерпретация одной части текста (отдельного верлибра в верлибре) обеспечивает когерентность с другой. Так же как мысль и образ объединяет все верлибры в один верлибр, где последний является кульминационным, он как бы подводит своеобразный итог: при помощи афоризма, метафоры или дополнительной неожиданной образной трактовки и т. п.

Многие поэты, обращаясь к форме верлибра или работающие в данном направлении, верлибристике, так или иначе, дробили текстовую структуру верлибра на части. Схожая форма

матрѣшечного верлибра встречается в творчестве Михаила Кузмина, Максимилиана Волошина, Николая Рериха, Геннадия Айги и других.

У Михаила Кузмина – в «Александрийских песнях» (1905—1908) встречаются обе формы matrѣшечного верлибра, причѣм, скрытые [7, с. 61-78]. Вторая глава «Любовь», форму которой можно определить как верлибр в шести верлибрах, – вбирает в себя седьмой верлибр, в котором легко можно увидеть пять верлибров в одном верлибре. Такое смешение скрытых подвидов и флуктуаций matrѣшечного верлибра в Кузминских «Песнях» достаточно много. Исследователь творчества Кузмина Г.Г. Шмаков (1940-1988) отмечал в частности его эксперимент поэтического киномонтажа, применѣнный в книге «Форель разбивает лёд». Наверное, этим и можно объяснить появление сюжетных фрагментов, напоминающих matrѣшечный верлибр, принимая во внимание, конечно же, присутствие западной диалектической формы и лингвистического структурализма, как проявление маргинальной формы циклизации в его поэзии. Особенно это относится к тем же «Песням» и «Форелям», написанным поэтом во времена начальной стадии развития структурализма как направления в социальных науках XX века.

У Геннадия Айги – произведение «три записи», датированное 1963 годом, можно определить как верлибр в трёх верлибрах: одного первого четырёхстрочного верлибра и двух последующих, состоящих из пяти строк [8, с. 38].

Ещё пример, так скажем, провидческое произведение matrѣшечной формы Геннадия Айги – «пять matrѣшек», датированное 1966 годом, состоящее из пяти глав (состоящих из отдельных полустрочий) или *matrѣшек* [8, с. 12; с. 63-64].

пять matrѣшек
(на рождение сына)

*Что смотреть ходили в пустыню?
трость ли, ветром колеблемую?*

Лк. 7:24

1.
есмь
2.
благодарение
воздуху – чреву вторичному

3.
идеей
Ты нас окружаешь
как шёлком

4.
во Времени мы – как в составе
покрова
Природы

5.
Собой
Окружи

Геннадий Айги, 22 ноября 1966

Матрёшечной формой, естественно, не зная о том, пользовались менее известные, теперь уже забытые поэты. В московском альманахе «День поэзии» 1966 года Наталья Шмитько представила всего лишь одно стихотворение, посвящённое Хиросиме, но, спустя 54 года, стихотворение случайно попало мне на глаза, имеющее характеристики матрёшечного верлибра – стихотворение определяется как верлибр в трёх верлибрах, имеющий один (начальный) четырёхстрочный верлибр и два (последующих) пятистрочных верлибра [9].

Хиросиме

1
Секунда – и взрыв,
Секунда – и смерть,
И огненный смерч,
А небо навзрыд
Роняет звезду
 за звездой.

2
Волосы факелом вздыблены в небо.
Мечутся молнии рук
И догорают,
 на землю рухнув.
Как обнажённые нервы
 каркасы домов

3. Сдума

1.

Сдули думу.

Дремлет мёд.

Долины удивлённые легли глазами.

Дымка кудрявости кудрява.

2.

Свобода – выбор рабства.

Отсутствие выбора – сила.

Смирение – древность.

Стены – рост.

3.

Робость бури.

Добры дебри.

Битва ряби.

Хор оброк рока.

4.

Свобода была бы пустой, если была бы пустота.

Пространство полно занятыми местами.

Время, тем более, состоит вплотную из событий.

Событие – это место занятое временем и время занятое местом.

Теснота означает, что движение невозможно.

Движение есть выбор.

Выбор не может быть несвободным.

Предопределение – нежелание выбирать.

Но выбор – это и невозможность осуществления.

Личность – это наличие желания, но не только неосуществленного, но и неосуществимого.

Личность – это осуществление.

5.

Выбор – мера.

Работа – робость.

Кража – жертва.

Тревога – Бог.

и т. д./ Георгий Спешнев

У Максимилиана Волошина произведение «Доблесть поэта», обращённое к поэту революции, датированное 1925 годом, имеет матрёшечную форму – верлибр в двух верлибрах. «Доблесть» вбирает в себя два равных десятистрочных верлибра, части выделены римскими цифрами [12, с. 196-197]. Далее у Волошина стихотворение «Суд» – верлибр в семи верлибрах: состоит из трёх восьми-, одного семи-, одного восемнадцати-, одного трёхстрочного и последнего верлибра, состоящего из одной строки. Почти во всех *матрёшках* встречается полустроичие, состоящее из одного слова [13, с. 113-114]. Волошинское стихотворение «Грядущая Россия» (по Аристову), датированное 1922 годом – определяем как верлибр в девяти верлибрах: состоит из девяти равных четырёхстрочных верлибров, части обозначены арабской цифрой [14, с. 169-171]; стихотворение «Поэту» 1925 года – верлибр в семи верлибрах: из пяти трёхстрочных верлибров и двух двухстрочных.

ПОЭТУ

1

Горн свой раздуй на горе, в пустынном месте, над морем
Человеческих множеств, чтоб голос стихии широко
Душу крылил и качал, междометья людей заглушая.

2

Остерегайся друзей, ученичества, шума и славы.
Ученики развинтят и вывихнут мысли и строфы.
Только противник в борьбе может быть истинным другом.

3

Слава тебя прикует к глыбам твоих же творений.
Солнце мертвых, – живым она намогильный камень.

4

Будь один против всех: молчаливый, тихий и твердый.
Воля утеса ломает развернутый натиск прибоя.
Власть затаенной мечты покрывает смятение множеств!

5

Если тебя невзначай современники встретят успехом, –
Знай, что из них никто твоей не осмыслил правды:
Правду оплатят тебе клеветой, ругательством, камнем.

6

В дни, когда Справедливость ослепшая меч обнажает,
В дни, когда спазмы любви выворачивают народы,
В дни, когда пулемет вещает о сущности братства –

7

Верь в человека. Толпы не уважай и не бойся.
В каждом разбойнике чти распятого в безднах Бога.

Максимилиан Волошин 1925

Осенью 1921 года Волошин делал попытки определить форму повести в верлибрах, разбив длинный верлибр на части и озаглавив «Повесть временных лет» [15, с. 182-187]. Большая матрёшечная форма верлибра в верлибрах также была использована Волошиным в произведении «Пути России. Написание о царях Московских» [16, с. 251-254] и Сергеем Есениным в произведении «Сельский часослов» [17, с. 196-199].

2. ВЕРЛИБРЫ В ВЕРЛИБРЕ

Верлибры в верлибре: два-, три-, четыре-, пять- и так далее в одном верлибре – строятся на повторении разных или приблизительно разных, периодически сменяющих одна другую фонетических конструкций. Тоже, что и верлибр в верлибре, но есть существенное отличие по смыслу: отдельные верлибры, которые в данном случае походят не только на главы, но иногда имеют заглавие, повторяются с небольшим смысловым изменением. Это может быть противоречие по смыслу, например, в первом верлибре (главе, матрёшке) говорится, что земля имеет форму шара, во втором – теми же словами, но с неким уточнением или отличием, что земля овальная, в третьем – что земля плоская.

Главы (отдельные верлибры) обязательно обозначаются цифрой или же цифрой и заглавием, при этом вся текстовая структура верлибров в одном верлибре имеет одно общее заглавие. Также верлибры в одном верлибре имеют признаки эволюционизма – прогрессии или регрессии.

Примером (на правах сочинителя данной темы) служит моё стихотворение «Водные процедуры», опубликованное в 2013 году в еженедельнике «Позтоград», где присутствует подзаголовок определения данной матрёшечной формы [18].

ВОДНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ

два верлибра в одном верлибре

1. КУПАНИЕ ПОСЛЕ ЗАВТРАКА

Выплывешь в море, подальше от берега,
перевернёшься на спину и лежишь в волнах,
распластавшись, как блин на сковородке.
Смотришь в небо,
а небо огромное и полукруглое,
как большая стеклянная крышка,
накрывшая плоское морское пространство,
похожее на огромную сковородку,
и думаешь, что, может быть,
ты действительно блин...

2. КУПАНИЕ ПОСЛЕ ОБЕДА

Выплывешь в море, перевернёшься на спину
и лежишь, удерживаясь на плаву,
распластавшись на волнах,
как медальон говядины на сковородке.
Смотришь в небо, а небо огромное и полукруглое,
как большая синяя стеклянная крышка,
накрывшая плоский морской простор,
похожий чем-то на огромную сковороду,
и думаешь: может быть,
ты действительно медальон...

В «Водных процедурах» совмещаются два верлибра, похожих по форме друг на друга, но с небольшой смысловой интерпретацией. В целом, смысловая двойственность верлибра лежит как бы на поверхности, но в тоже время остаётся в подсознании читателя в форме последовательного перехода из одного состояния в другое. Первый текст, как бы наслаивается на последующий, образуя в воображаемом пространстве временной отрезок двух или трёхмерного изображения, напоминающий собой голограмму.

Если же следовать *морфологической теории эволюции животных*, характеризуя в общих чертах процесс эволюции в данной форме, важно отметить, что он обуславливается тем фактом, что изменения сопровождаются регрессией. Если

изменение произошло путём субституции слов в предложении, а композиция осталась прежней, как если бы некоторые части организма атрофировались, но были замещены другими частями с аналогичной функцией, тогда общее изменение организма как целого следует в сторону прогресса [19, с. 70].

В практике развития русского верлибра, на этапе выявления образно-интонационных и структурно-текстовых форм, данная матрёшечная форма, несколько верлибров в одном, была использована гораздо чаще, чем предыдущая форма. Пожалуй, как образец была использована двоюродным братом Николая Заболоцкого – детским писателем и сказочником, кировским поэтом Леонидом Дьяконовым («Начала дней»). Стихотворение было опубликовано в 1982 году [20, с. 99-100]. Леонид Дьяконов, как все его предшественники и последователи, не дал какого-либо определения этой форме верлибра, которую теперь можно определить как три верлибра в одном верлибре и отнести к матрёшечному верлибру. Его «Начала» по графической структуре ориентировано на кольцевую, охватывающую композицию: два трёхстрочных верлибра опоясывают один двухстрочный. Верлибры, имеющие общий заголовок (название), обозначены римскими цифрами. По сущности, пожалуй, Дьяконов был среди первых в истории развития русского верлибра, кто интуитивно сформировал и построил форму – несколько верлибров в одном верлибре (верлибры в верлибре) – разбил на главы смысловой текст, выделил тем самым каждый верлибр в одном верлибре. Пусть даже и в единственном штучном экземпляре. Можно только предположить, что данная форма матрёшечного верлибра возникла на основе изучения писателем вятского фольклора и происходила в процессе изучения русских сказок: в данном случае – *цепочной сказки*, повторяющей в развитие сюжета характерный образ.

НАЧАЛА ДНЕЙ

I

День начинается!

Работы парус полон.

Плыву под напряжённым полотном.

II

День начался. Как я ещё богат:

До вечера и взглядом не дотянешься.

III

День начался!

Он только начался!

Всё впереди, и ничего не поздно!

Леонид Дьяконов

В 2004 году в третьем номере журнала «Новый мир» Андрей Василевский в разделе «Опыты» публикует подборку своих стихов, в которой, как и у Дьяконова в единственном экземпляре, встречается в подобная форма в стихотворении «что делать». Верлибры объединяются помимо смысловой связки и графической формы применением в тексте каждой главы рефрена; правда, с небольшим отличием, если у Дьяконова это первая строка, то у Василевского – последняя [21].

Похожая форма матрешечного верлибра встречается в творчестве Геннадия Айги. Произведение «далёкий рисунок (памяти владимира пятницкого)», датированное 1979 годом, можно определить как два верлибра в одном верлибре (стихи в оригинале – без знаков препинания и заглавных букв).

У Иосифа Бродского верлибр «Камни на земле» (1959) – как пять верлибров в одном; графическая композиция верлибра более насыщена: состоит из двух четырёхстрочных верлибров, двух – пяти-, одного трёхстрочного финального верлибра [22, с. 98-99].

У Вячеслава Куприянова стихотворение «Дельфин» имеет форму матрешечного верлибра, если пронумеровать строфы или обозначить главы — форма готова: два верлибра в одном. «Дельфин» состоит из двух равных пятистрочных верлибров [23, с. 5-6].

Также у Куприянова в книге собраний стихотворений «Противоречия», изданной в 2019 году, встречаем классическую, отмеченную главами, как у Волошина, Дьяконова и Айги матрешечную форму: два верлибра в одном верлибре, состоящую из одного девяти- и одного десятистрочного верлибров.

В «Антологии русского верлибра» 1991 года достаточно много авторов, которые так или иначе соприкасались и подступали, а некоторые оперировали данной формой – верлибры в верлибре (несколько верлибров в одном верлибре):

Алексей Бельмасов («Странный человек»); Михаил Кузьмин [род. 1949] («Моментальная фотография», «Постскриптум»); Марина Кулакова («Когда я убивала в себе собаку...»); Вячеслав

Куприянов («Внеземные цивилизации»); Сергей Мнацаканян («Я научился убивать...»); Андрей Монастырский («Оттого что не кончается время...»); Александр Морев («Если начнётся дождь...»); Стелла Моротская («Музыканты приезжают...»); Александр Орлов («Это – мы...», «На склоне...»); Михаил Орлов («Я был»); Марина Орлова («Самые красивые люди...» и другие *верлибры с рефренами*); Станислав Подольский («Выпитая река»); Владимир Ражников («Фугато»); Виктор Райкин («Если Луна...», «там где локон коснулся шеи...», «Я опоздал...»); Олег Росла («Я хотел...»); Валерий Сафранский («Я – гражданин Рима»); Аркадий Тюрин («Мир, я боюсь...», «Я – почётный гражданин...», «Мы – голые беглецы...»); Роман Хе («Странно...», «Поэзия», «О памяти»); Вера Чижевская («Современнику», «Свободный человек», «Четвёртое измерение»); Анатолий Чиков («Чувство вины»); Александр Шумилов («Поле»); Сергей Щербаков («Во время войны...»); Александр Щуплов («Четыре лепестка у сирени...») и др. [24]

3. ВЕПРЛИБР

В сборнике «Верлибров лаборатория», вышедшем в 2017 году, я так определил данную форму: Вепрлибр (большой-, разделённый-, частичный верлибр) – тоже, что верлибр в верлибрах, но, в отличие от него, имеющий большую тестовую модель, объединённую общим сюжетом. Вепрлибр состоит из нескольких частей повествовательного характера, объединённых общей темой, единым замыслом, сюжетной организацией, как многочастный верлибр (верлибр в нескольких главах) [5]. Вепрлибр стоит между верлибром и стихотворением в прозе. Теоретик и практик палиндромии и экспериментальных форм стиха, доктор филологических наук А. Бубнов, размышляя о вепрлибрах, предложил свой термин – *прозолибр* (от слова «проза» и «верлибр»). Поскольку, как отметил поэт и литературный критик А. Карпенко, вепрлибр название всё-таки шутовское, хотя и остроумное, но созданное на основе фамилии автора [25].

4. АФОРИСТИЧЕСКИЙ ВЕРЛИБР (МАТРЕШЕЧНЫЙ)

Афористический верлибр – верлибр, состоящий из нескольких афоризмов, объединённых общей темой, единым замыслом, мыслью, поэтическим настроением. Также любой из афоризмов афористического верлибра может существовать отдельно по принципу матрешечного верлибра. Структура афористического

верлибра проста, главное, конечно, уникальность афоризма, точнее – нескольких афоризмов, объединённых внутренней лексико-грамматической связностью и целостностью, при этом интерпретация одного отдельного афоризма обеспечивает когерентность с последующим. В практике развития русского верлибра такая разновидность верлибра не встречалась, если не относить к афористическому верлибру многие произведения Льва Рубинштейна, который определил им иную форму, «карточную» [26, с.11 - и т.д.]. Впервые афористический верлибр (верлибр в пяти афоризмах) был опубликован в 2012 году в третьем номере литературного журнала «Зинзивер»:

ТВОРЧЕСТВО

афористический верлибр

I

Основная работа отнимает время на сочинительство,
но даёт возможность сочинять.

II

Сочинительство отнимает время на жизнь,
но жизнь даёт возможность сочинять...

III

Когда ты становишься профессиональным писателем –
основная работа становится невыносимой.

IV

Жизнь отняла много времени от сочинительства –
жизнь тоже хотела жить...

Александр Вепрёв

4. ЦИКЛ ВЕРЛИБРОВ (МАТРЁШЕЧНЫХ)

Цикл верлибров – по сути, данный цикл ничем не отличается от стихотворного цикла, цикла прозы в стихах и цикла коротких рассказов. Он может быть короче и длиннее (от двух до двадцати верлибров). Циклу даётся общее собственное название, а верлибры внутри цикла могут нумероваться или иметь свои названия. Единственное отличие состоит в том, что верлибры внутри цикла имеют признаки матрёшечной структуры или строения.

Как пример можно отнести к матрёшечному циклу верлибров «Александрийские песни» Михаила Кузмина; «Повесть временных

лет», «Пути России. Написание о царях Московских» Максимилиана Волошина; «Сельский часослов» Сергея Есенина; «Парта́нт» Константина Кедрова [27, с. 141-144], «Лошади на крышах, или Питерский цикл» Александра Вепрева [28, с. 86-91].

5. МНОГОЧАСТНЫЙ ВЕРЛИБР (ПРОЗОЛИБР)

Многочастный верлибр (*Прозолибр*, Термин А. Бубнова) – тоже что и веприбр, но в отличие от него, имеющий ещё большую тестовую модель, объединённую общим сюжетом или сюжетными линиями. Подобно циклу, имеет несколько больших частей, которые могут быть выделены отдельными главами. Напоминает собой произведение, стоящее между прозой в стихах и легендой, или сказанием, или повестью. Группа данных произведений, относящихся к *прозолибру*, встречаем у Николая Шамсутдинова «Безусловно, судьба по себе и выкраивает человека...» [29, с. 72-97], датированное 2007 годом; «Не пора ли, мой друг, возвращаться к освищенной прозе?» [29, с. 149-161], датированное 2008 годом, «Зачерствев, норв города высвобождает из образа нетопыря...», датированное 2007 годом [29, с. 206-213]. Данные произведения Шамсутдинова, пожалуй, представляют собой триптих верлибров, а если их объединить и обозначить главами – *триптих матрёшечной формы* русского верлибра (Довольно редкий случай в русской поэзии, если не сказать – единственный). Самая большая группа произведений подобной формы, в типологическом смысле относящаяся к верлибру, представлена также в творчестве Тимура Зульфикарова: «Золотые притчи Ходжи Насреддина» [30, с. 151-404], «Откровения Сергея Радонежского» [31, с. 31-92] и др.

ЕСТЬ ЛИ СТРОФА У ВЕРЛИБРА?

До сих пор никто из исследователей верлибра не дал сколько-нибудь доходчивого определения, что же представляет собой строфа в верлибре, и есть ли она там вообще как таковая, которая существует в изосиллабизме (*силлабическом стихотворении* и т. п.). К тому же в некоторых верлибрах разделение текста на части, модули или блоки – отсутствует. Выходит, что само строение верлибра имеет весьма расплывчатое определение и неопределённую форму, если мы не говорим о разновидности русского матрёшечного верлибра. Проще говоря, форма верлибра со всей взаимосвязью строк графически построенными автором в форме стиха может является неким

абзацем в тексте, частью целого и, соответственно, может называться частью или блоком. Ю. Б. Орлицкий, например, оперирует таким понятием как строфоид (неологическая строфа). Отсюда можно предположить о форме *строфоидного, частичного, модульного* или *блочного верлибра*, но с созданием понятия матрёшечного верлибра и эти формы попадают в разряд необязательных или второстепенных определений.

В Древней Греции строфой называлась хоровая песнь, которую исполнял в театре хор,двигающийся по сцене и, по окончании песни, возвращался на своё первоначальное место. Далее шла вторая, третья строфа (песнь) до завершающей строфы. В матрёшечном верлибре происходит подобное действие, за первоначальной частью следует вторая, а затем третья часть и т. д.

Строфа – это сочетание стихов (стих – в данном случае стихотворная строка, единица стихотворного ритма [32, с. 379]), объединённых общей рифмовкой (выделено мной) и представляющих ритмико-синтаксическое целое, отделённое от смежных стихосочетаний большой паузой. Под строфой понимают схему рифм (Например: *абаб + вггв + ддее*). В данном случае – четверостишие. Минимальная строфа – двустишие. Максимальный объём строфы исследователи объявляли произвольно – двенадцать. Четырнадцать, восемнадцать стихов. Абсолютной границы не существует и, например, рисунок онегинской строфы из четырнадцати стихов понятен и воспринимается отчётливо (Заглавными буквами обозначаются женские окончания, строчными – мужские: *A b A b C C d d E f f E g g*). То есть строфа в стихосложении – это группа стихов, объединённых определённым формальным признаком. По Гаспарову (от 2 до 16 стихов). 2-стишия александрийского стиха и 10-стишия одических строф – классицизма, 3-стишия терцин «Божественной комедии» Данте, 4-стишия 4-3-4-3-стопного ямба – германских баллад, 8-стишия октав – возрождения.

Как правило, о строфе говорят, когда в стихотворении используется рифма, и в рамках двустишия или в пределах многосложных и уникальных структур, включающих порой до 29 строк.

Значит, если в определении строфы говорится о сочетании стихов, объединённых общей рифмовкой [Словарь литературоведческих терминов, 1974], или имеющих свой порядок рифмовки [А. П. Квятковский. Поэтический словарь], то возникает

вопрос – можно ли данное определение как строфа применить в описание структуры верлибра?

Исходя из всего вышеизложенного, строфу можно определить в белом стихотворении, поскольку в нём присутствуют принципы строения, существующие в изосиллабизме (рифмованном стихе). Это ритм и рифма (в данном случае – пустая рифмовка, пусть даже имеющая в некоторых случаях эпизодически характер) и упорядоченное или неупорядоченное чередование мужского и женского окончания [33, с. 463-465]. А вот в верлибре – можно определить лишь с одним условием, если дать строфе новое базисное определение, в котором кроме прочего не будет сказано о рифмовке, объединяющей строки. Поскольку этого не произошло, значит, можно утверждать, что строфы в верлибре нет, потому что в нём (верлибре) нет явной рифмовки (*пустой рифмы*) и сочетания равных ударных слов, как в белом стихотворении.

Есть несколько синонимов, если их только можно отнести к понятию «строфа», из которых можно выделить следующие: часть, секция, модуль, блок (стихоблок, строфоблок, строфоид). А в просторечии можно выразиться проще: В матрёшечном верлибре пять *матрёшек*. Может и этот «зверь» приживётся, как прижилась в своё время *танкетка* (сверхкраткая поэтическая форма, состоящая из двух строк, насчитывающей в сумме шесть слогов и не больше пяти слов), созданная Алексеем Верницким [34].

(Условная строфа, строфоид), глава, часть, модуль, блок матрёшечного верлибра – это сочетание строк в верлибре, обладающих интонационно-синтаксическим строением, обладающей законченностью подобно апофегме или своего рода сентенции, подобно древнегреческой песне, только сконцентрированной до двух, трёх или нескольких строк, при этом блок, часть, модуль, строфоид или верлибр в общем тексте верлибра выделён и озаглавлен цифрой. Это своего рода отдельный верлибр, объединённый одной темой, единым замыслом и поэтическим настроением с общим текстом, где каждая глава, часть, матрёшка сама по себе самоценна и живёт своим собственным бытием, при этом, это не мешает ей участвовать в выработке общего смысла. То есть любая из этих частей может существовать отдельно, представляя собой отдельный верлибр. И, соответственно, может существовать как отдельное произведение, при этом являясь частью целого – верлибры в одном верлибре или верлибр в нескольких верлибрах. Понятие условной строфы заменяется понятием отдельного

верлибра: *верлибр в пяти верлибрах; пять верлибров в одном верлибре* и т. д.

Вероятно, можно дополнить или изменить формулировку строфы в справочниках и тематических трудах исследователей и стиховедов, чтобы из общепринятого фундаментального определения строфы было убрано понятие и определение любой рифмовки, которая объединяет строки произведения. Чтобы понятие строфы как структуры было сохранено, и она проявлялась в любых типах стиха (полурифмованных, нерифмованных и др.).

ВЕРЛИБР КАК ФОРМА РУССКОЙ МАТРЁШКИ

Но вернёмся к неожиданности... Итак, всё неслучайное происходит как бы случайно и неожиданно. Однажды я приобрел в магазине сувениров два вида матрёшек (один вид имел 5 матрёшек, другой – 6 матрёшек), достал их одну из другой, расставил на столе по порядку и наклеил на них заранее распечатанные на принтере и порезанные ножницами на небольшие бумажные текстовые модули своего стихотворного верлибра. Матрёшек собрал – и передо мной возникли два материализованных матрёшечных верлибра в их первоизданной красе. Теперь для меня понятие художественной формы русского верлибра стало настолько явственным, очевидным и ощутимым, что ни в сказке сказать, ни пером описать... И можно потрогать... и в руках подержать.

При чтении верлибра матрёшечной формы, это относится к более или менее небольшим по форме верлибрам, в которых входит не больше шести, семи матрёшек, получается некая занятная игра или магическое действие, имеющее языческое начало. Я беру матрёшку в руки, читаю первую часть текста, что наклеена на первой матрёшке. Потом открываю матрёшку, вытаскиваю вторую и читаю следующую часть текста и так далее, пока всех матрёшек не достану и не дочитаю верлибр до конца, до завершающего модуля. Соответственно если пять текстовых модулей, то матрёшек должно быть пять. Если шесть – шесть. И так далее. Есть вариант: на первой матрёшке оставлять одно название верлибра (стихотворения), а первый текстовый модуль приклеивать на второй матрёшке и так далее по порядку.

Исходя из идеи, как было сказано выше, что «мы пользуемся лишь частью наших зрительных возможностей, как, впрочем, и умственных», можно предположить о готовности говорить об

идеологической мотивации, политической составляющей матрёшечного верлибра как знамени русского верлибра. Или как об открытии в известном романе шахматного центра в Нью-Васюках. Неплохо было бы фабрике по производству матрёшек начать выпуск небольшой партии материализованного матрёшечного верлибра (с текстом на каждой матрёшке). А вдруг и этот подвид приживётся в русском сувенирном промысле?

Матрёшечный верлибр – это созданный образ при помощи текста, который вдруг явственно поднимается над листом бумаги, где текстовые его модули превалируют к апофегме или своего рода к глубокомысленным и, по сути, важным сентенциям... или к миниатюрным элегиям. Или к обычным и необычным матрёшкам.

Таким образом, мы видим, что смысловая и графическая композиция является стержнем, на котором держится и строится корпус одного верлибра в нескольких верлибрах или несколько верлибров в одном верлибре. Мысль и графика текста объединяет их в одно цельное текстовое пространство (три верлибра в одном верлибре и т. д.), а общее название данной формы, матрёшечный верлибр, является кульминационным, оно как бы подводит своеобразный итог. Важно то, что русский верлибр в отличие от американского и западноевропейского, имеет связь не только с русским футуризмом и авангардом, но и с изобразительным искусством и фольклором: русской сказкой, былиной, песней. И даже народным промыслом.

Само по себе слово «Верлибр» в мировой литературе пришло к нам из французского языка: *vers libre*. Термин западной поэтики своеобразных формаций стиха поэтов-символистов, пришедший к нам в начале XX века. В переводе означает «свободный стих». В немецком языке: *freier vers*.

Однако верлибр появился в России раньше, например – *разностопный трёхдольник* без рифм А. Фета «Я люблю многое, близкое к сердцу...», также образцы свободного стиха дал А. Сумароков. Классический пример русской полиметрии и свободного стиха (верлибра) – «Слово о полку Игореве». Свободным стихом также иногда писали Пушкин и Лермонтов. Из верлибров состоят многие древнерусские песни, легенды и сказки.

В начале 20-го века В. Я. Брюсов, первым из советских стиховедов, отнёс «свободные стихи французского строя» и «свободные стихи немецкого строя», а также дольники,

написанные разными метрическими размерами – к смешанным метрам [35, с.118-121].

Примечание в тексте:

1. Смешанными называются стихи, написанные разными размерами.
2. В свободных стихах немецкого строя каждый стих является элементом ритма и сам по себе может быть метричен или не метричен.
3. В свободных стихах французского строя (*vers libre*) каждый стих метричен, но может быть образован сочетанием произвольных стоп в произвольной последовательности.
4. *Дольник* (ранее – *паузник*. Термин С. Боброва) – введён В. Брюсовым – форма акцентного стиха, или ударника.

Основоположником верлибра в мировой литературе считается американец Уолт Уитмен, американский свободный стих стал его основной творческой формой («Листья травы» 1855 год. Первая публикация состояла из двенадцати стихов, последняя прижизненная – из более чем 400 стихов, разбитых на 15 циклов. Листья травы – игра слов: дословно, как «страницы низкого качества»).

Французский поэт Гюстав Кан в 1897 году первым сказал о западноевропейском верлибре в предисловии к сборнику своих стихов «Первые стихи» («Premiers poemes»). Гюстав Кан развивал верлибр и в дальнейшем в собственной поэзии. Вначале века многие западные и отечественные литературоведы сходились во мнении о том, что «свободный стих в современном понимании – это форма стиха, освобождённого от законов силлабики.

Примечание в тексте:

Силлаботоника — система стихосложения, в основе которой лежит выравненность числа слогов, количества и места распределения ударений в стихотворных строках [32, с. 348].

Проще говоря, верлибр не подчиняется правилам классического стихосложения. Русский филолог-стиховед Г. А. Шенгели говорил, что свободный стих является достаточно неопределённым; что свободным стихом называют обычно такую организацию словесного ряда, при которой речь ощущается как стихотворная, но не укладывается в рамки размеров, иногда именуемые «правильными» [36, с. 93-110]. Так или иначе, около этого понятия свободного стиха, характеризующимся принципиальным отказом от всех стихообразующих принципов, стояли многие исследователи, но особенное отличие русского

строю от французского, немецкого и другого строя так и не выявили.

Если в дословном переводе на русский язык *vers libre* (верлибр) означает свободный стих, то в связи с развитием русского верлибра в течение всего прошлого столетия и его стремительного развития в начале нового столетия, с образованием множественных подвидов и определений, можно говорить что свободный стих и верлибр приобрели или приобретают принципиально разные понятия. Существует немало толкований понятия, что такое верлибр. Разные литературоведы давали различное определение верлибру с такими признаками, как строфика и композиционное построение; верлибр с неравным числом ударений и без рифм, при этом к верлибру причисляются любые нерифмованные стихи, а к вольному или свободному стиху – частично рифмованные, ритмичные или частично ритмичные. Если некоторыми стиховедами было принято выделять три вида верлибров – акцентный стих (нерифмованный), белый стих и вольный стих, то, по моему мнению, моему наблюдению – вольный стих уступает место новообразованию верлибра – свободному стиху, поскольку вольный стих, имеющий нерегулярные размер и рифму, всё-таки в большей степени относится к разновидности силлабо-тонического стихосложения или классического стиха, чем к верлибру. То же самое относится к рифмованному *акцентному стиху*.

Многие исследователи считают верлибр – прозой, но верлибр является стихом, а не прозой, если в нём обнаруживается поэзия, взаимосвязь строк графически построенными автором в форме стиха. Если данное графическое построение отсутствует, но есть поэзия и ритмико-интонационная структура, значит, произведение относится к стихотворению в прозе (термин, введённый Ш. Бодлером и заимствованный у него И. Тургеневым, а затем другими литераторами). Стихи в прозе представляет собой художественную форму, являющуюся труднейшим литературным жанром, по А. П. Квятковскому [33].

Примеры: Иван Тургенев («Деревня», «Собака», «Нищий», «Услышишь суд глупца...», «Два четверостишия», «Памяти Ю.П. Вревской», «Как хороши, как свежи были розы...» и т. д.); Иннокентий Анненский («Мысли-иглы», «Моя душа», «Сентиментальное воспоминание», «Andante»); Василий Розанов (два короба «Опавших листьев»); Максим Горький («Песня о

соколе»); Владимир Солоухин («Камешки на ладони»); Виктор Соснора («15») и др.

Стихотворение в прозе обычно содержат бессюжетную композицию, небольшой объём, членение на малые абзацы, подобные небольшим главам. Эти особенности сходятся с особенностями матрёшечного верлибра, что вполне может говорить о создании нового подвида, как матрёшечное стихотворение в прозе.

Поскольку Брюсов, опираясь на изучение западного верлибра, выделил две его разновидности: «свободные стихи французского строя» и «свободные стихи немецкого строя», то принцип строения матрёшечного верлибра вполне может соответствовать понятию «свободного стиха русского строя», впрочем, как некоторая его особенность или способность к популяции разновидностей и различных его подвидов.

Примечание в тексте:

1. В *свободных стихах русского строя* каждая часть свободного стиха или верлибра может являться самостоятельным произведением, при этом, это не мешает данной части или выделенному верлибру участвовать в выработке общего смысла.

Далее опять неожиданно, и как бы случайно, я сделал заявку на участие в Фестивале литературного эксперимента (Первый фестиваль состоялся в августе 2019 года) и получил одобрение продемонстрировать свой визуально-текстовый опыт: матрёшечный верлибр. Основатель и куратор Фестиваля литературного эксперимента (ФЛЭ) – теоретик и практик палиндромии и экспериментальных форм стиха, профессор и доктор филологических наук А. В. Бубнов, который однажды принял участие в обсуждении данных моих экспериментов и предложил *«оставить в покое слово «верлибр» и на основе полиметрии и полиразмерности осознать другую – более обобщённую – форму, и раз уж она органически подвержена рифмовке, то и не препятствовать ей, не «надрыватьсья», а обозначить то свойство современной поэзии, которое делает её более пластичной, более универсальной, не подвластной мелкой дифференциации... Свойство это – Интегральность! Да, «эпитет» интегральный уже применяется к йоге, психологии, феминизму и даже к политике... Но всё это, во-первых, не настолько известно для устойчивых аллюзий, а во-вторых, достаточно далеко от поэзии как таковой, тем более, с её перманентными формальными*

поисками. Близок к философии интегрального стиха «гетероморфный стих» Ю. Б. Орлицкого [37], но этот термин тяжеловат фонически, да и не претендует интегральный стих вторгаться в страну стиха гетероморфного, особенно туда, где тот властвует коллажами (или «мозаиками»?) из силлаботоники... В наиболее общем и кратком определении: интегральный стих – это стиль стихосложения, основанный на отказе от строгой цикличности на всех уровнях стиха и на объединении (интеграции) в одну форму нескольких техник и стратегий, без особого преобладания какой-то из них в конкретном сочинении (по формуле: не коллаж, но синтез)» [38, с.199-215].

Не будем и мы полемизировать и вторгаться в страну интегрального и гетероморфного стиха, вернёмся к матрёшечному верлибру, поскольку, как мы уже успели понять, матрёшки практически стоят в другой смысловой области и совершенно не претендуют занимать территорию интегрального и гетероморфного стиха, но могут её, эту территорию, в себя вобрать.

ЦИТАТЫ

Впервые форма матрёшечного верлибра («Картофельное солнце: Пять верлибров в одном верлибре») была опубликована в 2011 году в десятом номере питерского журнала «Зинзивер». Следом за ней состоялась публикация пяти верлибров в одном верлибре в одиннадцатом номере журнала «Дети Ра», редактором которого является Евгений Степанов. По итогам 2011 года я как автор данной публикации был отмечен премией журнала «Дети Ра». За десять лет существования данная форма была представлена в десяти литературно-художественных журналах и двух зарубежных. Большая подборка *матрёшек* с краткой характеристикой формы вышла в литературно-художественном альманахе «Вятка литературная», посвящённом жизни и творчеству поэта Николая Заболоцкого. К 2020 году верлибры матрёшечной формы были переведены на удмуртский, башкирский, татарский, румынский, непальский и английский языки. А в пятом и шестом номерах кировского литературного журнала «Ротонда» (2020) состоялась первая публикация моей литературоведческой работы «Матрёшечный вариант русского верлибра: выбранные места из размышлений о верлибре» [39, с. 51-59; с. 54-61].

Далее состоялась публикация более расширенной версии моей статьи в научном журнале «Litera», который входит в список журналов ВАК (ВАК – Высшая аттестационная комиссия при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, созданная в целях обеспечения государственной научной аттестации). Журнал «Litera» также включён в крупнейшую авторитетную международную базу Ulrich's Periodicals Directory, присваивает всем опубликованным статьям международный универсальный идентификационный номер DOI (англ. digital object identifier, сокр. DOI). Цифровой идентификатор объекта, дискретный объект идентификатор – основной элемент системы DOI, предназначенной для обозначения объектов информационной деятельности. Журнал включён в Российский Индекс Научного Цитирования (РИНЦ) и зарегистрирован в Научной Электронной Библиотеке (НЭБ) [40].

Также о форме писали мои коллеги по цеху и некоторые литературоведы и критики.

«Александр Вепрёв превратил жанр верлибра в своеобразный поэтический «щит и меч», он же стяг, он же гимн, с которым этот рыцарь верлибра выходит на ристалище современной русской поэзии... Нет, это не битва во славу верлибра, это демонстрация его – верлибра – искусства и силы».

*Елена Сафронова,
«Дети Ра», №4, М., 2014*

«Александр Вепрёв представил в своей новой книге циклы верлибров и наглядно продемонстрировал, что новое – это хорошо забытое старое. Помните знаменитые «Александрийские песни» Михаила Кузмина? Это был цикл верлибров. Ещё на память приходят верлибры Нобелевского лауреата Сен-Жон Перса. Перс тоже писал верлибры циклами, часто – очень объёмными. В общем и целом, невзирая на разность стилистики у вышеупомянутых поэтов, возникает ощущение, что верлибры лучше всего воспринимаются во множестве, объединённые общей художественной задачей. И, конечно, молодец Александр Вепрёв, продолжающий в XXI веке эту славную традицию. Он выработал свой собственный стиль, солирующий в его циклах. Шутливо и остроумно некоторые из них назвал «веприбрами». Веприбры чем-то напоминают мне стихотворения в прозе Бодлера и французских символистов. Ближе всего они, пожалуй, к «Песням Билитис» друга Оскара Уайльда Пьера Луиса. Но поэзия в них –

фирменная, вепрёвская. И, наверное, самое притягательное в этих стихах – то, что не виден, не выпирает наружу, подобно мебели Собакевича, художественный приём, при помощи которого поэт достигает своей цели. И это настоящее чудо: приёма нет, а поэзия – есть!»

*Александр Карпенко,
«Литературные известия» № 09 (149), 2017*

«Что выделяет этого автора из всех прочих верлибристов, пишущих по-русски? Русское звучание, русский размах, русский юмор, какая-то простодушная свобода изъяснения, невысказанная, немислимая в верлибре западноевропейском и американском».

*Эмиль Сокольский,
«Литературные известия» № 2, М., 2018*

«Поскольку мы с Александром Вепрёвым оказались коллегами по части словотворчества в области авторской терминологии, то предложу (или переосмыслю) один из своих давних терминов – *прозолибр*. Термин, конечно, экспериментальный, тоже «лабораторный», связанный с категориями качества, субъективности, с неформальной оценкой содержания, с эстетикой «над» метроритмикой, но всё-таки с элементами формализма: например, преобладанием либо отсутствием нарратива, наличием тропов и фигур речи, их количеством, насколько соответствуют они критериям поэтики и т.п. Так вот, цикл Александра Вепрёва «Мой взгляд не сгибается в локте» я отношу к прозолибру: если убрать всю «разбивку» на строки, то получится лирико-ироническая малая проза, конгениальная верлибру, из которого она была получена путём нашего эксперимента. Обобщённо говоря, если после подобного мысленного преобразования какого-то отдельно взятого верлибра вы приходите к подобным выводам (допустим, о той же малой прозе), то этот отдельно взятый верлибр относится к прозолибру (подвиду верлибра)».

*Александр Бубнов,
«Южное Сияние» № 2 (26), Одесса, 2018*

«Как молодой Н. А. Заболоцкий, Александр Вепрёв смел в экспериментах. Проявляется это, прежде всего в верлибре. Здесь у Александра своя теория. Обосновывая личное отношение к многообразию форм этого жанра, он выделяет, прежде всего, русский верлибр, находя в нём широкое поле для творчества. И

опираясь на предоставленную свободу вольного стиха, создал свой вариант верлибра, матрешечный».

*Николай Пересторонин,
«Вятка литературная» № 5. Киров, 2020*

ССЫЛКИ:

- [1] Ярхо Б. И. Методология точного литературоведения. - М.: Языки славянских культур, 2006. - 927 с.
- [2] Александр Вепрѣв. Картофельное солнце. - СПб. «Зинзивер» № 10, 2011. - 104 с.
- [3]. Новый словарь иностранных слов. / Е. Н. Захаренко, Л. Н. Комарова, И. В. Нечаева. - 3-е изд. - М.: Азбуковник, 2008. - 1039 с.
- [4]. Пропп В. Я. Собрание трудов: Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки. - М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2021. 640 с.
- [5]. Александр Вепрѣв. Верлибров лаборатория: Верлибры в верлибрах, вепрлибры, афористические верлибры. - М.: Издательство Евгения Степанова, 2017. - 48 с.
- [6]. Александр Вепрев. Картофельное солнце: Избранные верлибры. - М.: Вест-Консалтинг, 2012. -102 с.
- [7]. Михаил Кузмин. Избранные произведения. - М.: «Художественная литература», 1990. - 576 с.
- [8]. Геннадий Айги. Собрание сочинений в семи томах. Зимние кутежи. Том второй. - М.: Гилея, 2009. - 124 с.
- [9]. Наталия Шмитько. Хиросиме. // «День поэзии». М.: Советский писатель, 1966. - 328 с.
- [10]. Белые стихи Серебряного века. - М. Издательство АСТ, 2019. - 224 с.
- [11]. Георгий Спешнев Личное дело, или Обнова: Избранное из неизданного. - [б. м.]: Издательские решения. 2017. - 250 с.
- [12]. Максимилиан Волошин. Звезда полынь. - М.: Изд. «Комсомольская правда», 2013. - 238 с.
- [13]. Русский верлибр. Антология. - А. К. Соколов - «Нордмедиздат», 1997-200с.
- [14]. Максимилиан Волошин. Стихотворения: Стихотворение и поэмы в двух томах. - Т. 2. Общ. ред. Б. А. Филиппова, Г. П. Струве и Н. А. Струве при участии А. Н. Тюрина. - Paris: YMCA-PRESS, 1984. — 592 с.
- [15]. Максимилиан Волошин. Пути России: Стихотворения и поэмы. Сост., авт. послесл. и прим. А. Зорина. - М.: Современник, 1992. - 247 с.
- [16]. Максимилиан Волошин. Стихотворения: Стихотворение и поэмы в двух томах. - Т. 1. Общ. ред. Б. А. Филиппова, Г. П. Струве и Н. А. Струве. - Paris: YMCA-PRESS, 1982. - 532 с.
- [17]. Русский верлибр: Антология. - А. К. Соколов - «Нордмедиздат», 1997-200с.
- [18]. Александр Вепрев. «Водные процедуры». // «Поэтоград» № 47, 2013- 8с.
- [19]. А. Н. Северцов. Главные направления эволюционного процесса. Морфологическая теория эволюции. Биология. Изд. стереотип. — М. Книжный дом «Либроком», 2017. -138 с.
- [20]. Встречи: Произведение кировских писателей». - Состав. В. В. Заболотский. — Киров: Волго-Вятское книжное изд., 1982. - 192 с.

- [21]. Андрей Василевский. «что делать». // «Новый мир» №3, 2004. -С. 131-132.
- [22]. Орлицкий Ю. Б. Стихосложение новейшей русской поэзии - 2-е изд. - М.: Издательский Дом ЯСК, 2021. - 1016 с. - (Studia philologica)
- [23]. Вячеслав Куприянов. «Эхо»: Стихотворения. -М.: «Современник», 1989-158 с.
- [24]. Антология русского верлибра. 360 авторов. (Составитель и автор предисловия Карен Джангиров) - М.: Прометей, 1991. - 752 с.
- [25]. Александр Карпенко. «Александр Вепрёв. Верлибров лаборатория: Верлибры в верлибрах, веприбры, афористические верлибры»// «Литературные известия» № 09 (149), 2017 - 12 с.
- [26]. Лев Рубинштейн. Большая картотека. - М.: Новое издательство, 2015. - 608 с.
- [27]. Константин Кедров. «Дирижёр тишины: Стихи и поэмы. - М.: Художественная литература, 2009. (Серия «Номинанты Нобелевской премии в области русской литературы») - 200 с.
- [28]. Александр Вепрёв. «Лошади на крышах»; «Фото на память: 1. Пётр. 2. Роги. 3. Царь». // «Нева» № 11, 2013. - 254 с.
- [29]. Николай Шамсутдинов. Избранное. Пяти томное собрание избранных произведений. Т. 3. - Тюмень: Издательство «Вектор Бук», 2018. - 528 с.
- [30]. Тимур Зульфикаров. Золотые притчи Ходжи Насреддина. - М. Художественная литература, 2009. - 432 с.
- [31]. Тимур Зульфикаров. Лазоревый странник на золотой дороге... (Песнопения Руси и Азии): Стихотворения, поэмы, притчи. - [Предислов. В. Личутин]. - М.: Современник, 1991. - 328 с.
- [32]. Словарь литературоведческих терминов (Редакторы-составители Л. И. Тимофеев и С. В.Тураев) - М.: Просвещение, 1974. - 509 с.
- [33]. Квятковский А. П. Поэтический словарь. - М. РГГУ, 2013. - 584 с.
- [34]. Алексей Верницкий. Пойманный выдох (ещё раз о «танкетках»). // «Арион» №1, 2007. - 130 с.
- [35]. В.Я. Брюсов Наука о стихе. Метрика и ритмика. - М.: Альциона, 1919. - 131с.
- [36]. Г. Шенгели Техника стиха: Практическое стиховедение. - М.: Сов. писатель, 1940. - 136 с.
- [37]. Орлицкий Ю. Б. Гетероморфный (неупорядоченный) стих в русской поэзии. // «Новое литературное обозрение», 2005. № 73. - С. 187-202.
- [38]. Александр В. Бубнов. В лаборатории свободного слова (полемические наброски и введение в новую дискуссию). // «Южное Сияние» № 2 (26), 2018. - 228 с.
- [39]. Александр Вепрёв. «Матрёшечный вариант русского верлибра: Выбранные места из размышлений о верлибре». // «Ротонда» №5, №6, 2020. - 62 с.
- [40]. Вепрев А.И. - Матрёшечный вариант русского верлибра // «Литера» № 4, 2021. - С. 64 -92.

**«КРИТИКА – НАУКА
ОТКРЫВАТЬ КРАСОТЫ И НЕДОСТАТКИ В
ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ИСКУССТВ И ЛИТЕРАТУРЫ»**

А.С. Пушкин

НАДСОН И РАХМАНИНОВ: НЕКОТОРЫЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Существуют в истории личности, творческие позиции, умонастроения, мироощущения которых по многим параметрам близки. В области искусства неоднократно проводились аналогии между творчеством Пушкина и Глинки, Пушкина и Мусоргского, Чехова и Шостаковича... В настоящей статье речь пойдёт о двух личностях – поэте **Семене Яковлевиче Надсоне** (1862-1887) и композиторе **Сергее Васильевиче Рахманинове** (1873-1943), объединённых одной эпохой, хотя их жизненные пути и не пересекались. Каждое время имеет свои константные критерии, своих константных героев. Составляющие той эпохи – *драматизм, конфликт и коллизия* – нашли своё полное отражение в творчестве указанных художников – композитора и поэта. Основными объектами дальнейших аналитических рассуждений послужат поэтическое наследие Надсона и вокальное творчество Рахманинова, наиболее ярко, на наш взгляд, отразившее в конце XIX века всю утопичность эпохи и надсоновский страдальческий дух.

Каковы же *ракурсы*, позволяющие сравнить творческие позиции Надсона и Рахманинова в целом? Ответ на этот вопрос, казалось бы, прост: именно в конце XIX столетия появляется целая плеяда творческих личностей, которые полностью не принадлежат ни к прошлому, ни к настоящему, имеют «личную эпоху», раскрывающую проблематику текущего времени в деталях. Однако, *текущее время* у Надсона и Рахманинова всегда преломлялось *сквозь призму собственного Я*, свои эмоции, свои чувства и воплощалось, порой, предельно драматично, если учесть, что общий драматический, конфликтный дух времени сочетался в их произведениях с внутренним драматизмом, проявлениями внутреннего конфликта. Их произведения имеют некую условную форму, вмещающую все перипетии, происходящие в окружающем мире, собственное Я с высокой степенью поляризации контрастных начал, с надеждой ухватиться за ускользающий мир и понять его коллизию. Восприятие *вне-пространства* (окружающего мира, природы, других людей) у Надсона и Рахманинова преломлялось через *внутри-пространство*. Поэтическое самовоскрешение, характерное для Надсона, базировалось на общечеловеческом, эстетическом, духовном подходе к темам, их направленностям; оно превращалось в

своеобразный крик о помощи, определяющий саму основу русской культуры рассматриваемого времени. То же самое – в произведениях Рахманинова.

Оба деятеля не стремились к популярности, не отрицали традиций, но и не шли «на поводу» у новых модных веяний. Так, Рахманинов писал: «В моих собственных сочинениях я никогда не делаю сознательных усилий во что бы то ни стало быть оригинальным или романтическим, или национальным, или ещё каким-то. Записываю на бумагу музыку, которую слышу внутри себя, и записываю её как можно естественнее... Единственное, что я стараюсь делать, когда сочиняю, – это заставить её прямо и просто выражать то, что у меня на сердце. Любовь, горечь, печаль или религиозные настроения – всё это составляет содержание моей музыки»¹. Выразить то, что на сердце – и типичнейшая черта всей надсоновской поэзии. Не случайно, наверное, Рахманинов не раз обращался в своём вокальном творчестве к стихотворениям Надсона (романсы «Пора!», «Мелодия», «Над свежей могилой»). На этом пути их сближало многое, например, трагическое мировосприятие, тотальное ощущение неизбежности, и, наконец, эпоха, пронизанная драматическими коллизиями. Рахманинов избирал из поэзии Надсона наиболее близкое для себя, олицетворенное трагическим настроением. Судя по обращению к подобным стихотворным текстам Надсона – этот факт можно рассматривать как намеренное действие композитора. Замкнутое гуманитарное сознание, порядком надоевшие восклицания о красоте мира, характерные многим деятелям искусства прошлого, в стихах Надсона и романсах Рахманинова нейтрализуются избыточной множественностью проявлений, преимущественно, драматических моделей. На наш взгляд, не осталась незамеченной Рахманиновым и отмеченная современниками *«музыка» стиха Надсона*, понимаемая истинными поэтами и получавшая горячие отклики в тогдашней прессе². П. Полевой отмечает дар Надсона следующим образом: «Поэтическая идеальность чарует своим звучным, лёгким, музыкальным стихом, которым Надсон глубоко проникает в сердца то скорбя, то утешая, ободряя не унывать и отважно стремиться вперёд»³. Действительно, *русская поэзия того*

¹ Рахманинов С. Музыка должна идти от сердца (Интервью с Дэвидом Иуеном) // Советская музыка, 1973, № 4. С. 103.

² Критик А.Скабичевский, обращаясь к стихам Надсона, писал: «Как много такого, что не высказать словами!» // Новости, 20 января 1887 года, № 19.

³ Полевой Т. История русской словесности, т. 3. – СПб., 1900. С. 217.

времени уводила в дебри человеческой души, не закрывая её падений и страшных сторон. *Русская музыка*, прежде всего, была трагичной. Неразрешимость духовных конфликтов – её нерв. Зло гораздо богаче представлено в русской музыке, чем думается. Гений Рахманинова спрессовывает впечатления бытия, заостряя, чаще всего, какую-то одну сторону, угол зрения, высвечивая остальное путём скрещивания драматического и лирического. В этом – ещё одна близость Рахманинова творческим позициям Надсона. Группы настроений в романах Рахманинова подчёркивают контрастность самой лирики композитора, её широкий диапазон. Но всё же, пожалуй, самые трагичные романсы Рахманинова созданы именно на тексты Надсона.

И в произведениях Надсона, и в вокальных сочинениях Рахманинова, как уже отмечалось, нашли отражения все типичные коллизии эпохи: бездушная толпа и призыв к пророку; разочарование, прощание и уход из жизни – с образом вечной Весны в душе; как правило, вытекающая из вышеуказанной коллизии – тема Диссонансов; а также присущая любому русскому – любовь к природе, но с диссонантной окраской (красота надоела, природа часть излома души). Исходя из этого, можно выделить 3 существующие диспозиции, объединяющие творчество этих художников.

1 диспозиция: диссонанс мировой модели и обращение к пророку. Переключку коллизий можно отметить в стихах Надсона и романах Рахманинова как на тексты самого Надсона, так и близких по духу поэтов. Коллизия диссонанса мировой модели, отражающаяся в душевном разломе, предчувствиях, безвыходного желания уйти от всего этого, трактуется у Надсона следующим образом: «Не верьте вообще моим «светлым песням» – они пишутся, чтобы уверить самого себя в том, что не всё вокруг и во мне самом безотраднo и темно» (из дневника поэта)⁴,

«...И горько плачу я – и диссонанс мученья

Врывается в гармонию стиха...»⁵,

«Ты прав: печальны наши звуки,

В них стон и вопль, в них желчь и яд,

В них диссонансы тяжкой муки

И грозы тайные звучат»⁶.

⁴ Надсон С. Аккорд еще рыдает: Стихотворения. – М., 1998. С. 6.

⁵ Надсон С. В тот тихий час // Надсон С. Аккорд еще рыдает. С. 73.

⁶ Надсон С. Ты прав: печальны наши звуки // Надсон С. Аккорд еще рыдает. С. 137.

Диссонирование для Надсона – причина внутреннего смятения, трагедии.

Похожие настроения присущи и романсу «Диссонанс» на слова Я. Полонского (ор. 34, № 13) Рахманинова. Там есть следующие строки:

«Я из мрака в таинственный сумрак гляжу...
...я опять улетаю на крыльях мечты в эту темь».

Причём диссонантность содержания стиха подчёркивается диссонантностью в музыке: Рахманинов в фортепианной партии использует обилие разнообразных хроматических звуков, скачки на тритоны, порой, режущие слух. Насыщенность фактуры оправдывается в данном случае трагической насыщенностью слов Полонского.

Есть ли выход из вечного диссонирования миру? На первый взгляд, кажется, он есть – *это обращение к пророку*. Ожидание чуда, поиск лидера, ведущего ведомых, смогущего изменить, упорядочить модель мира выражалось у Надсона путем вызывания к несуществующему «пророку», способному усмирить «толпу»:

«Пусть нам исхода нет, – не веруй, но молчи...
И так уж ночь вокруг свой сумрак надвигает,
И так уж гасит день последние лучи...
Пусть иной пророк, – пророк, быть может лживый,
Но только верящий, нам песнями гремит,
Пусть его обман, нарядный и красивый,
Хотя на краткий миг нам сердце оживит...»⁷.

В последнем двустишии Надсоном выражается неверие в наличие пророка, способного вести ведомых без лжи. Это – общая тенденция того времени! Нет религии, нет веры в более организованное начало. Надсон говорил о себе: «...не нужен ты толпе!»⁸, «...титан-толпа..., пошла и низменна, бездушна и слепа...»⁹. Толпа главенствует над всем и нету на неё пророка! В романсе Рахманинова на стихи А. Фета «Давно в любви» (ор. 14, № 3) есть порыв: «...оставь меня, смейся с толпою...». И как ответом на желание уйти «в толпу» звучат сквозь время слова, когда-то написанные Надсоном: «И ты поймёшь, гордец, как велика толпа»¹⁰, «Напрасно я ищу могучего пророка... Пророков нет...»¹¹.

⁷ Надсон С. В большие наши дни... // Надсон С. Аккорд еще рыдает. С. 287.

⁸ Надсон С. В большие наши дни... // Надсон С. Аккорд еще рыдает. С. 287.

⁹ Надсон С. В толпе // Надсон С. Аккорд еще рыдает. С. 130.

¹⁰ Надсон С. В толпе // Надсон С. Аккорд еще рыдает. С. 130.

Именно в цикл из 12 романсов оп. 14, отмеченный более высокой творческой зрелостью 90-х гг. XIX века, Рахманинов включает произведение на текст Надсона «Пора!»:

«Пора, явись, пророк! Всей силою печали,
Всей силою любви взываю я к тебе!
Взгляни, как дряхлы мы, как мы устали,
Как мы беспомощны в мучительной борьбе!
Теперь иль никогда!.. Сознание умирает,
Стыд гаснет, совесть спит. Ни проблеска кругом.
Одно ничтожество свой голос возвышает...»

Лейтмотивом стиха и романса становится фраза: «...явись, пророк!». Музыка драматически-взволнованна: обличающий ничтожество окружающего мира характер текста Надсона дополняется жадной действия в музыке Рахманинова с помощью общего приподнято-патетического тона. Рахманинов выступает в этом произведении как первоклассный мелодист, представляя органичный сплав декламационного и вокально-напевного начал, при доминировании первого. Некоторые критики сравнивают характер романса с этюдом *dis-moll* А. Скрябина¹², другие – с этюдом-картинной *es-moll* (кстати, в этой же тональности написан и романс «Пора!») самого Рахманинова¹³. Безусловно, что романс «Пора!» принадлежит к числу лучших произведений композитора по глубине содержания, яркости драматического порыва, высокого пафоса протеста, страстности призыва. Весьма оригинальным является воплощение в романсе Рахманинова надсоновской темы обращения к пророку как определённого поиска выхода из мирового диссонанса. Но выхода нет – пророк не явился!

Эта тема позднее затрагивается Рахманиновым и в цикле романсов оп. 21. Он практически завершается той же «проблематикой» – романсом «Я не пророк» на слова А. Круглова. В тексте – типичная для стихов Надсона отстранённость от борьбы, а в музыке – гимн во славу мужества и твёрдости духа. Этому способствует наличие в фактуре гулких ударных басов, аккордов, маршевость ритма, призывность интонаций. Если у Надсона призыв к пророку обречён на провальность, то в романсе Рахманинова «Я не пророк» на слова Круглова призывность

¹¹ Надсон С. Напрасно я ищу могучего пророка... // Надсон С. Аккорд еще рыдает. С. 322.

¹² Об этом: Келдыш Ю. Рахманинов и его время. – М., 1973. С. 129.

¹³ Об этом: Сухомлинов И. К проблеме интерпретации этюдов-картин Рахманинова // Как исполнять Рахманинова: Сб. статей. – М., 2003. С. 99.

настолько подчёркнута, что остаётся надежда на появление этого пророка. Рахманинов музыкальными средствами даёт иной выход к постижению смыслов: не всё потеряно, пророк быть может!

2 диспозиция – смерть и жизнь. Изначально понятно, что чаще всего жизнь ассоциируется с образами природы. Смысл разочарования, близкого ухода, смерти, прощаний с ещё юным, весенним состоянием души в принципе свойственны русскому человеку из-за ментальной любви к природе. Но в произведениях Надсона эти эмоциональные категории настолько обострены, что создаётся впечатление тотальной смертности. Надсон умер в 24 года, зная на протяжении долгих лет о своей неизлечимой болезни. Его мировосприятие было утрированным, и утрировалась в нём именно тема смерти. Из дневника Надсона: «У меня все люди разделяются на две половины: на живых и мёртвых... Свойства людей живых – это любовь к природе, способность восхищаться ею, познавать её красоту и глубоко чувствовать превосходство над собою»¹⁴. Естественно, что при ощущении неизбежности раннего ухода из жизни, поэзии Надсона не характерны «свойства живых людей» – насквозь трагично всё его творчество. Лишь некоторые страницы Автобиографии Надсона запечатлели его Иным, и то это было связано с конкретными обстоятельствами, достижениями на литературном поприще: «Темно и скверно было кругом, а на душе у меня цвела и грела радужным блеском самая нарядная, самая благоуханная весна: вечер, о котором я вспоминаю, был вечером первого моего вступления в литературный мир, первого знакомства с известным поэтом Плещеевым, обратившим внимание на мои стихи... Я был как в чаду»¹⁵. Но всё ж главной продолжает оставаться тема смерти и прощания, расставания и ухода:

«Мне не больно, что жизнь мне солгала, – о нет.
В жизни, словно в наскучившей сказке,
Как бы ни был прекрасен твой юный расцвет,
Не уйти от избитой развязки.
Не уйти от отравы стремлений и дум,
От усталости, желчи и скуки,
И изноет душа, и озлобится ум,
И больные опустятся руки!»¹⁶.

¹⁴ Надсон С. Из дневника // Надсон С. Аккорд еще рыдает. С. 19.

¹⁵ Надсон С. Из Автобиографии // Надсон С. Аккорд еще рыдает. С. 129.

¹⁶ Надсон С. Мне не больно // Надсон С. Аккорд еще рыдает. С. 180.

Тема неизбежности превращения весеннего зарождения жизни в предсмертные молитвы становится характерной и для романсов Рахманинова. Так, в романсе «Как мне больно» на стихи Г. Галиной (ор. 21, №12) есть слова: «Как свежа и душиста весна... Хоть бы старость пришла поскорей». Вся жизнь – есть движение к смерти; эти пророческие строки приковали внимание Рахманинова к поэзии Галиной. А их суть – в текстах Надсона, которые Рахманинов в определённый момент своей жизни боготворил.

Ещё один романс Рахманинова на стихи Надсона – «Над свежей могилой» (ор. 21, № 2) – драматически-декламационен по своей сущности. За свои 24 года Надсону предстояло пережить смерть самых близких людей – отца, матери, отчима, музы. И это отчаяние одинокого и обречённого на смерть человека отображено в стихотворении:

«Я вновь один – и вновь кругом
И я в раздумье роковом
Стою над свежеею могилой:
Чего мне ждать, к чему мне жить,
К чему бороться и трудиться:
Мне больше некого любить,
Мне больше некому молиться!»

Здесь присутствует и суицидальный мотив – роковое раздумье: «...к чему мне жить...»? Здесь смерть доминирует над всеми светлыми чувствами, которые когда-то приносили ушедшие люди. В фактуре Рахманинова – типичные похоронно-маршевые аккорды, удары «литавр», стонущие интонации в пассажах. Часто используемое Рахманиновым в больших более просветленных фрагментах формы целого триольное сопровождение в партии фортепиано, в романсе «Над свежей могилой» ограничивается попыткой уйти в мажор на протяжении всего лишь двух тактов. Композитор очень чутко проникся текстом Надсона и воссоздал идеальную картину обречённости.

Тема смерти, так ярко воплощённая в поэзии Надсоном, не столь тотально проявилась в творчестве Рахманинова в целом. Да, можно привести в пример, его «Остров мёртвых», «Распоян на тему Паганини», «Симфонические танцы», некоторые фортепианные произведения, однако, наравне с этой образной сферой, в музыке композитора существует и радость, упоение природой (кантата «Весна»), свет, национализм («Русская

рапсодия»), другими словами, – образы жизни! Да и вокальное творчество Рахманинова тоже отличается содержательной и образной пестротой.

3 диспозиция – природа и человек. Известно, что природа в большинстве случаев сродни человеку и его эмоциональным состояниям. Кто-то зависит от природных явлений, которые стимулируют эмоции, а кто-то, имея внутри себя «заданную» эмоциональную сущность, наоборот, воспринимает природу сквозь призму собственного Я, своих проблем. У Надсона личные эмоции – есть эмоции всего окружающего мира. Всё та же обречённость поэта стимулировала восприятие природы как явления сопричастного, как явления трагического:

«Пусть стонет мрачный лес при шуме непогоды,
Пусть в берег бьёт река мятежною волной,
С ночными звуками бушующей природы
Сливаюсь я моей истерзанной душой.
Я не один теперь – суровые страданья
Со мною делит ночь, могучий друг и брат.
В рыданиях её – звучат мои рыдания,
В борьбе её – мои проклятия кипят»¹⁷.

Природа в вокальных произведениях Рахманинова – более разнообразна в своих проявлениях. Но есть и некоторые параллели: даже конкретные образы природных объектов ассоциируются одинаково и у поэта, и у композитора. Надсон: «...ива плачет над водой...»¹⁸, Рахманинова же привлёк стих А. Блока, где есть следующие слова: «Ночью в саду у меня плачет плакучая ива» (ор. 38, № 1).

Самым масштабным из всех романсов Рахманинова, написанных на слова Надсона, является «Мелодия» (ор. 21, № 9). Смерть на фоне природы? Ведь именно так воспринимаются слова поэта:

«Я б умереть хотел на крыльях упоенья,
В ленивом полусне, навеянном мечтой,
Без мук раскаянья, без пытки размышленья,
Без малодушных слёз прощания с землёй.
Я б умереть хотел душистою весною,
В запущенном саду, в благоуханный день,

¹⁷ Надсон С. Пусть стонет мрачный лес... // Надсон С. Аккорд еще рыдает. С. 78.

¹⁸ Надсон С. В тени задумчивого сада // Надсон С. Аккорд еще рыдает. С. 59.

Чтоб купы тёмных лип дремали б надо мной,
И колыхалась бы цветущая сирень.
Чтоб рядом бы ручей таинственным журчаньем
Немую тишину тревожил и будил
И синий небосклон торжественным молчаньем
Об райской вечности мне внятно говорил.
Чтоб не молился я, не плакал, умирая,
А сладко задремал и снилось мне б во сне,
Что я плыву... плыву и что волна немая
Беззвучно отдаёт меня другой волне...»

У Рахманинова этот романс – подобие вокальной поэмы. Мелодия неторопливо развёртывается на фоне непрерывно льющейся волнообразными фигурациями партии фортепиано (потрясающее выражение слов: «...Что я плыву...плыву и что волна немая беззвучно отдаёт меня другой волне»). Особое свойство мелодизма Рахманинова проявляется здесь во всех ипостасях:

1) переплетение, слияние партий вокала и фортепиано, 2) контрапунктическое проявление партии вокала, 3) фортепианная партия – в характере самостоятельной пьесы с особой разработочностью, «досказанностью» фактуры.

В завершении хотелось бы привести слова А. Скабичевского из Некролога, посвященного Надсону: «Под конец короткой жизни поэзия Надсона принимала всё более широкий кругозор и выходила из рамок чисто субъективных мотивов. Он начал затрагивать различные философские темы, но также чарующие художественностью вполне объективную. Человеческое достоинство и честь сулило выражение строк недюжинной силы»¹⁹. Аналогичную эволюцию можно наблюдать и в жизни и творчестве Рахманинова и уж тем более нельзя не сказать о той философской, мощной силе воздействия его последних сочинений, проникнутых трагическим надсоновским колоритом.

Ю.С. Петрова,

*поэт, прозаик, эссеист и публицист,
Заслуженный работник науки и образования
Российской академии естествознания,
Советник Российской академии естествознания,
член Международного Союза писателей (СПСА)*

¹⁹ Скабичевский А. Новости, 20 января 1887 года, № 19.

БУНТАРЬ ИЛИ НЕРАВНОДУШНЫЙ ПРАВДОИСКАТЕЛЬ?

статья

В наши дни, кажется, невозможно удивить кого-то даже оригинальным поэтическим образом, новаторской рифмой, строкой. В век торжествующих информационных технологий само стихотворчество для некоторых – уже анахронизм.

Но, как быть, если поэзия рядом, даже в сибирской стуже, но не всякий может выразить то, что чувствуют многие: и «вышку одинокую», и «жилую бочку», и в ней «одинокого мужика» - поэта, который пишет, потому что он не может не писать, не обнажая при этом свою душу, выливая на белый лист сокровенное...

Я держу в руках подарок – сборник стихов тюменского поэта **Сергея Целых** под названием «Бунтарь». Кумачового цвета книжка, на обложке которой рабочий, вставая с колен, поднимает красный флаг СССР. Флаг уже не существующей, страны.

БУНТАРЬ – золотом грозно сверкают буквы на красно-красном фоне.

Кто он, бунтарь? И я отвечаю: правдоборец, правдолюб с нежной и ранимой душой.

Целых Сергей Михайлович родился 23 мая 1951 года в селе Вознесенка, что в Северо-Казахстанской области. Жил, как все мальчишки нашей советской страны, любил нежно и трогательно свою маму – Марию Ефимовну:

*Я родился весной, в соловьиные ночи,
Когда буйной травой покрывалась земля.
И с любовью смотрели родимые очи
На рождённое только что в муках дитя.
Я любовь ту понёс, как священное знамя,
И по жизни всегда*

Продолжаю нести.

Любовь к матери, Родине, женщине, правде является основным лейтмотивом стихов Сергея. Почему и захотелось отозваться на эту книгу.

Прежде всего, потому, что лирическая поэзия Сергея Целых очень близка мне по духу, вообще культура – сегодня важный, даже можно сказать, главный проводник духовности, что не даёт

прерваться связи времён. Стихи его буквально пронизаны чувством причастности к происходящему, жизни нашего общества, нашей страны. В его строках отчётливо слышится как клятва верности тому, что ему особенно дорого, звучит девизом жизни поэта:

*Отдать любимой буду рад я
Любовь и сердце, ко всему
Жизнь Родине отдам, не глядя,
А честь, поверьте, никому.*

Став членом Российской коммунистической рабочей партии (РКРП - КПСС), он ни на йоту не изменил своих гражданских принципов. Не перевоплотился и не ухватился за новое демократическое мышление, похожее на волюнтаризм, которое его, как настоящего правдолюбца, никогда не прельщало. С гордостью поэт пишет *«К слову сказать, в отличие от многих я и сегодня остаюсь коммунистом. Настоящим! Членом Российской коммунистической рабочей партии (РКРП - КПСС) Никогда не предавал ни партию, ни Родину и всегда оставался верен присяге и долгу».*

Сергей Михайлович стал высококлассным токарем, регулировщиком радиоаппаратуры, окончил школу мастеров и поступил в УПИ Петропавловского филиала, на радиотехнический факультет. Последние курсы учился заочно, работая в Среднеобском производственно-техническом управлении связи. В это время и начал писать стихи.

В середине девяностых стихи Сергея Михайловича были опубликованы в газетах, журналах, вышло несколько коллективных сборников, где он был представлен как один из авторов.

В 2008 году выходит первая книга стихов Сергея Целых «Чтобы сердцем...». В ней представлены избранные стихи биографической направленности. Любовь к матери, Родине, женщине, Правде – является основным лейтмотивом стихов Сергея Целых.

Будучи человеком цельным, он не адаптируется к настоящему, слишком много внутри поэта неприятия современной жизни, её норм морали. Он не желает подстраиваться под новые реалии, не принимает новые ценности. Бунтарь, правдолюб и правдоискатель с чистой душой.

Он стремится понять, заглянуть внутрь себя и своих современников, заставить задуматься читателей о том, что происходит вокруг. «О России с любовью, о России с тревогой...» дышит его каждая строка, каждое слово.

Верность стране, в которой родился и жил, своим идеалам и клятвам, данным когда-то. Такова жизненная позиция Сергея Михайловича Целых, такова его беспокойная муза.

Он как «Буревестник» Максима Горького зовёт за собой, не шепчет на ушко в тиши, а кричит. В его громкой поэзии «...жажда бури! Силу гнева, пламя страсти и уверенность в победе слышат в этом крике». В них призыв к борьбе, призыв к справедливости и правде. Его стихи местами безжалостны, наполнены болью и неприкрытой искренностью, глубоким духовным потенциалом, будто находятся вне времени и моды, но при этом отличаются яркой образностью и актуальностью...

Иногда поэтому они кажутся неуловимо знакомыми, но при этом совершенно новыми... В творчестве поэта есть поиски смысла жизни, рассуждения о главном и вера во всепобеждающую силу любви и правды.

Стихи Сергея Целых небольшие, но ёмкие, берут за живое, заставляют задуматься о будущем, о прошлом и настоящем...

И всё же, эта книга о любви. Очень импонирует образ лирического поэта, который, не заявлен, не утверждается и всё же, просвечивает в ряде его стихов, посвящённых жене – Татьяне, его другу и соратнику:

*Ты, единственная, родная,
О которой стихи слагаю,
По ночам о которой мечтаю,
Для которой песни пою.*

Внимания заслуживают и стихотворения, отражающие сущность поэта, его отношение к своему дару:

*Поэзия – отдушина моя
От жизни нашей серой и унылой...*

И, несмотря на то, что:

*Каждый обидеть может поэта-
Ведь для таких незадачливых дел
Много талантов не надо, и это,*

*Видно, такой у поэтов удел.
Видно, судьбою им всем предначертано
Молча сносить и обиды, и гнев,
Души их ранами перечерчены-
Видно, такой у поэтов удел.*

И я всё же: бунтарь или равнодушный правдоискатель?
Резюмирую: равнодушный человек с открытым миру
сердцем!

О.С. Губина,
*член Союза российских писателей,
член Правления ТОО СРП,
член Международного союза писателей СА,
руководитель литературного объединения
«Ялutorовская лира», Тюменская область*

УВАЖАЕМЫЙ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ!

**В День Вашего 70-летия примите сердечные
поздравления с этой знаменательной для Вас датой!**

Вы своей жизнью и творчеством показываете пример беззаветной любви и верности своим идеалам. Ваше трудолюбие, прямота и открытость заслуженно вызывают уважение и признательность гражданина России. Вы искренне участвуете в судьбах людей, помогаете им решать злободневные, насущные проблемы, чем по праву заслуживаете уважение и признательность своих земляков.

От всей души желаем Вам дальнейших творческих успехов и достижений, благополучия, осуществления новых идей и намеченных планов!

Пусть в Вашей жизни будет больше приятных моментов, которые подарят Вам радость и уверенность в завтрашнем дне!

**Здоровья, неиссякаемой жизненной энергии,
большого личного счастья!**

ИСТОКИ

эссе

Есть на земле благословенное место, где я появилась на свет. Малая Родина. На просторах смешанного мелколесья юга Западной Сибири, перемежающегося полями и полянами, раскинулось сельцо Ситниково, когда-то давно, в середине восемнадцатого века образовавшееся из пяти сросшихся хуторов, основателями одного из которых были братья Ситниковы. Так и село назвали – по фамилии первых поселенцев.

Дом, в котором прошло моё детство, стоял на краю села и на берегу речки. Сразу за огородом начинался земляничный лес, за речкой раскинулась большая незабудковая поляна, а чуть дальше ямы, оставшиеся от выемки песка, потом заросшие, в которых ранней весной стояла чистейшая талая вода, и было видно каждую былиночку, каждый листик, оставшиеся с осени. Позже вода уходила, всё покрывалось зелёным ковром. А к осени под берёзками, что росли по краям ям, появлялись обабки и синявки²⁰. Можно было без особых хлопот организовать на обед грибной супчик или пожарить картошку с грибами.

Место для дома выбрал отец. И дом он тоже построил сам. По нынешним меркам – домик. Сколько в нём квадратов было, я и не знаю. С крылечка можно было попасть в сенки, потом в маленькую прихожую. Из прихожей – в кухню, львиную долю которой занимала русская печь. Вдоль стен от печки шли лавки. У них было двойное назначение. На лавке можно было сидеть, а под лавкой можно было хранить. Место для хранения под лавкой задёргивалось занавеской. Чего там только не было! Например, кринки с молоком, по верху которого отстаивались сливки. Я

²⁰ В Западной Сибири «обабками» называют грибы подберезовики, а «синявками» – сыроежки.

любила сливки! И частенько снимала их ложкой! А мама меня за это ругала, потому что это был эгоистический поступок: сняв сливки не получишь сметаны, а в семье кроме меня ещё семь человек – нельзя думать только о себе. Правда потом, через годы, когда я выросла и уехала учиться в Тюмень, история со сливками стала выглядеть совсем по-другому. Я приезжала домой изредка на выходные или каникулы, мама ждала меня, «не знала» куда меня усадить, чем угостить, и всё время спрашивала: «Таня, может, ты сливок хочешь?». А я уже не могла порадовать маму согласием – появились другие предпочтения.

Но вернёмся к печке и лавкам. Над лавкой в углу висел шкафчик. В шкафчике хранилась посуда, какие-то бутылочки с разными снадобьями. От печки к шкафчику ближе к потолку была верхняя полка. Там лежали крупы, мука, тазик для замеса теста, сито для просеивания муки, скалки, пестики, висели травы, сушёные грибы, парёнки (такое вкусное лакомство из морковки). За печкой лежали ухваты для удобства ставить в печь и доставать из неё чугунки, горшки, и кочерга – горячие угли загребать.

По центру противоположной от печки стены было окошко. Поздней весной и летом оно распахивалось прямо в черёмуху. Когда она цвела, в кухне стоял густой чарующий запах белых черёмуховых гроздьев. А в августе можно было прямо из окна полакомиться черёмуховыми ягодами.

В углу стоял небольшой самодельный стол, крытый клеёнкой, в полукруг возле него продолжались те же самые лавки, что начинались от печки. Дальше по кругу вдоль стены стояла газовая плита. Но она появилась позже, в году семидесятом, после долгих уговоров мамы моим дядей, маминым братом. Это был настоящий прогресс. Если прежде для приготовления пищи надо было топить печь, то с появлением газовой плиты, всё намного упрощалось. В обиходе была ещё настольная электрическая плитка на одну конфорку. Ей пользовались в основном летом или когда заканчивался газ (газ привозили в баллонах). Дальше (если двигаться вдоль стенки), было место для охапки дров, чтобы было чем затопить печь. А в углу, за дверью стоял умывальник – «кривоногий и хромой» у Чуковского, а в моём доме – круглый, оцинкованный и мокрый.

Убранство кухни было привычным и ничем особенным не привлекательным. Сейчас же, вернувшись в воспоминаниях на пятьдесят лет назад, мне оно кажется продуманным и почти гениальным.

Русская печь.

За исключением лета, всё готовилось в русской печи. Её топили каждый день. Мама вставала очень рано, ещё до шести часов, и первым делом затапливала печь. Дрова для этого заготавливались с вечера: за ночь они немного просыхали от уличной влаги. В будние дни готовили кашу и щи. Кашу можно было приготовить, пока в печке горели дрова. А щи потом, когда дрова прогорят. В чугунок закладывались сразу все ингредиенты: мясо, картошка, морковка, капуста, соль, лавровый лист, вода. Чугунок ставился подальше в печь, к нему подгребались ещё красные, раскалённые угли. Печку закрывали заслонкой, чтобы жар не выходил, и оставляли чугунок до обеда. Эх, хлебнуть бы сейчас тех щей! Такого особенного вкуса ни на какой, самой навороченной, современной плите не добьёшься. Будет вкусно, но не так!

В выходные дни мама всегда пекла: или блины, или пироги, или шаньги, или «мантулики». Так мама называла булочки с клубничным вареньем. Пироги могли быть с картошкой, с грибами, с капустой, с рыбой. Особенно я любила пироги с рыбой. Рыба в прежней деревне – это, в основном, карась. Ни о каких сёмгах и муксунах мы не слышали. В деревенском магазине иногда продавался только мороженный минтай. Зато свежий карась благодаря соседу-рыбаку появлялся часто. Жареный карась – пальчики оближешь! Но и в пироге тоже хоть куда. На раскатанное тесто укладывался слой лука кольцами, потом в ряд караси (пирог обычно не маленький), потом опять лук. Сверху закрывалось тестом, защипывалось, ставилось на расстойку (чтобы тесто поднялось), а потом в печь. Дрова в печи уже должны были прогореть, а угли сдвинуты к задней стенке. Противень с пирогом ставился на кирпичный под печи, и надо было дожидаться правильного момента, достать пирог, смазать его маслом, укрыть салфеткой. И только через некоторое время его подавали к столу, где уже давно томилась в ожидании вся семья от мала до велика. Пирог полагалось вскрывать – снималась верхняя корочка, на нижней корочке лежали как на тарелке томлёные караси в луке. Кто-то любил верхние корочки (они были суше), кто-то нижние (они сочнее). Карасей разбирали по тарелкам. Резать пирог на кусочки было нельзя: карась – довольно костистый.

Но вот однажды, уже, будучи студенткой, я оказалась в гостях. Моя городская однокурсница пригласила меня к себе домой. Её мама в тот день испекла рыбный пирог. Меня охватил

ужас, когда на моих глазах пирог принялись резать на порционные кусочки. «Это что же будет с карасём?», - думала я. Но вслух сказать ничего не посмела. Как оказалось, что кроме карасей существует ещё и другая рыба, которую можно легко очистить от косточек и положить в пирог в качестве начинки. Это было целое открытие, революция в сознании. Мир многообразен и может быть, что угодно, а не только то, к чему ты привык или однажды узнал.

Однако, давайте вернёмся снова в дом из детства.

Из прихожей, которая служила раздевалкой (на стене у двери висела верхняя одежда всей семьи), можно было попасть в горницу (так называли большую комнату) и горенку (маленькая комнатка, служившая спальней для родителей). В горницу выходил угол от русской печки, в чём был большой смысл: печь обогревала комнату. Возле печного угла с одной стороны стоял стул - на нём было уютно сидеть: от печки шло тепло. С другой стороны стоял сундук для хранения вещей.

Сундук был деревянный, облицован железом и настолько большой, что на нём было можно спать. В основном на нём спали дети. И мне довелось испытать это счастье. В углу между дверным проёмом в горенку и оконным проёмом стоял шкаф. Его сделал отец. Потом, по другой стене, между окон стоял раздвижной стол на точёных ногах. Его тоже сделал отец. В следующем углу была угловая полка, на которой стояла радиолка: можно было слушать радио и проигрывать виниловые пластинки. И у последней по кругу движения стены стояла полутороспальная железная кровать. Спинки кровати были никелированные, их почему-то называли «присголованы». На кровати лежали матрацы, перина, одеяла, ватные и байковые, подушки. Кровать одна, а желающих поспать много. У кровати была панцирная сетка, она прогибалась от веса спящего. Счастливчик, который спал на кровати, утопал в перине и подушках. Другим везло меньше: сундук и раскладушка такой способностью не обладали. Справедливости ради сказать, обиженных не было: каждый считал лучшим то место, которое ему было уготовано старшими.

Пол был деревянный. Между плахами почему-то были щели, они замазывались каким-то составом. При мытье пола считалось плохим тоном оставлять щели сухими.

В горнице было три окошка, все они выходили в небольшой сад. Весной и летом за окнами всё благоухало, а зимой было торжественно бело, или же стёкла покрывались совершенно

сказочными, волшебными, морозными рисунками. Их можно было часами разглядывать и они (рисунки) не надоедали.

Горенка была совсем маленькой, там умещались две кровати и столик между ними. На «присголованах» кроватей висело множество разной одежды: небольшого шкафа на семью из восьми человек не хватало. Поэтому горенка была ещё и костюмерной. Длинными зимними вечерами, уже после всех дел по хозяйству и после ужина, когда семья собиралась в большой комнате, и каждый был занят своим делом, я уходила в горенку, напяливая на себя что-нибудь из того, что висело на спинке кровати. Потом начиналось «театральное» представление: мне было лет пять-шесть от роду – откуда что бралось! Семья смеялась, отложив свои вечерние занятия...

Какие были занятия? Отец обычно читал газеты, журналы, книги. Мама сидела за прялкой, или вязала многочисленные носки, варежки и пуховые шали. Старшие сёстры доучивали уроки, мастерили новогодние костюмы.

Работа над костюмами была кропотливая, начиналась задолго до Нового года. Помнится, моя старшая сестра Нина сделала потрясающие, незабываемые костюмы два новых года подряд. Один – костюм «Марсианки», второй костюм – «Королева Химии». Облачения шились из марли, красились, крахмалились, за счёт чего держали форму. Потом на марлю нашивалось или наклеивалось то, что мнению автора делало костюм похожим на заявленное название. Так в костюме «Химии» был шикарный плащ, на котором была размещена вся таблица Менделеева. Буквенные обозначения элементов были выстрижены из фольги и наклеены на ткань в точном соответствии с таблицей. Буквы были строго одного размера и шрифта. «Марсианка» удивляла голубыми волосами. Здесь тоже было найдено оригинальное решение. На марлевую шапочку были нашиты тонкие полоски голубой бумаги, и каждая из полосок завивалась в кудри. Чтобы бумажная полоска закрутилась, надо было определённым образом провести по ней лезвием ножа или ножниц.

Для меня, пока я была маленькой, тоже создавались маскарадные костюмы, причём костюмы никогда не повторялись, и в каждый Новый год создавался новый костюм. Вспоминается костюм «Вишенки»: Коричневое платье было украшено вишенками из ватных шариков, которые выглядели вполне правдоподобно. Немного повзрослев, я уже сама придумывала и шила свои новогодние наряды. Конечно же, они годились только

для маскарада, но занятия эти зимними предновогодними вечерами приносили столько радости и удовлетворения: это было настоящее творчество. Хотя такими категориями я и не мыслила тогда. А творчество проросло в разных сферах жизни.

Уже давно я живу за сотни километров от этого маленького домика на берегу речки. Но его образ хранится в моей памяти и иногда навевает рифмы...

*Течёт сквозь время Речка.
В душе сгорает свечка.
А в отчем доме печка
Нас греет бесконечно.*

*Подбрось в неё дровишек,
Да прислонись к ней боком –
Когда-нибудь напишешь
О близком и далёком.*

*В твоих воспоминаньях
Пусть путаются краски,
Старинные преданья –
Они всегда прекрасны...*

*Что было, то уж было,
Останется навечно.
Лишь бы судьба хранила
Твою из детства Речку*

Т.С. Хабушева,
поэт, прозаик, модельер,
член литературного объединения
Тюменского регионального отделения
Союза писателей России

**Минута -
и стихи свободно потекут...**

ГОСТЬ РУБРИКИ

СУХОВ Валерий родился в 1959 году в селе Архангельское Городищенского района Пензенской области. Окончил Пензенский педагогический институт и аспирантуру в Московском педагогическом университете. Кандидат филологических наук. Лауреат Международной премии имени Сергея Есенина в номинации «Взыскующим взглядом». Автор семи сборников стихотворений. Стихи печатались в «Литературной газете», в журналах «Сура», «Наш современник», «Молодая гвардия», «Подъём», «Простор», «Аргамак», «Нижний Новгород». Член Правления Пензенского отделения Союза писателей России и редактор отдела поэзии журнала «Сура». В 2009 году за сборник «Архангельский мой собор» удостоен Всероссийской премии имени М.Ю. Лермонтова, в 2020 году стал второй раз лауреатом премии имени М.Ю. Лермонтова за сборник «Холмы земные».

МАЛЬЧИШКОЙ ВЫЙДУ НА КРЫЛЬЦО

ВЕТЛА

Праматерь – старая ветла
Под окнами родного дома
Морщиной каждою была
На ошупь с детства мне знакома.

Её я гладил по коре.
Шершавого тепла касался.
И ветер времени в дупле
Протяжным эхом отзывался...

Вновь к материнскому стволу
Я через годы прижимаюсь.
Преданий слышу древний гул
И сердцем с деревом срастаюсь.

Тот отзвук в памяти храня,
Душа б для слова не созрела
Без обращения к корням
У векового жизни древа.

ЮЛОВКА

За берег твой высокий
Судьбу благодарю.
Мальчишкой босоногим
Я здесь встречал зарю.
Жизнь познавать я начал
В затоне ясных дней,
Когда с отцом рыбачил,
Когда купал коней.

Милей на свете места,
Душа, ты не наша.
Смеётся речка детства,
Петляя, как юла.
А мама молодая
Полощет в ней бельё.
И, тополь огибая,
Река поёт своё.

Таким счастливым не был
Нигде я никогда.
Здесь ласточкою в небо
Нырнуть бы навсегда
С высокого обрыва –
И кануть на века...
Лишь облако бы плыло.
Лишь бы текла река.

В НОЧНОМ

Ночь посолила звёздной солью
Ржаного месяца ломоть.
И разломила всем на доли
Обугленной картошки плоть.

И сельской ребятни ватага
Пирует у костра в ночном.
Прохладой тянет от оврага
И зябкой сыростью речной.

Гуляет ветер-Сивка Бурка
По голубому полю ржи.

Такая тишь кругом – ни звука.
И уголёк глазок смежил.

Овчинного тулупа ласка
Пропахла дымом костерка.
Приснится на рассвете сказка
Нам про Конька, про Горбунка.

Разбудят фырканье и ржанье!
Увидим въявь, а не во сне
В молочном утреннем тумане
Купанье сказочных коней!

ЯБЛОКИ СЧАСТЬЯ

Снова вижу я через годы,
Настежь в сад окно растворив:
Достаёт дед из ульев соты.
С яблонь падает белый налив.

Перепутал ветер бедовый
Всё, что август для нас припас.
Пахнет яблоком Спас Медовый.
Пахнет мёдом Яблочный Спас.

Чем богаты мы, тем и рады.
Под иконой пьём с мёдом чай,
Наблюдая за яблокопадом,
Что пошёл в саду невзначай.

Как у детства глаза лучатся!
Солнце брызнуло соком: «Ах!»
Сладко-кислый вкус яблок счастья
До сих пор на моих губах.

БЛАГОСЛОВЕНИЕ

Проснусь в ожившем отчем доме.
Мальчишкой выйду на крыльцо.
И, воду зачерпнув в ладони,
Омою солнцем я лицо.

Оно из лона голубого
Скатилось – чудом из чудес,
Чтоб я по-детски верил снова
В благословение небес.

Чтоб на глазах преображался
В лучах зари родной простор.
И куполами поднимался
С холма Архангельский собор.

ПАСТОРАЛЬ

Мне никогда не забудется
«Пастораль» родного села:
Пьяную мать по улице,
Потупившись, дочь вела.

А у колодца соседки
Кивали, им глядя вслед:
«Уж в детдом бы и то лучше Светке!
И куда глядит сельсовет.

Нюрка совесть совсем пропила!
На пол-литру детей променять!
Раньше дочка отца водила.
А теперь она водит мать...»

ПОДРАНОК

Было «мудрым»
решение исполкома.
И гуманным,
на первый взгляд...
Среди белого дня
во дворе детдома
Убивали собак
на глазах у ребят!
За заржавленной сеткой
бродяги метались.
Западнёю для них
оказался коток.
Взвизгнув вдруг на бегу,
они в лёд утыкались.
По косматым телам
шёл предсмертный ток.

И инстинктом поняв,
что выхода нет,
Заскулив вдруг с предсмертной
тоскливою мукой,
Волоча за сосками
кровавый след,
Поползла к человеку
навстречу сука.
Понимая прекрасно,
что всё бесполезно,
И от гибели верной
ей не уйти...
Отчаянно вдруг

из дверей подъезда
К ним метнулся детдомовец
лет десяти!
«Ну, пожалуйста! Дядя!
Не надо! Дядя!»
Как-будто-то бы что
изменить он мог.
Отшвырнул его в сторону
«дядя», не глядя:
«Брысь, щенок!»

Но двустволку свою опустил
хладнокровно,
Не спеша закурил,
затянулся слегка.
И пожалел, как видно, – патроны.
Сапогами подранка
добил в два пинка!

РОДНИЧОК

Держу я сына на руках.
И душу обжигает страх.
«Какой достанется Россия
Ему?» – у тьмы ночной спросил я.
Нет больше Родины–семьи.
Одна причина бед семи.
Но с родничка на головёнке сына –
Берёт исток моя Россия.

1993

ПЕРВАЯ ПОЛУЧКА

Расцветали под солнцем луга,
И пшеница стояла стеной,
И гурьбой по утрам пацанва
Шла на подвиг
на свой трудовой.

И до самой осенней поры,
Зная твёрдо заботу одну,
Стайки шустрой лихой детворы,
Как могли, прославляли страну.

Ну и я, не позоря родню,
Хоть пока что к труду не привык,
Зарабатывал деньги в семью,
Как совсем настоящий мужик.

А когда побежал я домой,
На груди свои деньги храня,
Вдруг заплакала мама:
«Родной,
Вот и взрослым ты стал у меня».

* * *

Прости меня за все мои ошибки.
Прости, если обидел невзначай
И с ласковою, нежною улыбкой,
Как прежде, на пороге повстречай.
Как прежде, крепко обними при встрече.
Как прежде, крепко расцелуй меня.
И вот тогда на целом белом свете
Счастливейшим из смертных стану я.

У ОБЕЛИСКА

Здесь лежит солдат советский,
Победивший в ту войну.
Телом был и духом крепкий,
Верный слову своему.
И военную присягу
Знал солдат как «Отче наш»,
И в тяжёлый миг отвагу
Проявил, спасая нас.
И теперь он здесь, в могиле,
Спит один в земле сырой,
Той, которую поныне
Заслонять готов собой.

ПАРАД 9 МАЯ

Развесёлые колонны,
В кумачи одетые,
Расплескались по бетонке
Яростным рассветом.
Меди гром летит по крышам,
Музыка играет,
А в колонне мальчик Миша
С дедушкой шагает.
Мишин дед ещё не старый...
Он на фронте не был,
Но буржуям за доллары
Родину не предал.
Не забыл присяги звон,
Ну, а будет надо,
То пойдёт в атаку он

Впереди отряда.
Потому под кумачом
С внуком дед шагает,
И медали с Ильичом
На груди сверкают.

БУНТАРЬ

По натуре я бунтарь.
Видно, жили где-то встарь
На другом краю земли
Мои предки-бунтари.
Они где-то воевали,
Землю грешную пахали.
И на все мои печали
Кровь бунтарскую мне дали.

А ещё мне дали предки
Дух бойцовский, очень крепкий,
Дали внешность, как у франта,
И немножечко таланта.
Чтоб я гордо шёл по жизни
И стихом вбивал в сердца
Верность Матери-Отчизне
И присяге. До конца

Ни дня мне без России не прожить,
Не жить мне без её озёр и речек.
Хотел бы вечно Родине служить,
Да только я, увы, совсем не вечен.

Не вечен я, и грешен я, и слаб,
И стыд в душе, и боль невоготу.
Всё оттого, что в этот трудный час
Помочь моей России не могу.

ЧТОБЫ ПОМНИТЬ

На судьбу не жалуясь, не плачу,
Жизнь я прожил так, как я хотел.
Но, презрев случайную удачу,
Я б к себе в деревню улетел.
Чтобы вновь, как делали все дети,
Под крутым озёрным бережком
Посидеть, забыв про всё на свете,
Тихим тёплым летним вечерком.
Насладиться заревом заката,
Ощутить прохладный ветерок.
Грозовые услышать раскаты
И дождя неспешного шумок.
Надышаться травами густыми
И, уйдя знакомою тропой,
О забытом уголке России
Память в сердце унести с собой.
Чтобы помнить высь и краски неба.
Помнить дом – любимый и родной,
Сладкий запах маминого хлеба
И полынный ветерок степной.
И туман над озером спокойным,
И цветов раздолье на лугу,
И мотив мелодии застольной,
Без которой жить я не могу.

Вы по-новому станете жить,
Потому что Россию поймёте.

ПРЕДСКАЗАНИЕ

Помню, как-то в поезде усталом,
В душном, переполненном купе
Мне цыганка правду рассказала
О моей изломанной судьбе.
Предсказала, где, когда и сколько
Я женюсь. Количество детей.
Жизни путь тяжёлый, но достойный
И в сиянье солнечных лучей.

Что умру богатым и счастливым,
Не дожив до сотни пару лет,
В час, когда торжественно красивый
Над землёй затеплится рассвет.
И, уйдя в заоблачные дали
Утром ранним, позднью весной,
Поменяю все свои печали
На восторги жизни неземной.

* * *

Мчался поезд, рельсы подминая,
Огоньки маячили в окне,
А в купе цыганка молодая
Раскрывала тайны обо мне.

СССР, Казахстан – Россия, Тюмень

Наталья ВЕРШИННИНА

ТАЙНА

Среди лесов сибирских мегалиты
В монументальной высятся красе.
От современников тайгою скрыты,
Дойти туда решаются не все.
Вокруг лишь звери дикие и птицы,
Шумит, укрывшая тот Мир,
тайга...

А в камнях оживают предков лица,
И нет туда дороги для врага.

Там, где звенят прозрачайшие реки,
Где водопады поражают красотой,
Хранят граниты быль о человеке,
Творившем и любившем в жизни той.
Придёт пора,

и Мир узнает тайну,

И поразится современный люд:
Какие чудеса хранит наш север дальний,
Что кроется «во глубине сибирских руд».

Расскажут нам гранитные страницы
О том, что чувствуем душою ты и я,
О том, что нам порою, только снится,
О наших предках и законах бытия.
Есть основания нам предками гордиться,
Нет силы, эту истину скрывать!
Жизнь новая уже в окно стучится,
Пришла пора нам тайну эту знать!

ГИПЕРБОРЕЯ

Гиперборея – древняя земля...
Хранительница Мира предков.
Цивилизация возникла не с нуля,
Напоминания о том не редки.
Геракл когда-то появлялся тут,
Здесь рождены и Аполлон, и Артемида,
Сад с яблоками жизни стерегут
Семь дочерей Атланта – Геспериды.
Там Бога трон на самом берегу,
Воображенье лабиринты поражают,
А мегалиты тайны предков берегут,
И скалы нам о прошлом сообщают...
Где эта Богом данная земля?
Она на русском севере, как прежде!
Нас манят Кузовские острова,
И море Белое раскинулось надеждой..

ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ

Помню многое, что не вернуть,
Сердце рвётся, порой, на куски.
Так недолог наш жизненный путь,
Кто-то внукам вяжет носки...
Мне по сердцу плести кружева
Из серебряных звуков и фраз,
- Жизнь прошла, - голосила молва...
- Вздор! Хочу Мир познать ещё раз!
Внукам правду скажу я о том,
Что уже не вернуть никогда.
Жизнь нельзя отложить на потом,

Не прожить внукам наши года!
Надо, чтобы узнали они
О Войне не из книжек чужих,
Чтоб не пепел, а жизни огни
Внуки приняли в души свои.
Я плету из любви кружева,
Из всего, что так дорого мне,
Чтоб ни враг, ни пустая молва,
не запутали внуков во тьме.

МАМЕ

Ах, мама, милая, тогда мы были дети,
И не могли понять умом,
Как много потеряла ты на свете:
Родителей и отчий дом.
Тебе, родная, было лишь шестнадцать,
Когда, как буря, началась война.
С тобою младшие сестра и братья,
И некому помочь, совсем одна.
Не суждено мечтаньям было сбыться...
И планы все не в счёт!
Все Родине хотели пригодиться,
Годин тяжёлых начался отсчёт.
Враг наступал и, в трудные те годы,
Твоей семьёю армия была...
Для Родины, для своего народа,
Служила верой – правдой, как могла.
Сейчас весна, и снова День Победы!
На Красной площади построили парад...
И внуки помнят, как сражались деды,
А память та дороже всех наград!

ОРДЕН

- Скажи отец, за что вот этот орден?
- За то, что, дочка, Родину любил...
- А если честно, ты ведь был героем?
- Да что ты, просто лётчиком служил.
Война, дочурка, дело непростое...
Она всех косит без разбору, как коса.
Но были настоящие герои,
Всей нашей Родины и слава и краса!

Их имена на тех гранитных плитах,
У обелисков, золотом горят...
О них стихи слагают, пишут в книгах,
Большие люди речи говорят!
А мы лишь выполняли своё дело –
Летали ночью, иногда в туман,
Чтобы враги проклятые не смели
Задумать вероломство и обман.

Наш, дочка, полк – воздушная разведка,
Свою работу чётко выполнял!
И хоть друзей теряли мы нередко,
Победу каждый день он приближал.
Мы Родину любили беззаветно!
Пусть наши неизвестны имена,
Но служба наша ей была заметна,
За это мне награда и дана.

И он смотрел весёлыми глазами,
Седой, как лунь, но сильный и родной.
Потом, дочурка, разберётесь сами,
Какой победа нам далась ценой.

ЛЁТЧИК

Кожаная куртка, шлемофон, унты,
Взгляд пытливый, умный...

- Папа это ты?

- Нет, сынок,

на фото это мой отец!

Он был тоже лётчик,

дед был молодец!

Он сражался храбро в воздухе с врагом,

Чтобы не разрушил

враг наш отчий дом.

- Лётчиком решил ты стать, как твой отец?

- Да, сынок, для нас он

в жизни образец!

Я, как он летаю, Родине служу,

И как он своею

службой дорожу.

Ведь летать, сыночек, может не любой...

Крылья эти сильные

мне даны судьбой!

Я стремился в небо, кажется, всю жизнь!

Где я только не был...

Небо – моя жизнь

Мальчик слушал и смотрел

на своего отца,

И впервые в унисон бились их сердца.

Крым - Москва

Михаил КУЛТЫШЕВ

УДАР УЧЕТВЕРИЛСЯ

Конец июня.

Солнце злое,

беспощадное,

И под лучами, словно под бичом,

Склонились травы,

чувствуя неладное

Перед грозой, что заходит в дом.

В тени укрылись

«доминошники» и «зрители»,

Беспечная гуляла молодёжь...

На взлётной полосе стояли «смертьносители»,

Глуша от нетерпенья зуд и дрожь,

И вмиг сорвались

на счастливую и спящую

Страну Советов полчища, чтоб смять.

Бомбили города,

деревню каждую,

Чтобы с сырой землёй её сравнять.

Удар был страшен,

но и мужества удар учетверился!

Призыв

«Ни пяди не отдать врагу!»

Единой полноводной речкой лился,

И вера крепла:

победим на нашем берегу!

ЗВЕЗДА ПОБЕДЫ

Тогда, в далёком сорок первом,
Враг смял шлагбаумы границ,
Круша станицы и деревни
И города до самых крыш.

Бежали люди; сверху падал
И жалил оводом свинец.
Враг под Москвой, под Ленинградом,
Но верят – Гитлеру конец.

Страна лучною тетивую
Сумела так сплотить народ,
Что враг отброшен под Москвою
И не увидел волжских вод.

Враг тоже видел страх – «котлами»
Народ разгром их называл
И лётчиков своих орлами
Бомбить фашистов посылал...

Мы победили, и героев
Народ в стихах и песнях чтит:
В строках всё близкое, родное
Со Звёздой Победы говорит.

ХМАО-Югра, г. Нижневартовск

Елизавета МЕРКУШИНА

РОДИТЕЛЯМ*

Мой прадедам: бабушке – Валентине Михайловне и деду – Николаю Александровичу Деминым, посвящается...

Вы – мой маяк, сияние зари!
Пока горит их свет, я буду верить,
Что не остынет огонёк любви
И в дом родительский всегда открыты двери.

Я с лёгкостью войду в ваш светлый дом,
Где вкусно пахнет яблочным вареньем,
Волшебный аромат шарлотки в нём
И разных пирогов по воскресеньям.

Уткнусь в родное мамино плечо,
И вместе с ней мы погрустим, как прежде.
От слез солёных сердцу горячо,
Душа вновь окрыляется надеждой.

Вновь полистаем старенький альбом,
В нём молодость и детство неразлучны.
Лишь память с лёгкой скорбью о былом
Сердце коснётся трепетно, беззвучно.

Мой отчий дом, ты навсегда со мной,
Какие б дали снова не позвали...
Гори, маяк, ты свет мой неземной!
С тобою мне не ведомы печали.

Примечание:

* Для меня и моей мамы родителями стали прабабушка и прадедушка (для мамы – бабушка с дедушкой).

Отрадно, что у нас, у молодого поколения, есть воспоминания о наших предках, когда мы знаем, кто и кем были наши бабушки и дедушки, прадеды. Эти знания и воспоминания, эти чувства – та ниточка, та связь поколений, которая должна крепнуть и продолжаться.

Ветераны Великой Отечественной войны 1941-1945 г.г. – это не только воевавшие на фронте, участвовавшие в боях, сражениях, находящиеся в госпиталях после ран, испытывающие все тяготы и кошмары в плену врага, освобождавшие земли, города, страны от немецких оккупантов. Это ещё и те, кто преданно и отчаянно, ночи и дни напролёт, ковали победу в тылу.

Мои прабабушка и прадедушка по маминой линии Валентина Михайловна и Николай Александрович Дёмины прожили вместе почти 70 лет. Я помню, как мы всей нашей большой семьёй отмечали их золотую свадьбу, 50 лет совместной жизни.

Встретились они в далёком 1934 году, в Кургане, куда мой прадед был отправлен по службе. Сам же прадедушка родом был из Челябинской области, железнодорожной станции Уфалей (родился он 7 марта 1914 года, в семье зажиточных крестьян, которые были в период коллективизации раскулачены). Родителей Николай не помнил – его воспитал и вырастил дед. На момент знакомства моих прабабушки и прадеда им было по 16 и 20 лет. Моя прабабушка всегда рассказывала, что пошла за своим будущим мужем будучи несовершеннолетней девочкой. Семья была большая, кроме Валентины, было в семье переселенцев из Польши Михаила Григорьевича и Александры Андроновны Ивановых (Ивановских) ещё 6 детей: Яков (Яков подорвался на mine во время войны 1941-1945 и погиб), Володя (вернулся после войны живым, но умер вскоре от полученных ран), Анна, Нина, Антонина и Мария.

Отец моей прабабушки Валентины Михаил Григорьевич тоже воевал на фронте, его забрали воевать уже в зрелом возрасте, служил в высоком звании. С войны вернулся живым, но пожил недолго.

А вот моя прапрабабушка Александра Андроновна после смерти мужа замуж больше не вышла. Она была долгожителем в семье, её хорошо помнит даже моя мама. Александра была божьим человеком, ходила в церковь, соблюдала все православные праздники, держала пост, молилась ежедневно, у неё свой иконостас был в доме (православный крест, святое распятие

прапрабабушки хранится в нашей семье, по сей день – семейная реликвия).

Но вернусь к семье Валентины Михайловны и Николая Александровича Дёминых, моих прабабушки и прадедушки.

Они вместе прожили долгую и насыщенную жизнь. Родили шестерых детей: Алёну, Алексея (умерли во младенчестве), Галину (умерла от скарлатины в возрасте 4 лет), Людмилу (моя родная бабушка, мамина мама), Ларису и Альбину (Альбина-Алла ушла из жизни 17 октября 1997 года от продолжительной онкологии). Сейчас живы моя бабушка Людмила, 1940 года рождения и её младшая сестра Лариса, 1946 года рождения.

Во время войны 1941-1945 семья Деминых жила в городе Кургане, Курганской области. Николай Александрович служил в звании сержанта, был в должности следователя НКВД. В 1943 за неподчинение начальству был арестован и снят со службы. Когда его отпустили, то первым делом отправился на железную дорогу. Сначала работал механиком, потом машинистом: «Ездил на паровозах, - как он любил всегда вспоминать».

Работу на железной дороге любил безмерно, оттуда и на пенсию ушёл. Награждён неоднократно трудовыми наградами. Я так ясно помню все его ветеранские медали, почётные трудовые награды. Прадедушка часто доставал их из платочка, раскладывал, рассказывал – это было очень дорого ему. Я даже помню его кители, пиджаки, шинель, на которых были прикреплены медали...

Как давно это было.

Валентина, его жена и моя прабабушка, в годы войны работала парикмахером. Она всегда хорошо стригла, разбиралась и в классических, и в модельных стрижках – всех родных и знакомых стригла до самой старости. Кроме этого, она была прекрасной портнихой, своих девочек всегда сама обшивала. Я никогда не забуду её фразу: «Сама своих девчонок обшивала, и платья у них были разные, и пальто. Кому был день, а мне – ночь». После войны прабабушку пригласили работать в лучшую гостиницу в городе Кургане «Москва», где она трудилась до пенсии сначала дежурной по этажу, затем – администратором. Эти годы она всегда называла лучшими, интересными. Валентина знала лично многих советских артистов, коллективы – все гастролёры в то время только в «Москве» останавливались.

В январе 1983 года родилась я, первая правнучка у Валентины и Николая. Прабабушка ради меня оставила работу,

нужно было любимой внучке Танечке помогать с ребёнком. С моими прабабушкой и прадедом я прожила с самого моего рождения и до окончания общеобразовательной школы, пока не уехала поступать в институт в Москву.

Валентина Михайловна и Николай Александрович достойно воспитали не только своих детей, но и всех внуков: Татьяну (мою маму Татьяну они растили с пелёнок), Игоря, Вадима, Станислава. Отдавали свою заботу и любовь и правнукам, которых у них сейчас уже 10 - не всех, к сожалению, дождались.

Прадедушки Дёмина Николая Александровича не стало в марте 1999 года. Прабабушка Дёмина Валентина Михайловна умерла в сентябре 2003. Похоронены они вместе, рядом друг с другом, в Кургане. Очень обидно за них бывает и больно: они столько внуков, правнуков воспитали и вырастили, столько сил, здоровья и времени отдавали всем нам, а к ним на могилы в основном приходим только моя мама, мой младший брат Серёжа и я. Остальные внуки и правнуки - все реже и реже.

Это наш долг.

Мы никогда не забудем тех, кто до конца, до последней капли заменил нам родителей. Они всегда так и шутили в разговоре с людьми: «Да, Танюшку вырастили и детишек её поднимем – это же тоже наши дети, только самые младшие, самые любимые».

Справка:

Дети Валентины Михайловны и Николая Александровича Деминых – Людмила, Лариса, Альбина, Галина, Алёна, Алексей (Алёна, Алексей, Галина – умерли в раннем детском возрасте, Альбина-Алла умерла 17 октября 1997 года в возрасте 49 лет).

Внуки – Татьяна и Станислав (от дочери Людмилы), Игорь (от дочери Ларисы), Вадим (от дочери Аллы. Вадим умер 14 апреля 1997 года в возрасте 23 лет).

Правнуки – Елизавета, Алексей, Сергей (от внучки Татьяны), Маргарита, Матвей (от внука Игоря), Александра, Ксения, Егор, Ульяна (от внука Станислава), Дарья (от внука Вадима).

Праправнуки – Савелий, Арсений (от правнука Алексея), Варвара, Илья (от правнука Сергея), София (от правнучки Маргариты), Вероника (от правнучки Дарьи).

ОСЕННИЙ ФОКСТРОТ

Ощущая на коже дрожь,
Мы брели под звуки Москвы.
Не сдавался осенний дождь
Под фокстрот кружившей листвы.

Этот танец сороковых
Уносил в сумасшедший май.
Когда были друг к другу на «вы»
И спешили в последний трамвай.
Он её целовать не смел,
Осторожно прильнув к щеке.
Миг прощания отшумел,
И расстались мы налегке.

Словно дробь он отбивал,
Той весны непроглядный дождь.
Может, свыше всё понимал,
Нагоняя то страх, то дрожь.
А потом с неба грянул гром,
И накрыло Москву огнём.
Уплывал в горизонт паром...
И темно было даже днём.

Наши предки войну прошли,
Через слёзы, разлуку, боль.
А мы просто с тобой брели
В никуда, унося любовь.
Зацепив откровеньем душ,
Не слышали зов сердец.
Ты кому-то любимый муж
И, возможно, уже отец.

Что же память по крыльям бьёт,
Не даёт вновь лететь на свет?
Над Москвой новый день встаёт,
И фокстрот шепчет ритм листве.

ЖУРАВЛИ

Скажи, о чём курлычат журавли,
Кружась под мирным небом всё смелее?
Они разносят миру песнь любви,
Чтоб докричаться до людей скорее.

Чтобы проникнуть в чёрствыя сердца,
Которые не верят в миг свободы.
И птицы будут биться до конца,
Пока дано летать под небосводом!

А на земле – который год война,
Горят дома, и в дыме – обелиски.
И больше не приходит в мир весна,
И нет уж больше рядом самых близких...

Ушли на фронт служить и воевать
Отцы, мужья и даже чьи-то деды.
Они готовы жизни отдавать
Во имя нашей будущей победы!

Что довелось народу пережить,
И сколько в мире судеб разлучили!
О чём курлычат журавли, скажи,
Быть может, о разлуке и бессилье?

Они хотели мир предостеречь,
Спасти от детских слёз, тоски и боли.

Нежный букет мимозы,
Мой романтический сон.

В жёлтых цветах мимозы
Вижу свои мечты.
Помню, однажды прозой
В любви мне признался ты.

Чувства твои не смелые
Жёлтый букет венчал.
Цветы те уже перезрелые –
Любви моей тихий причал.

К нему я вернусь однажды,
Ветром обдаст паруса.
Кораблик мечты бумажный
Унесёт в облетевший сад.

Спущусь на тропинку лета,
Пройдусь вдоль цветов и трав,
Ягод медового цвета
Неспеша наберу в рукав.

Сладкий и спелый крыжовник –
Вкус незабытой любви –
Мне вновь о тебе напомнит,
Но больше мы не визави.

Ветер весны холодной
Вернёт в настоящий март.
Я грудью дышу свободно –
Даю новым чувствам старт.

Тюмень

Нина ЛЕКСИНА

ПАМЯТЬ

верлибр

Мой старый дом...

Ты грустишь о моём детстве.

Мой тихий заросший сад.

Душистые антоновские яблоки в сетях увядшей травы.

Сирень – подруга моей юности.

Берёза почтенного возраста под моим окном.

Она помнит меня ещё ребенком.

Ручей – скрипач,

друг мой, кому теперь журчишь песни свои?

Двор мой зеленый, ты хранишь наши песни, наши шаги,
веселый смех и детский плач...

Старушка-печь

помнит аромат бабушкиного хлеба и маминых пирогов.

Милые образы живут в моей памяти,

в заветном уголке сердца моего.

Кто сказал, что больше нет моего дома?

Мамина любовь живёт в каждом из нас, пятерых.

Мы ещё живы, значит, жив дом.

Жив, пока есть память о нём.

Пока хотя бы один,

последний из нас, сюда однажды придёт...

Мой дом – среди старых заброшенных домов.

Жилых – чуть больше.

Село моё, село моё милое, где избы твои?

Где люди твои?

Каждому из них – посмертный поклон мой

за то, что хранили и наследовали,

сколь могли, землю свою.

Земля родная моя, где пахарь твой?

Низкий поклон вам

и вечная память.

ДЕДУШКА ИВАН

*Памяти деда, Силантьева Ивана Семеновича,
ветерана Великой Отечественной войны,
награжденного за подвиг орденом Красной Звезды*

Был, помню, в доме уголочек.
Стоял там старенький диван.
Я жду: войдет без проволóчек
Любимый дедушка Иван.

Он у окна, что смотрит в дворик,
С работой каждый день сидит.
И мастер обувной, и шорник,
И самовары полудит.

И в ранний час ему не спится.
И вечерами все спешит.
Блестит игла, мелькают шильца.
Глядишь – и валенок подшит.

Мне жаль его: мой дед безногий.
Но в этом нет моей вины...
Защитник, доблестный и строгий, –
Укор зачинщикам войны.

Он знал её не понаслышке...
Терзал осколок – не кричал.
А зыбку – пятый спал сынишка –
Под «Чёрна ворона» качал.

Давно уж нет со мною деда.
Внук Ваня спит, и мирны сны.
Но в доме нашем, в День Победы,
Грохочет эхо *той* войны...

В ГОРОДЕ – ТИХАЯ НОЧЬ

В городе – тихая ночь –
Сон улетел мой прочь.
Молча, стою у окна...
Звёздная россыпь видна.

Я и луна вдвоём
Песню безмолвно поём.
Жёлтенький лунный круг
Детство напомнил вдруг:

Будто на резвом коне
Принц мой примчался ко мне,
Поднял в небесную высь,
Крикнул: «Покрепче держись!

Жизнь – она тот же конь:
Чуть оступился – в огонь,
В пропасть желаний, страстей –
Двух не бывает смертей».

Неба светлеет лик,
Принц мой к коню приник,
Ловко мелькнул, как тень.
Будет счастливым день...

ХМАО-Югра, Нижневартовск

Юлия ПЕТРОВА

ПИСЬМА ИЗ БУДУЩЕГО (Fantasy)

*Всё чаще раздаются голоса,
Что войнам на Земле не знать конца...
А ей достаточно одной
Она же станет Мировой...*

ОНА

Слезами своими пишу:
Что чувствую, как дышу –
Дышу я и жизнью, и смертью
Почти задыхаясь, поверьте...
И сны мои та же реальность,
Энергий ушедшая дальность
В руины всего мироздания:
Танцует там злобное пламя.
Тщусь помнить, что не позабыла,
Что в памяти – крепко закрыла!
Я здесь как иллюзия плоти
Одежда из чёрных полотен
А Души где? Их истребляли!
Такого и не представляли...
Звучат каждый день некрологи
Безумно сопротивляться:
Кто вымышленные полубоги?
Но их уже поздно бояться:
Вцепились кровавые «гости»
И в кожу, и в сердце, и в нервы,
Мы заперты словно сферой,
Придавлены гнётом кости...
Я знаю, ты ищешь просветы

Найдёшь ли иллюзию плоти?
Ведь ты всё равно в «полёте»
Но в небе чернильного цвета
Лишь дух твой сияет внутри.
Вернись, явь, на круги свои!

ОН

Наивно сейчас улыбаться:
Миллионами звёзды считали,
Дарить их в любви обещали –
Не знали, что могут взрываться,
Волною больною светить
Умершею пылью – Быть!
Но вечно манить нас Жить!
Представь вдруг тебе вручённой
Непознанностью начинённой
Безжизненной пустотой,
Иль бездной не залитой светом
Уронишь – опалишься пеплом!
Мы мчим по планете – «рады» (?)
Но не навстречу – в Ады,
Где стены лишь говорят,
Что толщиной защитят...
Земля Смертоносна – Звезда (?)
Внутри тем же начинена
Уж Жаром ис-пеп-ле-на!
А в стенах день с ночи до ночи
Лишь памяти мост, он из слёз
Не видеть нам неба глазурь....
Команда – на буйства штурм!
Солёной крови моей брызги
Расплещут твоим портретом –

Я помню! Была же Светом!
А здесь, в темноте – сирен визги...
И кто же планеты историй
В фатальности: войны да войны
Рискнёт на финальность их болей
Низвергнет на самое дно?
Мы имя последнего помним
Кто следует? Мистер Никто...

ДЕТИ ВОЙНЫ

Отучали их плакать сперва
Мол, легко научится снова,
Им сказали странное слово –
«Не игрушечная» Война...

Вдруг испуг, не кружили кругом,
Всё прижались стеною в ряд,
И казался им лучшим другом
Охраняющий ряд автомат.
Сразу поняли «взрослые» боли:
«Тот убит» – ты молчи, не кричи!
Вряд ли сразу понять всё смогли,
Что надолго «перекати-поле»
Они стали в пустыне земли.

И не год, и не два, и не в бой
В дальний, хоть и свой – не такой,
А спасительный, жизненный путь –
Дотянуться бы им как-нибудь...
С дымным небом, огнём в высоте,
Без прощаний разлук в немоте

Поезда, семафоры, перроны
В завыванье сирен; эшелоны
Их – на Юг, выживали не все.
Глохли детские ушки: бомбили,
Не просили, чтоб их покормили
Лишь добраться бы, и расселили
Но обстрелы детей сиротили:
Смерть пришла на глаза – вот беда –
Быть безродным теперь навсегда!

Не узнать – к ним вернётся былое?
Так привычное, мило-родное?
Им в чужих поселениях плохо –
Всё чужое, и даже забота,
Малышам находилась работа –
Хоть по мелочи, хоть и немного:
Кто постарше – в заводах, где строго
Уставать, падать в обморок: голод!

Как же рано пришло осознание:
Всей стране так нужно состраданье
И посильная детская помощь,
И совсем стариковская немощь...
Шли года, на труде до мозолей
Подрастали, не знали – герои!
Как Все «тыльных» трудов – без наград
Окончанью войны каждый рад,

Продолжение было непросто:
Молодые седые подростки,
Уж прожившие взрослые жизни!
Вновь нужны были нашей Отчизне!

ОТЗВУКИ СКАЗКИ

Маленькой песни

старинный напев,

Слухом, назойливо в память засев,

Стал рисовать и холмы, и поля:

Путь, по просторам донёсших сюда.

...Образ былинного житья – бытия.

Поверьте – и Доброго Короля!

Там, щебетание птиц непростых.

Радужно-ярких, разноцветных!

Праздника шествие, колокола,

И карусели – шумит детвора!

Есть попрошайки, а где же их нет?

Будто с Ямайки кожи их цвет.

Ждут, и дождутся желанных конфет!

Скоро наступит и Времячко Чая,

Словно Свет Солнца его назначает!

Свет переменчив – Луной озарён.

Кому – прогулка, кому – ранний Сон!

Минорный канон был пропет перед сном,

Его охраняет лишь шепот Времён.

Ни страж, ни охраны – как в мире ином,

Лишь мирно процессия ходит кругом,

И ласково звук издаётся смычком...

...старинный напев...

Астрахань

Александр ГОЛОЗУБОВ

РАССКАЗ СОЛДАТА

Ушла война.

Чего от жизни ждать?

Я оказался в жутком переулке.

Здесь проживала раньше

моя мать

И малышом качала меня в люльке.

Своё село я сразу не узнал:

Вокруг стоят

одни печные трубы.

Фашист при отступлении сжигал

Хлеба полей

и хуторские клубы.

Вот, наконец, нашёл родимый дом.

Он был сожжён карателем нацистским.

Нет мамы здесь,

и давит в горле ком,

И сердце плачет по друзьям и близким.

Кружится чёрной стаей вороньё

Ещё над свежей братской могилой.

Теперь навеки там у них жильё:

Детей, жены и мамы моей милой.

Но кто вернёт мне прежнюю семью?

Кто дом вернёт, где дружно песни пели?

Боль давит грудь, я слёзы горько лью,

Упав перед могилой на колени.

В ПАМЯТЬ ПОДОЛЬСКИМ КУРСАНТАМ

Сквозь облако луна холодная глядела.
Старушка у окна задумчива сидела.
Вспомнились ей годы, те годы боевые:
Пушки, вездеходы, отряды штурмовые...

Вспомнились ей лица ребят из местной школы...
Летние зарницы, в туманной пене долы.
Бал и вальс прощальный оркестра духового, -
Стал войной опальной июнь двадцать второго.

Враг напал внезапно.

Грозил стране исходом...
Немцы поэтапно, вперёд шли взвод за взводом.
Бредили «Блицкригом», - надеясь на победу,
Под столицей мигом настал конец их бреду.

Зимние метели прихлещи им не по нраву.
Штурмом взять хотели Подольскую заставу,
Но, курсанты смело Отчизну защищали,
Били их умело - назад не отступали!

Знали, что за ними: - Москва, товарищ Сталин!
Град с людьми простыми, в огне дома окраин...
- Не сдавать позиций! - Сражаться до победы!
Так решили биться, как бились наши деды!

В рай ушли ребята.

Врага не пропустили.
Памятник солдатам навек соорудили.
Стань у плит прохожий, прочти свои молитвы,...
Здесь в покое Божьем - лежат герои битвы!

ИЮЛЬ СОРОК ТРЕТЬЕГО ГОДА

Июль сорок третьего года
Никто не забудет в стране,
Как много погибло народа
В кровавой жестокой войне.

И Курск, Обоянь, и Короча
Навеки запомнили бой,
Где «тигры» разбитые в клочья
Пылали в долине степной.

До ужаса немцы боялись
Нас русских и ночью, и днём,
Как крысы в окопах метались
Под шквальным свинцовым огнём.

И вот после танковой битвы
На Курских раздольных полях,
По радио, словно молитвы,
Шли сводки побед на фронтах.

От Курска тогда до Берлина
Им спешно пришлось удирать,
И Гитлера больше машина
Уже не могла наступать.

Вторую войну мировую
Народам нельзя забывать.
Я верю! - Победу Святую!
У нас никому не отнять!

Курск, 2021

О ЮНЫХ ФРОНТОВИКАХ

Какие безвозвратные потери
Стране советской принесла война,
Теперь уж невозможно нам проверить
Сколь много жизней унесла она.

И гибли на фронтах войны великой
Мальчишки из вчерашних школяров
Их юные, исчезнувшие лица
Архивный лист лишь показать готов.

И умные, совсем ещё подростки
Кто только начинал, едва взрослея, жить,
Кто первый раз узнал дым папироски
И лишь мечтал девчонку полюбить,

И кто печалился о молодых забавах,
И кто ещё не налюбился всласть,
Кто в 18 лет был призван в Армию,
Чтоб на фронтах под пулями упасть...

Под Харьковом, Смоленском или Псковом
Останки тех парней земля хранит.
Потомки, если знают, имена их помнят
Но есть и те, кто, к сожаленью позабыт...

Как мы обязаны тогдашним тем парнишкам
Кто Родину спасая, в землю пал,
Кому досталось горя очень с лишком
Кто грудью принял огненный металл,

Кто, умирая, тешил себя мыслью
Что не напрасно он сейчас лежит:

«Враг не прошёл», ещё мелькнула искорка:
«Как жаль, что не пришлось пожить...»

Когда по адресу приходит похоронка
Что молодой боец героической смертью пал,
Всплакнёт, оставшись одинокою, девчонка
А мамкин крик взорвётся, как металл.

Вмиг под платочком поседеют пряди
И сразу загорбатится спина,
И мысль мелькнёт: «Чего же ради
фашистами развязана война?..»

С тех пор прошло чуть меньше века
Остались единицы тех, кто победил
Но, кто, родившийся советским человеком
Потомкам доказал, что не напрасно жил.

Так будем помнить тех, кто не вернулся
Кто сам погибший, нам родиться дал
Кто в бой в начале своей жизни окунулся
Кто ради нас шёл грудью на металл!

БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК

Как мало вас сейчас живёт,
Как много вас в полях осталось,
Когда за Родину сражалось
И за советский наш народ.
Потомки помнят ваши битвы,
А по церквям звучат молитвы
Во имя всех, кто в годы те
Все силы отдавал мечте

Добиться над врагом победы
Не глядя на лишения, беды
И на потери в той войне...

Кто был танкистом, кто в пехоте
И кто в полёте, в самолёте,
Кто миномётчик, кто наводчик
И кто был снайперский стрелок
Или «Максима» пулемётчик,
Иль управлять «Катюшей» мог.

Кто жизнь отдал за путь к победе,
Кто шёл в атаку и не ведал
Останется ль в строю он сам
Стреляя с криком по врагам.

И кто достиг до стен рейхстага,
Кто наше знамя водрузил
И кто потом, пройдя по побеждённым флагам,
Нам наши жизни подарил.

Мы чтим и помним вас, героев,
Благодарим за ратный труд.
Пусть души павших небо упокоит –
Недаром вас бессмертными зовут!

Тюменская область, Ялуторовск

Лариса КАРЕЛИНА

БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК

Нашлись же мудрецы, что
Взять не могут в толк:
Что значит этот полк?
Ответить можно им на то,
И пусть узнают наш завет,
Что смерти нет для тех,
Кто жизнь свою отдал за всех!
Они в строю – вот наш ответ.

- Кто понесёт портрет?
- Наверно, сын.
- Его давно уж нет.
- Тогда, возможно, внук.
- А если внука нет?
- Пускай сосед несёт портрет,
Его товарищ, или брат.
Любой, кто этой ноше рад.

Идут бессмертия полки.
Тюменский полк...
Рязанский полк...
Московский полк...
Просторы наши велики,
От края и до края
Идут бессмертные полки,
Героев поимённо называя.
И всем законам вопреки
Они сегодня с нами.
В одном строю и старики,

Маргарита РЫЖОВА

22 ИЮНЯ

Уходит история в вечность,
В которой «Ни шагу назад!..»
Но тише становятся речи,
И громче тревожный набат!

И колокол, колокол, колокол...
Сегодня звонит он по тем,
Кто жизнь свою прожил несолоно,
Иль пал в той священной войне...

В День скорби людской бесконечной
Вечный огонь из гвоздик...
Страна зажигает свечи
В память о тех, кто погиб...

В раю замолкают птицы,
Сердца с метрономами в такт:
Пусть всё это не повторится!
Не будет дороги назад!

ДО РЕКИ БЫЛО ДЕСЯТЬ МЕТРОВ

До реки было десять метров.
Было жарко. Хотелось пить.
Старшина молодой незаметно
Взял баклажку воды налить.
И гроза полыхнула, и грохот
Не с небес – из ближайших кустов.
«Преградить русским путь к водоему!» –

Был приказ у фашистов таков.
Он дополз, он набрал, он вернулся.
И глоток за глотком оживил.
Это был. Это будни. Не подвиг.
Он двенадцати жизнь сохранил.

ДВЕ КОСИЧКИ

Две косички корзиночкой сложены.
- Ты подай мне водицы, хорошая.
Чёлка светлая с завитушками.
- Ты поправь мне, родная, подушку.

Красный крестик на белой косыночке.
- Помоги написать моей Ниночке.
Через плечико сумка огромная.
- Ты спаси меня, девочка, родная.

Почему я не помню имени?
Знаю – вынесла с поля ты меня
И собою закрыла от взрыва.
Как же звали сестричку милую?!

ОН НЕ СТРЕЛЯЛ

Он не стрелял, не воевал
И не стоял в ночном дозоре.
И «языка» не брал, не знал
Геройской славы жить в фаворе.
И, не представлен к орденам,
Он чистил тоннами картошку.
«Из топора», хоть понемножку,
Топил, солил, варил, мешал

На первой линии иль третьей –
Не важно – главное успеть
Всех накормить, горячим встретить,
Бойцов улыбкой обогреть.
С перчинкой шутки, прибаутки.
И запах дома из котла.
Он не стрелял. Он просто повар.
Он – рядовой войны солдат.

ЗАТИРУХА

– Скажи мне, папа, – как-то я спросила, –
Что в детстве ты любил сильнее всего:
Не из игрушек; из еды – что было
Пределом радости в дни детства твоего?..
Он как-то приосанился немного,
Сумел в улыбку даже сохранить,
И, будто прогоняя прочь тревогу,
Мне начал очень тихо говорить...
Комок у горла не давал и вдоха,
Но слёзы благодарности в глазах.
Без капли сожаленья и упрёка:
– Любил я затируху, – он сказал...
– А что такое это чудо-блюдо?
Давай мы его сделаем на ужин?!
– Не надо. Оно в памяти оттуда,
Где тебя не было, и не дай Бог... Не нужно...
Мука, вода, сухая сковородка,
И ложечкой мешает мама смесь,
Боясь, что эта, даже не похлёбка,
Прилипнет, пригорит, – тогда не съесть...

Не суп, не каша – как войны разруха,
Замешанная с ложечкой муки.
Но лучшее из детства – затируха... –
Сказал отец: – Запомни, не вари!

ИСТОКИ ПАМЯТИ

Всем репрессированным, посвящается...

Будто временем сотканной ленточкой,
Память тянет меня туда,
Где неслись под откосы весточки,
Где не ездили поезда.

Где раскаты грома таёжного
Бьют в литавры тревожный набат
В память судеб людских искореженных
Тех, кто пережил этот ад.

Чёрным росчерком перечеркнутых,
Искалеченных кем-то «во имя...»,
Но не свергнутых и не сломленных...
Вспомним каждого ныне имя.

Чтоб исполнилась эта заповедь:
«Не познать, не забыть ту беду»,
Я сегодня к истокам памяти
Вместе с вами для них иду...

Берегущим источник от скверны,
Согревающим полыню,
Я слова посвящаю эти
И «простите за всё» говорю.

* * *

Юрию ГАГАРИНУ, посвящается

А на небе восходит звезда
Человека, вошедшего в вечность!
Он «поехал» туда, навсегда
Нам, открыв этот путь в бесконечность...

Он был первым на этом пути,
Он прорвался сквозь вихрь километров,
Облетел вокруг нашей Земли
И вернулся, став Первым из Первых.

Не понять нам, о чём думал он,
Когда в ЦУПе отсчёт начинали,
Когда стрелки секунды легко
Неизбежно к нулю приближали:

О семье, о себе, о былом,
О родителях, доме, иль жизни,
Он «поехал»! И это о нём!
И навеки о нашей Отчизне!

Русский парень, обычной судьбы,
Из простых: и не граф, и не барин,
Покоривший улыбкой весь мир,
Дверь открывший космических далей.

Время - лихо, и скуден лимит,
Тех, кто был самым первым в начале.
Пусть звезда его вечно горит
С гордым именем Юрий Гагарин!

ЧАСЫ ПЕСОЧНЫЕ ПЕРЕВЕРНИ

Когда приходит ночь вдруг ниоткуда,
И чёрной тенью радуга встаёт,
Попробуй сотворить земное чудо –
Найди тропу из прошлого вперёд:

Часы песочные переверни и вновь песчинкой
Пройди свой путь мгновеньем в жизнь длиною.
Взойди ростком в лугах простой травинкой
Иль вспыхни в небе яркою звездой.

В ракушке жемчугом взрасти во тьме глубокой
Среди бескрайнего морского бытия,-
И всё это произойдёт с тобою.
Ведь в каждом вздохе мира часть тебя.

Оставь же на Земле необозримый
Шлейф вечностью подаренных нам лет.
И распознают сердцем херувимы
Средь миллионов твой прозрачный след.

И мир твой, многоликий и контрастный,
И мир твой примет с радостью тебя.
И где-то возродится твоё счастье,
И где-то снова будет жизнь твоя.

А все, что кажется порою неподвластным,
Начнётся с рождением тебя.
Всё для того, чтоб «время не напрасно».
Всё для того, чтобы жила Земля!

ХМАО-Югра, Нижневартовск

Светлана МООР/ВЕТА МООР

ЦИКЛ ПОСВЯЩЕНИЙ «МОЕМУ СЫНУ»

* * *

Тюмень моя!

Земля тюменская.

Где сын рожден, где всё – моё.

Любовь – понятие вселенское:

Надёжное плечо твоё.

И говорят, здесь нефть фонтанами.

Раздора яблока кусок.

Не скажешь

что Тюмень – бесправная.

Богатство – это только впрок.

Моя Тюменщина богата

Людьми, которым нет цены.

Любви возвышенной, крылатой...

И чувство боли и вины.

* * *

Моя крошка, мой звоночек –

Твои ручки на стене.

Моё чудо мой сыночек,

Улыбаешься во сне.

Светишь мне как лучик солнца,

Лучик солнца золотой.

Плачу горько, плачу молча

Я – вечернею порой.

Нет, не надо расставаться
Детям с мамой никогда.
Мамам дети часто снятся,
Ранит сердце их тоска.
Моя крошка, мой звоночек,
Тебя к сердцу я прижму.
Вижу я тебя, сыночек,
И во сне, и наяву.

* * *

Колосочек мой, самый маленький,
Самый слабенький, самый нежненький!
Мне взрастить тебя крепким надобно,
Чтоб любили тебя девки-красные,
Не обидели мужи дерзкие.

Колосочек мой, пташка певчая!
Ты поёшь мне свои песни светлые
И про Родину знаешь истину, -
Что тебе она – мать, мать родимая,
Твоя мамочка ненаглядная.

Ты расти, мой сын, ясным соколом.
Свет очей моих, жизни моей свет.
Ты – защитник своей земли святой!

Ты расти, колосок!

Становись колосом.

Сильным соколом с железной волею.
Да со светлым умом, ясным разумом,
С добрым сердцем и вечной любовью в нём.

АНТОШКЕ ПОСВЯЩАЮ

«Я поздравляю вас с моим рождением!» -
Ты Вадику – братишке написал.
Простое человека появление
Пора давно взвести на пьедестал.
Ребёнок не ханжа, он прямодушен,
И для него рождение – главный день.
Ты в детской радости наивен, простодушен...
Но будь счастливым!

И не бросит тень

Беда лихая на твое свеченье,
Что изнутри, что свято, что дано.
Наступит час твой. И твои сомненья
Пускай с моими будут заодно.
В руках смычок.
Скользит по струнам скрипки,
А пальчики так нежны и тонки.
Вся моя жизнь в одной твоей улыбке...
Ведут к свершеньям «первые звонки».

* * *

Так беззащитен мальчик мой,
Обнявшись со своею скрипкой.
Растроган Бог твоей улыбкой,
Он тихо говорит с тобой.

Глаза твои устремлены
В иное, тайное пространство...
Талант любви и постоянства
Твоей судьбе отведены.

Скрипичная мелодия летит,
Озвучена моим родным Антошкой.
Она с тех пор во мне звучит,
Когда на свет явился крошкой.

СКРИПИЧНЫЕ ЭТЮДЫ

Из скрипки извлекал
Редчайший нежный звук.
Безумство, волшебство
В движеньи этих рук.

В плен захватил тебя
Творитель муз и лир,
Возьми меня с собой
В сокрытый тайной мир.

Я дождалась, мой сын, тебя.
Воскресла. Целый мир даря,
Ты в руки скрипку взял.
Я плакала...

А ты – играл.

Мама - лучший в мире друг.
Ты - творенье моих рук.
Всё от сердца:

счастье, боль...

Ты любить его изволь!

ТЕБЕ ТРИНАДЦАТЬ

Магической цифре тринадцать
Признанья свои приношу.
Тринадцать плюс пять – восемнадцать
На листиках вывожу.

Тринадцать,
тринадцать,
тринадцать –
Я словно молитву шепчу.
И радуюсь – не восемнадцать.
В пустое пространство кричу:

Погибли... За что?
Им – по двадцать.
Я – узница-мать,
я в плену.
Немыслимо, чтоб в восемнадцать
Мой мальчик ушел на «войну»...

РАСКАЯНИЕ

Я так виновна пред тобой, мой сын...
В то утро зимнее, не ослепив цветами,
Расцеловав тебя, умчалась в магазин.
И занималась разными делами.

А надо было бросить всё, всё позабыть,
Уйти с тобой в твой день рождения.
Сердечко детское умеет так любить...
Прости, мой свет! Молю прощенья!

*** * ***

Мой защитник отечества,
Кто тебя оградит
От душевных увечий,
От тоски и обид?

Всё решается дракой –
Жизнь сложна и проста.
Боль трагедии всякой –
Жизнь с пустого листа...

Сердце матери каждой
Постоянно болит...
Суета жизни праздной
Безусловно, вредит.

Каждый солнцем отмечен,
По судьбе пролетит –
Кто в грехах не замечен,
Тот греховных простит.

ТРИДЦАТЬ

Твой солнечный январский день
Цветами радуги расцвечен.
И лишь твоей улыбки тень,
Где мир не ясен, мир не вечен,
Тревожит изредка меня,
Что по ночам порой не спится:
Синица прыгает, дразня,
В руках горит перо Жар-птицы.
И мне так важен твой совет,

Твои земные ориентиры.
Он проливает жизни свет
На все вопросы и пунктиры...

* * *

Ты вразумил меня, мой сын!
И так понятно, и так просто...
Ты у меня такой один!
Нам не страшны издержки роста.

ТРИДЦАТЬ ТРИ

Так, 33, еще не 36, да и не 40,
То возраст красоты, полета и фантазий.
А сердцу бесконечно кто-то дорог...
Ты повзрослел, наш маленький проказник.

СЫНУ 35

Так, неужели тридцать пять,
Мой нежный, славный колосок?
А время повернуло вспять...
Все думы о тебе, сынок.
Моя поддержка и опора,
Бесценен каждый твой совет,
А жизнь прекрасна и сурова,
Дает единственный ответ.
А главное, в ладу с собою,
Прожить не просто, не легко.
Ты знай, что я всегда с тобою,
Хоть от тебя и далеко.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ МАМ

Ты – мой сын и мой взрослый ребенок.
Я смотрю и не верю глазам.
Ещё только вчера из пелёнок:
Ты взрослеешь почти по часам.

И пространство в ночи растворилось.
Чудо-чадо как прежде качаю.
Это время опять заблудилось.
С Днем рожденья, сынок! Баю-баю.

РУБИНОВЫЙ ФЕВРАЛЬ

Неужели весна?

Это солнышко томное.

Вводит нас в заблужденье вьюжный февраль.

А тепло наплывает приливами сонными.

Отчего ж нет улыбок, и всюду печаль?

Это, правда, весна! В ожидании дождичка:

Не обманешь меня – плачет грустный февраль.

Не люби, не корми меня нежностью с ложечки.

Нам с тобою все можно – простая мораль.

Это точно весна!

Улыбнись, мой любимый!

Меня вновь будоражит предвестник-февраль.

Всё прошло, пролетело, как жаль (что-то мимо)...

А улыбка твоя, как награда – медаль!

Сорок лет, как один, может, сорок четыре...

Не грусти, не горюй, мы вернулись в февраль:

Наши дети на связи, мы снова в эфире.

И с улыбкою нежной уходит печаль.

* * *

Не знаем мы, зачем кого-то выбирали,
Ирония любви созвучна лишь с избранием судьбы.
Какие идеалы, почему, куда-то исчезали...
А ты хорош всегда, дитя Вселенской ворожбы.

РОДНЫЕ ЦВЕТЫ

Гладиолус – любимый цветок,
Разноцветье в саду. Детским сердцем любя,
Мне ромашки дарил мой сынок.
А хрустальный букет – от тебя.
Расцвели и сияют золотые шары -
Невозвратная точка – сажала их дочь.
В лунный сад пробрались все миры.
А разлука и боль – к звёздам – в ночь.

РУБИНОВАЯ ДОЧЬ

Все суета сует на этом свете.
И лишь рождение имеет смысл.
А с нами рядом на другой планете
Закрытый занавес. Открытие кулис –
Рожденья свет. Твое рожденье, счастье:
Слепое солнце заводит ворожбу.
И дождь, и снег – безумное ненастье,
А я за все благодарю судьбу.
За то, что дочь и сын всегда на связи,
За то, что муж лелеет и бранит.
Я к вам лечу с всякою оказией,
А папина любовь тебя хранит.

Тюмень

Лидия ЖУРАВЛЁВА/ ЖУРАВУШКА

АНГЕЛЫ ЗЕМНЫЕ

Беззаботно, весело играя,
Искупая сердцем наши муки,
На земле посланниками рая
Ходят наши маленькие внуки.
Прижимая их к себе, мы знаем –
Ничего дороже в мире нету.
Их дыханью сонному внимая,
Мы обнять, готовы всю планету.
И любовь, над миром разлитая,
Принося надежду и прощенье,
В наших душах сладко обретает
Новое, иное воплощенье.

ЛУННЫЙ ЗАЙЧИК

Лунный зайчик, лунный зайчик, –
Вот кто мне приснился, значит.
Вот кто прыгал по подушке
И мои тревожил сны!
Удивился ты? Напрасно.
Это всем должно быть ясно,
Если есть у солнца зайчик –
Должен быть и у луны.
Пусть тебе приснится тоже
Зайчик, на луну похожий
И певучим нежным светом
Сон наполнит до краёв.
И тогда хрустальным утром
Мир увидишь добрым, мудрым,

Потому что зайчик лунный
Дарит нежность и любовь.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ВНУКУ

Засыпай, мой мальчик сладкий!
Сон пришлёт тебе лошадку
И на звёздной карусели
Унесёт тебя с постели.
Ночь завьюжит, сон закружит.
За спиной оставив стужу,
Ты помчишься словно ветер,
Что быстрее всех на свете.
И увидишь море, горы,
И услышишь разговоры
Рыб в неведомых глубинах,
Хохоток дельфинов милых...
Ну, а утром лучик солнца
Зазвенит – и мир проснётся.
Где же ты летал? – Не скажешь...
Может, и не вспомнишь даже.

*** * ***

Ты будешь играть погремушками звёзд,
Мой маленький крохотный внук.
И я покажу тебе сказочный мост,
Что свяжет дороги разлук.
Над вечностью в плещущем Млечном пути,
Где сходятся ветры орбит,
Тебе, милый мой, предстоит обрести
Себя. Бог тебя охранит
Молитвой моей. И познаешь ты сам,
Что в жизни все люди подобны богам...

Галина УГРЮМОВА

ЁЖИКУ

Линии жизни, словно чертёжики,
Стирать их ластиком ты не спеши.
Всё правильно в жизни – обычные ёжики
Пишут стихи. Как хороши
Утренний чай и свежие коржики!
Ежа приглашу стихи почитать.
Но где мне встретить такого ёжика,
С которым можно просто молчать?

ВНУКУ

Словно вчера – разбитые колени,
Машинки, что остались без колёс.
Но время пролетело, как мгновенье,
И незаметно ты, мой внук, подрос.
Ещё вчера с тобой писали в строчки
Кружочки, палочки то прямо, то в наклон.
В ученье рановато ставить точку,
Ведь впереди твой жизненный подъём.

Ждёт впереди широкая дорога –
Иди туда, куда зовёт она.
Хорошего и доброго в ней много,
И ты трудись – исполнится мечта.
Не допускай в свой мир минуты лени –
Нужны тебе не малые силёнки.
А мне запомнятся разбитые колени,
Окрашенные йодом и зелёной.

ДЛЯ МАМЫ

Я сегодня встала рано,
Мне сегодня не до сна.
Спит спокойно моя мама,
У плиты стою сама.

На кухню смело я пришла,
Чтобы маму удивить.
Все продукты вмиг нашла,
Тесто нужно замесить.
Торт испечь любимой маме
Мне доверить можно.
И салат порезать ранний
Мне совсем несложно.

Я сегодня встала рано -
похозяйничать не прочь.
Вот проснётся моя мама,
Скажет мне: «Спасибо, дочь!»

РУЧКА

Я о тебе писать спешила.
Я исписала все чернила,
Все ручки и карандаши.
Писала много, от души....
Где мне такую ручку взять,
Чтоб о тебе ещё писать?
Писать до самого конца,
Душевно, долго, неспеша...
«Бабуль, неправильная ручка», –
Всё объяснила моя внучка.

СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА

Серебрится и сияет платье
Жемчугами, ярко расцветая.
Взгляда от тебя не оторвать мне,
Внученька любимая, родная.
Зацепились капельки – снежинки –
За края кокошника коронного.
Невесомой, белою пушинкой
Входишь в зал величества зелёного.
Праздник у тебя сейчас во власти –
Дед Мороз желанья исполняет.
Дарит за стихи игрушки, сласти,
Шоколадом щедро угощает.
Сказку перепишешь от начала,
В ней у Кая сердце будет нежным.
И на трон воссядешь величаво
Королевой маленькой и снежной.
Чудо новогоднее наивно –
Волшебство и сказка безупречны.
Нет начала ленты серпантина,
И гирлянды радуг бесконечны.
Под огнями льдинки вмиг растают –
Мишурой – дождём прольются с ели.
И кружатся Герды, феи, Каи
В зимнем танце музыки метели.

БЛОКАДНОМУ ЛЕНИНГРАДУ

Сквозь годы смотрят на меня
Из города блокады
Детей голодные глаза,

И нет больше взгляда.
Там в квартирах холодных,
Где дух смерти витает,
Жизнь детишек голодных,
Словно льдиночка, тает.
Борьба духа и плоти
В них идёт без конца.
Там вода лишь в болоте,
А ад у крыльца.
И чуть больше ста граммов,
Те, что горя чёрней.
Как спасти этим мамам
Сыновей, дочерей?
Хлеб - мука и опилки -
Кусочек без вкуса.
И сквозь отсвет коптилки
В муках облик Иисуса.
Только в сердце - не в разуме -
Где же хлеба достать?
Умереть? Нет, не сразу -
Голод выдержит мать.
Но ничем не измерить
Горе страшных утрат.
Ей осталось лишь верить
В твой подвиг, солдат.
А героев немало
Видел наш Ленинград.
И плывёт по каналам,
словно память, фрегат.

Тюменская область, с. Бердюжье

Татьяна АНДРИЯНОВА

МЫ НЕ СДАЁМСЯ

Каким прекрасным был рассвет
осенним утром!

Сосед достал пустой кисет,
заметив мудро:

«Кисет пополнить мне не лень,
да только где там.

Как видно, трудным будет день
по всем приметам».

А лучший друг, сосед иль брат,
сев в уголочек,
Шинель удобней подобрал,
письмишко строчит.

И вскоре ахнула земля
и застонала.

И плотно дыма пелена
глаза застлала.

Один снаряды подносил,
другой – наводчик.

И, самокрутку закусив,
бил пулемётчик.

«Катюши» ухали вдали,
земля дымилась.

И в страшный, чёрный цвет войны
она рядилась.

И непонятно, чей снаряд
летит и воет.

Как хочет немец всё подряд
сравнять с землёю!

Снаряды кончились давно
у нашей пушки.
Мы не сдадимся всё равно...
Гранаты глушат...

А вот и танки в бой идут
с звездой на брони.
Они порядок наведут,
и враг застонет.

Убит, мне кажется, солдат,
курить желавший.
И ранен друг его иль брат,
письмо писавший.

Представить сложно этот бой,
где всё пылало!
Таким был трудным путь домой,
тех дней немало.

Но мы смогли их победить.
А как иначе?
И красоте осенней быть
ко дню в придачу.

И будет помниться кiset
и речь солдата.
И как писал дружок иль брат
письмо когда-то.

ВОЕННЫЕ «ПОДАРКИ»

«Подарки» те отец принёс домой.
Одни – в бумажке, есть ещё под кожей.
Смеяться нам над ними, ох, негоже,
Они ему «подарены» войной.
Он ранен был осколочным в бою.

Его спасли. Спасибо всем большое,
А мы не знали, что это такое,
Играя в нашу, детскую войну.
Наш «бой» однажды стон остановил,
Бежать куда, мы замерли, не зная,
На кровь из раны издали взирая...
Так у отца осколок выходил.
И боль, и страх стоят в моих глазах.
Отец просил: «Неси-ка мне тряпицу.
Водички дай. Я так хочу напиться».
А я стою, безумная, в слезах.
И лишь теперь понятно стало мне,
Как трудно те «подарки» достаются,
И слезы, отчего ручьями льются
У всех, кто был и не был на войне.

ОБЕЛИСК

На постаменте сын и мать.
Им много лет ещё стоять...
Пятнадцать лет было ему,
Когда сбежал он на войну.
Всего пятнадцать зим и вёсен,
Но он плечист, высок и весел.
Смог убедить он старшину,
Что семнадцать лет ему.
А мать в дому одна жила
И всю войну его ждала.
Всегда надеялась, что вот
Ещё чуть- чуть и сын придёт.
Вот и встретились. И что ж?

Сын на себя уж не похож.
Ему семнадцать только лет,
Но он изранен весь и сед,
В семнадцать лет сын-инвалид.
Душа у матери болит.
На постаменте сын и мать...
Им много лет ещё стоять.

ПОДСНЕЖНИКИ

Говорят, что цветы эти нежные.
Называют их все «сон-трава».
Только я называю по-прежнему,
И, надеюсь, что в этом права.
И в руках они мягкие, свежие,
Но холодные – не удержать.
Потому и зовут их подснежники.
Да и как по-другому назвать?
Они первыми тянутся к солнышку,
Не боятся морозов и вьюг.
Их лохматые жёлтые доньшки,
Как фонарики, светят вокруг.
А снега – их соседи хорошие.
И, пока вырастает трава,
Словно к счастью нам под ноги брошены.
Ну, а что? Разве я не права?
Их срывают порою влюблённые
Да и дарят цветы от души.
И поляны стоят оголённые...
Жаль. Подснежники так хороши!

Тюменская область, Заводоуковск

Рассветов дивных ожиданье с ночи,
И травы в росах, и цветы в лугах!
Свобода опьяняет, манит очень,
И эхо откликается в горах.

ВОТ ОН, АПРЕЛЬ

Вот он, апрель, за окошком танцует
Лучиком солнечным, ветром шальным.
Столько запретов, а он не пасует.
Как же иначе, весна нам зачем?

Мы заждались его звонкой капли,
Песенок быстрых ручьёв во дворе.
Вот он, апрель!

На чудесной свирели
Бойко играет: ля, соль, фа, ми, ре,
До...

И сначала звучит его песня,
Гаммы чудесные слышим весь день.
Вот он, апрель! До чего интересно:
Всё изменилось в природе теперь.

Всё изменилось, и мне не сидится,
С облаком белым хочу улететь,
С маленькой шустренькой птицей-синицей
Просто на ветках берёз посидеть,
В лужах попрыгать,

чтоб брызги летели
Да надышаться простором полей,
И, засыпая под звуки свирели,
Ждать, чтобы утро настало скорей!

ВЕСЕННИЙ ДЕНЬ

Все бусинки звонкой капли
Стучали так бойко по окнам.
Да лучики солнца горели,
Свои, подставляя волокна,

Стараясь собрать их поближе,
Украсить весну-недотрогу.
А солнышко мальчиком рыжим
Шагало небесной дорогой,

Дарило улыбки прохожим,
Сияло в отмытых витринах.
И в лужицах милые рожи,
Как будто бы все на смотринах,

Подмигивали и смеялись
От радости пробуждения.
Весне угодить так старались
В день новый её рождения.

А ветер отправил все тучи
Куда-то на север далёко...
Денёк показался нам лучше,
Чем все дни зимы жестокой.

ВЕСЕННЕЕ

К нам весна прилетела вчера
И на веточках белых берёз
Поселилась, сегодня с утра
Окружив нас туманами грёз.
Разгулялась к обеду пурга,

Под окном закрутила брейк-данс,
По сугробам босая весна
Танцевала настойчиво вальс.
Подхватили тот танец ветра.
Облака разорвав в пух и прах.
Наконец-то проснулись снега,
Потеряв перед холодом страх.
И заплакали крыши домов,
Им и грустно, и даже смешно.
Сталактиты украсили кров:
Время звонких капелей пришло!
Пусть сугробы, от солнца звеня,
Ручейками польются к морям,
Всё живое, в дорогу маня...
Свой кораблик пущу по волнам.

КАЧЕЛИ

Отец на Пасху мастерил качели,
И я взлетала прямо в небеса...
Они, казалось, даже песни пели
Про солнышко, про чудеса...

Тогда мы с ветром очень подружились:
Взлетала вверх, а ветер возражал,
Толкал назад, да голова кружилась,
А он шутил, казалось, щекотал.

Какое чудо – детские качели!
Мне и сейчас в них хочется присесть,
Чуть оттолкнуться: раз – и полетели
В тот край далёкий, где живой отец!

ПРОСТИ

Деревянная моя родина:
Перелески, луга, поля!
Ну, кому же ты неуютная,
Плодородная наша земля?

Отчего поутру как издавна
Не гудят уже трактора?
Только машут ветвями издали
Долговязые тополя.

Почему покосились ставенки,
И заботы о них уж нет?
Хоть народ живёт так же праведно,
Но потерял земли секрет?

На завалинке собирается
Постаревший теперь уж люд,
Может быть, уже забывается,
Как снега по весне поют,

Как берёзовым соком, ранена,
Истекает наша земля.
Это всё, конечно, неправильно,
Что деревня-то чуть жива.

Деревянная, незабвенная,
Всё же брошена на года,
Ты прости нас всех, сокровенная,
И любимая навсегда.

Тюмень

Галина БЕЛОВА

Я ПТИЦА

Жила неумело, несмело,
Плыла, куда время несло.
Судьба моя писана мелом,
Я птица с подбитым крылом.
Я птица, пою безголосо,
Пронзительно, как журавли,
Когда на пустынных покосах
Коснутся родимой земли.
Отчаянно, радостно, страстно
Иль грустью исполненный крик...
Я верю: мой стих не напрасно
Из боли сердечной возник.

РОСКОШЬ УМНЫХ РАЗГОВОРОВ

Роскошь умных разговоров
В тишине библиотек...
Дальних стран чужих просторы
Не увидеть мне вовек.

Я живу в углу медвежьем
Далеко от городов.
Груз своих ошибок прежних
Я несущу сквозь даль годов...

Книги умные читаю,
Иногда пишу стихи...
Есть другая жизнь, я знаю,
Да не пустят в рай грехи...

Я ОСТАЛАСЬ В ПРОШЛОМ ВЕКЕ

Я осталась в прошлом веке
Со стихами о любви
Ко всему, что есть на свете,
В чистом пламени зари.
Я осталась в прошлом веке,
Где стихи имели ритм,
Где ценили в человеке
Душу..., а не счёт один.
Нелегко остаться в прошлом
И при этом всё же жить...
Слушать новый мир дотошно,
Книжки старые любить...

ЛЕБЕДИ

Изящный силуэт
с простёртыми крылами,
Красивей птицы нет
весной под облаками.
Поля ещё в снегу –
они уже вернулись.
Стою на берегу:
как бы души коснулись
Негромким говорком
о том, что здесь просторно,
Поля здесь островком
в родном краю озёрном.
Распахнута душа,
как крылья их, летящих,
Шагаю не спеша
под шелест крыл звенящих.

ВСЁ ВОЗМОЖНО

Ещё холодные поля –
Везде проталины чернеют.
Ещё угрюмы тополя,
Но южный ветер тихо веет,
И окликает грач грача.
Синицы тенькают тревожно.
Щека от солнца горяча.
Весна. И снова всё возможно!

РАССТАВАНИЕ С МАЕМ

Май перед самым со мной расставанием
Нежно и ласково волосы гладит.
Ветка сирени воздушным касанием
Запахом юности душу окатит.
Солнышко утром лучистое, светлое
Тоже подарит любовные ласки.
Вспомнится всё позабытое, детское
Безоговорочно верится в сказки.
Стало понятно достоинство зрелости:
Всё, что прожито, со мной и во мне.
Просто с годами важнее те ценности,
Что ты открыл в своей первой весне.
Солнце и ветер, цветы на поляне
Только дороже, нужней и милей.
Детство и юность всегда рядом с нами,
Возраст любой он со мной и во мне.

Тюменская область

О чём,
прозаик,
ты хлопчешь?

ГОСТЬ РУБРИКИ

Владимир СМИРНОВ – поэт, прозаик, журналист, член Союза журналистов России, председатель правления Союза русских писателей Восточного Крыма г. Феодосия.

Владимир Вячеславович Смирнов родился в 1961 году в Крыму, окончил факультет журналистики Львовского государственного университета имени И.Франко.

Автор сборников поэзии «Распахнула ресницы сосна», «Маршалам поэзии», исторической повести «Княжество Феодоро», сборников рассказов «Криминальный Севастополь» и «Завещание Генриетты».

Лауреат Всероссийской литературной премии имени Н.С. Гумилёва (2020) и ряда республиканских поэтических фестивалей.

Публиковался в журналах: «Молодая гвардия» (Москва), «Берега» (Калининград), «Литературный Омск» в альманахах и сборниках: «Крымский мост», «Крымский телеграф», «Крымское приключение», «Литературный Севастополь», «Литературная Феодосия» и других периодических изданиях.

«ВЕЗУЧИЙ» КОМАНДИР

рассказ

Шёл первый день войны. В 9 часов утра командир пограничного катера ПК-115, базировавшегося на Дунае в районе Вилково, получил приказ – уничтожить Старостамбульский пикет на румынской территории. Помощник командира Николай Осеев был на пограничном катере управляющим артиллерийским огнём. Подойдя к пикету на расстояние прямого выстрела, катер в течение нескольких минут огнём двух пушек и пулемёта уничтожил постройки и более двух десятков румынских пограничников...

В 13 часов дня экипаж катера подавил шестиорудийную полевую батарею румын – союзников фашистской Германии, расположенную в трёх километрах от Дуная, в районе деревни Сфиштовка.

К вечеру ПК-115 получил приказ обследовать выход из Дуная в Чёрное море через одно из гирл. Когда катер зашёл в протоку, румыны обнаружили его и, очевидно, зная, что выхода в море оттуда нет, быстро установили артиллерийскую батарею напротив гирла, закрыв обратный выход для катера в Дунай. Осадка ПК не позволяла ему выйти в море. Тогда командир катера старший лейтенант Василий Горяшко, посоветовавшись с Осеевым, принял решение выгрузить боезапас и глубинные бомбы на берег. Облегчённый катер прорвался в море. А боезапас и бомбы позже доставили на катер шлюпкой. Зайдя в русло Дуная через другое гирло, ПК-115 атаковал вражескую батарею во фланг и уничтожил её. В это время батарея немцев, находившаяся в пяти километрах, открыла ответный огонь по катеру. Фашисты корректировали обстрел с водонапорной башни, расположенной неподалеку. ПК-115 был виден оттуда как на ладони. Он не мог покинуть свой участок, так как его основной задачей была охрана государственной границы СССР. Батарея обстреливала катер минут сорок. И всё это время ПК-115 успешно маневрировал. Несмотря на близкие разрывы снарядов, осколки, грохот взрывов, личный состав не покидал своих боевых постов. А потом, когда пограничники засекли корректировщика, они укрыли катер под румынским берегом, и наблюдатель потерял его из поля зрения.

Заканчивался первый день войны. Пожалуй, самый длинный и тяжёлый из всех дней, которые Николаю Осееву довелось пережить.

...Коля Осеев родился в декабре 1919 года в селе Тютюково Кольчугинского района Владимирской области. Ему было десять лет, когда его семья переехала в город Кольчугино. Отец и мать Николая – из рабочей династии, оба члены партии. В их семье росло пятеро детей. Коля с детства мечтал стать инженером, по окончании десятилетки поступил в Московский гидротехнический институт. Однако проучился Николай в этом вузе всего лишь год. Стране требовались военные кадры. В 1937 году по спецнабору он был направлен во 2-е ВМУ Севастополя (впоследствии ЧВВМУ им. П.С.Нахимова).

Николай Игнатьевич Осеев попал в первый набор вновь созданного училища. Первое время жили в палатках. Курсанты строили училище и одновременно учились. В марте 1941 года Осеев окончил ВМУ и был направлен для прохождения службы в 4-й Черноморский отряд погрансудов НКВД помощником командира пограничного катера ПК-115 на Дунайской военной флотилии, где и встретил войну.

Потом офицер Осеев принимал активное участие в героической обороне Одессы и Севастополя. Вот выписка из наградного листа от 5 апреля 1943 года: «За время войны советского народа с германским фашизмом старший лейтенант Осеев участвовал в 320 боевых походах, в сопровождении 160 транспортов и отражении при этом 68 атак самолётов противника. В дни героической обороны Севастополя, особенно в период третьего наступления, под его руководством в сложных метеорологических условиях, в обстановке активных действий вражеской авиации и торпедоносцев кораблём отконвоировано 15 транспортов в Севастополь и 25 транспортов в Камыш-Бурун и Керчь. При этом не было ни одного случая потерь».

Во время обороны Севастополя был случай, когда катер, на котором служил Осеев, просто чудом спасся от верной гибели. Дело было так. 2 июня 1942 года СКА-0112, на котором Николай был помощником командира, прибыл в Севастополь в составе конвоя, обеспечивавшего переход транспорта «Абхазия». Катер подошёл к топливному пирсу в бухте Стрелецкой для заправки. Командир СКА-0112 старший лейтенант Коргун убыл на командный пункт ОВРа, приказав особое внимание уделить наблюдению за воздухом, так как авиация противника господствовала в небе. Погода стояла ясная. Приём топлива для ускорения осуществлялся сразу в обе цистерны катера.

Как ни спешили катерники, но девятка Ю-88 появилась в небе, когда СКА-0112 находился ещё у пирса. Целью немцев явно был катер. Чтобы отойти от пирса, катерникам следовало отсоединить шланги, задраить горловины. А самолёты уже готовились войти в пике. И в этот момент появился наш истребитель И-153, который сымитировал атаку на головную тройку бомбардировщиков (безопас он, очевидно, уже израсходовал). Этим маневром советский лётчик сбил с боевого курса атакующие самолеты, что дало возможность экипажу катера выполнить все действия для дачи хода и открытия огня. Через несколько секунд четыре авиабомбы взорвались в том месте, где только что стоял советский катер. Лётчик своим маневром спас СКА-0112 от верной гибели.

А спустя несколько часов, находясь уже на рейде бухты Стрелецкой, экипаж катера вновь увидел знакомый истребитель. Его в этот момент атаковали два «мессершмитта». Силы были явно неравны. Наш истребитель, приблизившись к катерам, а их стояло шесть единиц, начал кружить вокруг них на небольшой высоте. Катера открыли интенсивный огонь по «мессершмиттам» и не дали им сблизиться для атаки нашего самолета. Когда «мессеры» улетели, ястребок благополучно приземлился на аэродром Херсонес. Матросы облегчённо вздохнули, заулыбались: «Долг платежом красен».

Памятны Николаю Игнатьевичу и события, происходившие в 1943-м году, когда он возглавлял силы прикрытия базы высадки на Малой земле. Катер, которым командовал Осеев, находился на внешней линии охранения.

Торпедные катера противника яростно атаковали наши корабли, пытаясь прорваться в район базы высадки, но каждый раз, получив мощный огневой отпор, вынуждены были отходить. Возложенная задача по прикрытию базы высадки катерниками была выполнена с честью.

Закончил Великую Отечественную войну Николай Осеев на Чёрном море, в Севастополе, в должности командира дивизиона «морских охотников» за подводными лодками.

За успешное выполнение боевых задач, за долголетнюю безупречную службу капитан 1 ранга в отставке Николай Игнатьевич Осеев был награждён двумя орденами Красного Знамени, орденом Нахимова II степени, орденом Отечественной войны II степени, двумя орденами Красной Звезды, орденом Богдана Хмельницкого III степени, медалью «За отвагу» и другими медалями.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОДПОЛЬЩИК КАЛЛИНИК КАЧАН

очерк

Сколько их, официально неизвестных, безымянных, непризнанных героев Великой Отечественной войны так и остались пока за чертой нашей истории? За чертой истории – это факт, но только не за чертой памяти их родственников или товарищей, которые до сих пор знают и помнят об их драматичных, зачастую трагических судьбах и передают эти давние события, эти крупницы памяти своим детям и внукам.

Одну из таких историй рассказала мне феодосийка Мария Каллиниковна Старкова. Историю о своём отце – Каллинике Григорьевиче Качане, родившемся в Сумской области ещё в 1892 году. Имя у него было довольно редкое, и это имя во многих документах всегда писали по-разному: то Каллиник, то Каленик, то Калинин, то Каленник.

Детство Каллиника Качана прошло в селе Глинское на Сумщине. В ранней юности он поехал на заработки в промышленный город Луганск. Время было тревожное, царский режим подавлял отголоски первой русской революции 1905 года. Жизнь была нелёгкая, Каллиник устроился работать на стеклодувный завод. В цехе стояла невыносимая жара, нестерпимо хотелось пить. Но пить воду во время работы в горячем цехе считалось вредным для здоровья, поэтому в помещениях стояли баки с солёной водой, чтобы рабочие меньше пили.

– Мой отец симпатизировал революционерам, хотел стать одним из них, чтобы бороться за права рабочего класса. В этот период он и стал посещать подпольный политический кружок. На одном из собраний отец познакомился с Климентом Ворошиловым, который в то время был уже большевиком, являлся председателем Луганского Совета, руководил стачками рабочих, созданием боевых дружин. Постепенно знакомство с Ворошиловым, будущим советским государственным и партийным деятелем, переросло в настоящую дружбу. Но года через два их пути разошлись. Климента арестовали и отправили в ссылку. Мой отец женился, в семье родились две девочки-близнецы, и он постепенно отошёл от революционной деятельности, – вспоминает Мария Каллиниковна.

На заводе платили мало. И чтобы содержать семью, Каллиник отправился в Феодосию, где устроился на корабль боцманом. Он хорошо зарабатывал, почти все деньги отправлял жене. Но эта

идиллия длилась недолго. Вскоре умерла одна из дочерей, а позже и супруга.

...Великая Отечественная война застала Каллиника Качана в Феодосии. Было ему почти пятьдесят лет, на фронт не взяли. Осенью 1942 года в оккупированном фашистами городе на него вышел связной от подпольщиков. Предложил устроиться в морской порт сторожем, чтобы передавать подпольщикам сведения о количестве вражеских кораблей и судов, о характере доставляемых и отправляемых грузов. Каллиник Григорьевич с радостью согласился: он чувствовал острую потребность приносить пользу своей Родине. Чтобы было меньше подозрений, ему рекомендовали жениться на работнице порта. Так, 2 ноября 1942 года он и зарегистрировал брак с Ольгой Ивановной Матяшовой, а в июле 1944-го у них родилась дочка Мария.

Практически полтора года сторож морского порта Каллиник Качан, рискуя жизнью, передавал через связного ценные сведения феодосийским подпольщикам. Причём, в целях конспирации, он знал только своего связного, что позже не самым лучшим образом отразилось на его дальнейшей судьбе.

В начале апреля 1944 года, перед самым освобождением Феодосии от немецко-фашистских захватчиков, Каллиника арестовали гестаповцы. Видимо, кто-то донёс на подпольщика или немцы сами его выявили. Как бы то ни было, но, продержав несколько дней в тюрьме, фашисты повели его вместе с другими заключёнными на расстрел.

- Отец говорил, что их пригнали за город - поблизости от места, где находится нынешнее городское кладбище. Приговорённых к расстрелу выстроили в несколько рядов, отец стоял в последнем. Прозвучали автоматные и пулемётные очереди. Стоявшие в первом ряду люди упали как подкошенные. Вскоре та же участь постигла и второй ряд. Отец уже мысленно прощался с жизнью, как вдруг в небе появились советские самолёты. Они начали пикировать и стрелять по фашистам. Каратели в спешке дали последнюю очередь и стали разбегаться; советские войска были уже на подступах к Феодосии, - продолжает свой рассказ Мария Каллиниковна.

Острая боль пронзила ноги подпольщика Качана, он упал в ров, потерял сознание. Прямо на него и рядом с ним падали тела других людей. Вечером его, едва живого, обнаружили местные жители, искавшие своих убитых родственников. Советские войска уже освободили город, поэтому Каллиника отвезли в военный

госпиталь. Как потом выяснилось, пули пробили, раздробили ему коленные чашечки сразу на двух ногах, сделав его на всю жизнь инвалидом первой группы. В дальнейшем он с большим трудом мог передвигаться на костылях только по дому и двору, на другие переходы сил не хватало.

– Но всё это было позже, после войны. А в тот момент жизнь отца висела на волоске, – добавляет дочь подпольщика.

Ночью в госпитале Каллинику привиделась следующая картина. Два ангела стояли перед ним и общались:

– Кого будем забирать? Этого или его соседа?

– Этот пусть ещё живёт, заберём соседа.

Очнувшись утром, Каллиник увидел, что соседняя кровать, где вечером лежал тяжелораненый боец, была пуста. Сосед по палате умер...

После окончания войны Каллиник Качан не стал обивать пороги кабинетов и доказывать, что он был подпольщиком. Это было бесполезно. В архиве сгорели документы, живых свидетелей тоже не осталось. Так и жил он на скромную пенсию инвалида первой группы с женой и маленькой дочкой Машей, без наград и без почестей.

– А какой по характеру был ваш отец? – спросил я у Марии Каллиниковны.

– Скромный и очень добрый, – не раздумывая, ответила женщина.

Пожалуй, лишь один раз в жизни Каллиник Григорьевич отступил от своих принципов. В конце пятидесятых годов он решил написать письмо своему давнишнему товарищу Клименту Ворошилову, в то время занимавшему пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Он попросил его выделить ему как инвалиду первой группы инвалидный автомобиль с ручным управлением.

И представьте себе, по прошествии пятидесяти лет, Климент вспомнил о своём луганском соратнике и написал ему ответ. А буквально через месяц местные власти вручили Каллинику Качану новенький автомобиль, который ему в дальнейшей жизни очень пригодился.

А о доброте Каллиника Григорьевича говорит, например, такой случай. По их улице ходила цыганка и просилась у людей переночевать. Но никто её не хотел пускать на ночлег. Только Каллиник Григорьевич, несмотря на протесты жены, приютил

цыганку на ночь. Утром цыганка поблагодарила хозяев и ушла восвояси, захватив ненароком пуховую шаль супруги. Жена начала укорять мужа, что вот, мол, пустил в дом цыганку, а она дорогую шаль украла. На что Каллиник ответил: «Да ладно, Олюся, у неё ж и хаты нема, ей та шаль больше пригодится».

Очень любил Каллиник Григорьевич и свою младшую дочь Марию. Вот отрывок из его письма дочери-студентке:

«Здравствуй, дочечка Маша! Купил бочоночек хамсы, выслали тебе посылку. Хотел сначала за хамсой в Керчь ехать, доехал уже до Золотого пляжа, но из-за мороза вернулся и купил хамсу в Феодосии, очень хорошая хамса попалась.

...Здоровье моё неважное, болят очень ноги. Левую ногу чувствую уже хорошо, а правая очень болит, без костылей никуда. Словом, дела мои неважны, но жду лучших дней.

*С тем до свидания, дочечка Маша. Твой, тебя любящий отец.
5 февраля 1965 года».*

А спустя три года, 2 апреля 1968 года, Каллиник Григорьевич Качан ушёл из жизни. Похоронен он на старом городском кладбище, почти на самом верху, откуда даже виден порт, в котором он когда-то работал...

Крым, Феодосия

Галина МАНАЕВА /Галина ПОЛЯНИНА

СУДЬБА СОЛДАТА

эссе

Посвящается моему отцу

«Крови своей, своим святыням верный...»

В галерее «Дорога памяти» подмосковного музейного комплекса при главном управлении Вооружённых сил РФ имя моего отца появилось ранее отправленных моей семьёй документов, правда, без фотографии. Теперь его портрет наравне со сверстниками, а их миллионы, находится в едином торжественном строю, а в день Великой Победы солдаты Великой Отечественной войны «выстраиваются» в Бессмертном полку, идея которого зародилась на Тюменщине. Портреты ветеранов несут их дети, внуки, правнуки. Сбылось великое пророчество: Россия тогда поднимется с колен, когда в одном ряду пойдут живые и ушедшие из жизни.

Благоговейное отношение к подвигу советского солдата в Великой Отечественной войне в нашем поколении формировалось в неделимой сцепке – живые, скупые рассказы самих фронтовиков закреплялись в памяти уроками истории в школе, фильмами, книгами, песнями, военной лирикой, парадами Победы. Но вот мы, дети первых послевоенных лет, остались одни, остро, до боли, ощущая сиротство в непростых проявлениях. Но память жива. И наш долг сегодня – расшифровать цивилизационные смыслы заповедей наших отцов, значение подвига советского солдата.

Мой отец, Королёв Пётр Васильевич, родился 25 января 1920 года. Кавалер ордена Отечественной войны I степени. Первая награда «За Победу над Германией» получена в 1945 году. Имеет медаль «За отвагу». В 1930 году – сначала отца, Королёва Василия Алексеевича, 1895 года рождения, а через полгода – моего отца, 12-летнего подростка, его мать, Королёву Устинью Ивановну, дедушку с бабушкой – Алексея Сергеевича и Аксинию Лагановну как зажиточных крестьян, по доносу, под стражей отправили из деревни Ерёмينو Нижнетавдинского района Тюменской области в спецпоселения. Без права выходить за его пределы. Первых ссыльных отправляли с особой жестокостью и строгостью – не разрешали с собой взять самые необходимые вещи, не говоря уже о каких-то съестных запасах, тёплой одежде.

Местом ссылки стал Надеждинский (ныне Серовский) район Свердловской области. Как известно, ещё 21 мая 1929 года СНК СССР принял специальное постановление «О признаках кулацких хозяйств, в котором должен применяться кодекс законов о труде». Начало массовому переселению раскулаченных положило постановление ЦК ВКП(б) от 30.01.1930 года «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации», в котором приводилась «разнарядка» по раскулаченным, определялись их категории. Уточнялись и места ссылки – они в обязательном порядке должны быть малообжитыми или совсем необжитыми.

«Кулацкой» ссылке подвергались все зажиточные крестьяне, имевшие, например, две коровы, мельницу. Условия жизни в спецпоселениях были тяжёлыми. Работа на лесоповалах и рудниках не подкреплялась снабжением хотя бы самым необходимым ассортиментом продуктов питания. Порой ссыльные предпочитали остаться без обуви и одежды в обмен на хлеб и овощи. В результате спецпереселенцы употребляли в пищу мох, кору деревьев и кустарников, ягоды, грибы, разный суррогат, что приводило к инфекционным заболеваниям и истощению. На глазах 12-летнего подростка умерли мать, бабушка и дедушка.

Глава семейства Василий Алексеевич в такой ситуации понимал, что самому уже не выбраться из диких болот и разработал план спасения своего сына. Не подвел он челдонский род, известный в Сибири с середины XIV века, задолго до завоевания её земель Ермаком. Можно обратить внимание читателя и на отчество бабушки папы, моей прабабушки, «Лагановна», которое берёт свои корни от имени Лонгин (с лат. – «долгий») или Логгин (с лат. - «высокий») и, вероятнее всего, происходит от римского фамильного имени Лонгинус. В именнике это имя, как сообщают Энциклопедия русских фамилий (Хигир Б.Ю.), Словарь современных русских фамилий (Ганжина И.М.), называют памятником славянской письменности и культуры.

Тайком, подговорив охранников, замотав тряпками, завалив отходами, на телеге, вывез Петра на железнодорожную станцию. Он дал чёткие инструкции сыну, как себя вести в случае обнаружения, ни при каких условиях не называть место ссылки, подсказал, к кому зайти в Тюмени. Больше отец и сын не встретились.

Главный отцовский наказ заключался в следующем – выжить и добиться полной справедливости. Петя, мальчишка смыслёный,

дисциплинированный, благополучно добрался до Тюмени. На вокзале он попал в поле зрения милиционера, к счастью, тавдинца. На все вопросы мальчуган молчал, тогда земляк поселил его в Доме крестьянина, а на другой день вместе с попутным обозом помог отправиться в район. Через мытарства, не без помощи добрых людей, оказался Пётр Королёв в родной деревне Ерёмино Нижнетавдинского района. Поскольку негде было остановиться – родной дом оказался разобраным, всё имущество разграблено, скотина отдана в колхоз, подросток ночевал там, где приютят и подадут кусок хлеба. Так и ходил Петя «по миру», с котомкой за плечами. Помогал людям по хозяйству, на полевых работах. Он помнил наставления отца – не плакать, а жить, жить, верить в людей, несмотря ни на что.

Постановление Президиума ЦИК «О порядке восстановления в избирательных правах детей кулаков» от 17 марта 1933 года сообщало, что дети высланных кулаков, достигшие совершеннолетия, восстанавливаются в избирательных правах, если занимаются общественно-полезным трудом и добросовестно работают. Отец как неимущий, получив соответствующий документ в сельсовете, смог в Нижней Тавде устроиться на работу в контору связи, о чём и гласит первая запись в трудовой книжке от 1934 года.

В 1940 году Петр Королёв был призван на действительную службу, в ряды РККА, служил на Дальнем Востоке в составе 198 Отдельного местного стрелкового взвода. Славился своими показателями, свободно и легко выбивая «десятки». Принял присягу 10 января 1941 года.

До начала войны оставалось полгода. 15 декабря 1941 года 20-летний рядовой Петр Королёв прибыл на Северо-Западный фронт в составе 30-го гвардейского стрелкового полка 8-й гвардейской стрелковой дивизии-преемницы знаменитой 316, Панфиловской, дивизии. В то время шли кровавые бои под Старой Руссой, в районе Демянского котла. 19 января 1942 года дивизия по заданию Ставки ВГК по железной дороге переброшена до станции Бологое, где вошла в состав 2-го гвардейского стрелкового корпуса 3-й ударной армии Калининского фронта. Дивизия совместно с другими частями РККА вела бои с дивизией СС «Мёртвая голова» - «За Родину!», «За Сталина!».

В начале февраля 1942 года советские войска перешли в наступление по большаку Старая Русса – Холм в районе Соколово –

Трохово. Гвардейцы проявляли чудеса храбрости, погибал командир, его тут же заменял рядовой, также произошло и с Королёвым. Участвуя в разгроме одного из узлов фашистского сопротивления, 4 февраля Пётр Королёв трижды был тяжело ранен, правая рука повисла... Истекая кровью, на поле боя, в 40-градусный мороз, в глубоком снегу, потерял сознание. В те часы, как следует из документов, погибло 100 солдат. Боевые порядки дивизии бомбили 20 вражеских самолетов. Но товарищи по оружию не бросили бойца. Под минометным огнём отважные санитары выносили раненых и убитых. В медсанбате Петру Королёву вовремя оказали помощь – иначе через несколько часов могла начаться гангрена, и руку пришлось бы ампутировать. Да и жизнь – то в нём едва теплилась. При первой же возможности рядового Королёва направили в госпиталь – номер 3796. Он располагался в Карагае Пермского края. Когда раны затянулись, солдат отправился домой, где его никто не ждал. Невозможно передать словами, что испытывал солдат. Но он помнил завет отца – не сдаваться, не раскисать, а действовать.

С повязкой на руке он нанялся пастухом в деревню Ермачиха. Здесь он и встретил свою спасительницу – Евдокию Богданову. Вскоре они смогли переехать в Нижнюю Тавду. Отец снова вернулся в контуру связи. Молодые получили жильё по улице Банковская, 12.

Мама лечила вновь открывшуюся рану, промывая всевозможным народными средствами – растворами, присыпками, примочками. Страшно испугалась, когда из ран вдруг появились белые, толстые черви. Они выходили и скапливались целыми тазиками. Только потом Евдокии Прокопьевне подсказали, что такое явление – и есть признак выздоровления.

Отец постепенно окреп. Появилось трое детей. Первенец, Александр, родился в 1944 году. В марте 1945 года Петр Королёв был вновь отправлен на фронт, находился в составе 35 Запасного артиллерийского полка, затем – 282 Запасного стрелкового полка. Вернулся домой после дня Победы-в июне 1945 года. Было ему 25 лет.

Отец, успевший до ссылки окончить четыре класса, смог плодотворно работать в основных ведущих отраслях экономики Нижнетавдинского района. Сегодня те посты, что он занимал, могут получить только люди с высшим образованием. Особенно ярко он себя проявил на посту старшего мастера зерносушения Нижнетавдинского Заготзерно – затем хлебоприемного пункта.

Туда во время уборочной компании стекался урожай со всех колхозов и совхозов Нижнетавдинского района, в сутки приходилось обрабатывать в среднем в те годы по 7 тысяч тонн зерна. Королёв, до своей должности успев здесь поработать охранником, досконально знал весь технологический процесс – от разгрузки, сушки, подработки, чистки до отгрузки зерна. Способность Королёва исправить поломку при малейшем нарушении функционирования огромного сушильного комплекса высоко ценилась. Помню, как приходил отец, домой летом в уборочную... Уставший, садился возле стола на скамейку и... засыпал. Мама раздевала его, снимала сапоги. А утром – снова на работу. Запах сушеного августовского зерна я чувствую до сих пор. Он знал, как важно поддержать рабочих в это время, подписывал наряды по самому высокому тарифу.

Необходимо отметить сплочённость, высокую квалификацию всего коллектива хлебоприемного пункта. Здесь много воспитано людей смекалистых, трудолюбивых, формировавших крепкий сплав среднего управленческого звена региона. В поле зрения руководящего состава постоянно находились вопросы повышения культуры производства, улучшения бытовых условий работников. Пожалуй, хлебоприёмный пункт стал единственным предприятием, где была открыта библиотека. На это же производство пришёл и сын Петра Васильевича, мой старший брат, Александр Петрович Королёв, ставший впоследствии здесь главным инженером. Живёт в Нижней Тавде.

А когда Пётр Васильевич работал в Нижнетавдинской заготовительной конторе, жители сёл и деревень района ждали его с нетерпением, чтобы именно ему сдать шкуры, меха, различные виды сырья. У отца после ранения глаз немного был прикрытым, и сдачкики обычно незлобливо говорили между собой: «Вот «кривой» приедет, ему и сдадим». А секрет прост – Пётр Васильевич принимал от них сырьё по высшей категории. А чтобы рассчитывать с людьми, ещё надо было получить по доверенности деньги в бухгалтерии. Обычно накануне поездки по региону в буфете они и хранились целыми пачками. А по возвращении, ночами, Пётр Королёв составлял огромные отчёты.

Как человек ответственный, отзывчивый, помогал людям словом и делом. Не терпел унижения человеческого достоинства, лицемерия, лжи, обмана. пользовался большим авторитетом в коллективах, где ему довелось трудиться. Среди родни по линии

мамы пользовался большим уважением, все конфликты, споры разрешались им.

Королёв построил два дома, образцово вёл домашнее и приусадебное хозяйство, имел два мотоцикла, моторные лодки. Рыбаки – то они с сыном были заядлые! Первым в родне купил телевизор, радиолу, гармонь, швейную машинку, розовый абажур. По каталогу Посылторга выписывал пластинки с русскими народными песнями, романсами, современными мелодиями. Папа особенно любил песню «Враги сожгли родную хату», напоминавшую ему и войну, и ссылку. Правда он ни разу так и не допевал её до конца, уходил, волнение, его слёзы мы никогда не видели... Пётр Васильевич посадил фруктовый сад, рябину, которая и сейчас, возле родного дома по улице Тюменская, 1, олицетворяет собой неувядаемую красоту тавдинской «Швейцарии». Папа и основал эту улицу. Выросли и правнуки.

Умер Пётр Васильевич Королёв 13 февраля 2000 года. А наказ своего отца, нашего деда, прадеда и прапрадеда, Пётр Васильевич Королёв успел выполнить. Решением Ленинского районного народного суда города Тюмени от 24 января 1995 года вся его семья признана политически репрессированной и реабилитирована. В судьбе сибиряка – солдата Королёва, как в капле воды, отразились многие страницы биографий наших Победителей.

Никто не забыт и ничто не забыто.

Крым, Феодосия - Тюмень

Михаил КУЛТЫШЕВ

ИСТОРИЯ О ВОЙНЕ

рассказ

Устав вглядываться в неподвижно застывший поплавок, я спустился к воде и зачерпнул из протоки полведра на чай. Вскоре разгорелся мангал. В эмалированном ведре начала сердиться вода – закипела. Вечер обещал быть тихим, ясным.

Мой случайный знакомый – во время совместной рыбалки на Вахе выяснилось, что ещё и земляк – с Вятки, – увидев, что мои попытки поймать рыбёшку, годную для уха, не увенчались ничем достойным, предложил:

– Объединим усилия? Я со своей рыбой.

Мужчина был в годах. Высокий, в костюме спецодежды, в болотных сапогах; на голове – вязаная шапочка, больше чтоб голову не напекло. Видно, что была в нём сила. Глаз пытливый, не колкий – располагал. Голос выдавал, что не курит – зычный такой голос. С таким голосом порядок бы блюсти.

Вскоре на импровизированную столешницу из боковины катушки из-под кабеля, укреплённой на берёзовом пне, были выложены «тормозок», чашки, ложки. В предполагавшуюся для чая воду были опущены жирные, смачные караси.

– А это за знакомство, – сказал знакомец и вынул четушку спирта.

– Рыба посуху не ходит, – подхватил я.

– Константин, – протянул он руку, – Елфимов.

Я назвал себя. Выпили. Сняли ведро с мангала, поставили на перевёрнутый ящик.

– Вот этого возьмишь домой – семью угостишь, – двумя ложками земляк поддел самого большого карася и положил на чисто обструганную доску, – ну, давай угощаться будем.

Так же, двумя ложками, он достал ещё по карасю, которые были такого размера, что висели над чашкой, а не лежали в ней. Я почувствовал, что Константин рад земляку, хочет излить душу.

– Крупный карась – и кость крупная, – сказал я для того, чтобы как-то начать разговор, и только тут заметил, что левая рука Константина, точнее, её кисть, сложена не как правая – пальцы как бы выходят один из-под другого и торчат, как шипы на палице.

- Давно это у вас? – спросил, кивая на руку.
- С войны.
- А как трудитесь? Не мешает?
- Поначалу мешала, потом привык. Я же только в 1950-м демобилизовался.

- Разве не сразу после победы?
- В победу я в госпитале лежал. Потом на восток двинули – японцев выбивать из Монголии. Это долгий рассказ. Поначалу, поскольку я с лошадьми на «ты», направили меня в посёлок Вишкель, что под Кировом, в эскадрилью, но, похоже, эта война хорошо вправила кой-кому мозги, что «железные кони» лучше и огневая мощь у них сокрушительная, вот нашу группу и перебросили в Ейск, в школу младших авиаспециалистов. После её окончания я нашу армию уже догонял.

В то время наши лётчики были лучшими в воздухе, а вместе с ними и мы – наземная подготовка. Командир полка долго приглядывался ко мне. Говорит однажды:

- Константин, а примерь-ка под себя кабину «Ила».

Примерил, сижу. «Эх, – думаю, – неужели моя мечта осуществится?! Да нет, война кончается – не успею...».

Генерал будто мысли мои прочитал. Кричит:

- Червяков! – капитан подбежал, – пятнадцати дней хватит, чтобы он полетел?

- Хватит! – тот отвечает.

- Сам знаешь – Асадулин ранен. Ил простаивает. После Зелёвских высот Берлин молотить будем. Волна за волной пойдём, без передышек. Готовь.

- Есть, готовить! – отрапортовал капитан, и мне: Сам-то, Константин, готов?

- Зубы стисну, но буду готов, – отвечаю, а у самого под гимнастёркой мускулы бугрятся, волнуются, будто на борцовский ковёр выхожу. – Держитесь, сволочи!

...Взлетел и сел три раза с инструктором. Прицел и сброс бомб отработали на земле – лишнего времени не было.

Город сверху – это тебе не с высоты берёзы глядеть на соседские дворы, когда знаешь, где чей двор. Первый вылет, второй...

- Лишней территории не прихватывай в полёте – оторвёшься, отсекут. И при посадке не прыгай, как козёл, – плавней, – разбирал мои вылеты капитан.

До лета додавить гадов надо – мечтали все. Меняли аэродромы, пункты полёта к Берлину.

Однажды три «Ила» (и на одном из них наш генерал) полетели в немецкий город Финстервальде, где местная буржуазия в подарок Гитлеру построила военный аэродром с отоплением полосы, чтобы она зимой была без снега. Генерал хотел убедиться, что аэродромное хозяйство сойдётся для его полка. Аэродром этот был значительно ближе к Берлину, чем наш предыдущий, однако была разрушена система отопления, навигационная система, не работали огни взлётной полосы и т.п. Гуляем, смотрим. Совсем про безопасность забыли. Тут я как-то интуитивно почувствовал опасность. Глянул на диспетчерский пункт и вижу: что-то шевельнулось в воздухе. Я – подсечку генералу, повалил на землю, и в ту же секунду меня ударило в плечо. Я ещё раз взмахнул рукой, и теперь уже разрывная пуля «прошила» кисть руки. Наши не растерялись и «сняли» немецкого снайпера.

– Ну, спасибо, Константин, – сказал генерал, вставая с земли, – поправишься – ко мне просись.

За полёты и за спасённого генерала наградили меня орденом боевого Красного знамени. А потом... Какой я лётчик после госпиталя? Баранку-то держать мог только между большим и безымянными пальцами. И так шоферил уже до конца войны.

– Да; ты бы наполнил... – вдруг сказал Константин.

– Тогда за ваше возвращение с войны, – предложил я.

Выпили, помолчали.

– А как вы на севере-то оказались? – спрашиваю.

– Суров был мой путь на север. Война диктовала свои условия, и многие фронтовики, возвратясь домой, увидели один ужас – не только там, где требовалось восстановление захваченных территорий, но и там, где нога немцев не ступала. Навоз на поле – на носилках. Жатва и посев, по старинке, – вручную. За трудовень – водка вместо зерна. Чем жил колхозник? Тем, что сумеет вырастить на своём огороде. А займы, налоги натуральные – на яйцо, молоко?

Меня на втором после моего возвращения колхозном собрании выбрали председателем. Отнекивался, махал руками – не помогло. Выбрали.

– Ох, и влип ты, Константин, – сказала мама. – Не съедят, так посадят.

В то время репрессии сильно разгулялись. «Думай, голова, думай, – говорю себе. – Обрадуй народ хоть немного». Перевесили всё семенное зерно, четыре мешка ржи наскребли – на мельницу, и смололи. Перед выходом на работу людям выдали по 500 грамм муки, чтобы успели завариху сварить себе и детям. А то от травы, натурально, прямая кишка у некоторых вываливалась.

Два больных мерина зарезали, мясо поделили – какой-никакой взвар. Думаю, надо кур развести побольше. Капусты, турнепсу, калегу, что есть можно. Гороха. Моркови. Свёклы. В Иванов день послал всех на отведённый участок горохового поля – берите, сколь унесёте! «Только бы до жатвы дожить, а там придумаем!».

Думали правлением. Думали с Матрёной – женой мне стала, в дом ко мне вошла. Красивая, молодая, работающая. Не нарадуюсь.

Только рожь вызрела на участке, что в сторону деревни Кокоры, – я послал женщин сжать её. «Чтобы тихо», – предупредил, лишь бы не узнал уполномоченный. Так и сделали. Тайно вывезли, обмолотили. По пять килограмм на работающего получилось, где двое – по десять.

Подниматься стал колхоз. Улыбаться стали колхозники. Во мне азарт появился. Осенью уже по восемьсот грамм муки на трудодень выдал, да картошкой, да соломой, кроме водки. Водкой область снабжала изрядно. Из Уржума возили её.

Счетовода с кладовщиком сменил. Пожаловались колхозники, что воруют. Деревня приподниматься стала. Дома, пристройки под свежей соломенной крышей, нарядней смотрелись. А тут ещё сосед, однополчанин из совхоза, встретился. Разговорились. У них в совхозе дранку дерут – станок есть такой: лошадь ходит по кругу, подросток или парень её погоняет, на выходе круг и две дощечки семидесятисантиметровые получают. Пришлось одного бычка продать, чтобы купить в Слободском этот станок. Зато, думаю, потом будем крыть избы деревом.

Поехал в Зуевку покупать жнейку, что комплектовала сноп – потом его только вяжи и ставь «бабки»...

Константин прервался, помолчал.

– Разлей-ка остатки, – вдруг предложил он, – сейчас о грустном.

...Через три дня вернулся с жаткой и... увидел на месте своей избы пепелище.

– Где Матрёна?! – бросился к матери, почерневшей от горя.

– В больнице. Обгорела она сильно. Без сознания увезли в Мухино, – не вставая со скамейки, обречённо сказала мама.

Я – туда... На пятый день после возвращения из Зуевки стало у меня два горя – жена умерла от ожогов (какое тогда лекарство было – мазь Вишневского!), а вслед за ней ушла мама.

Константин прослезился. Потом взял себя в руки и продолжил:

– Семён (это заместитель мой был, мужик на костыле), – говорю, – принимай колхоз. Я здесь оставаться не могу. Принципиально не могу.

– Арестуют за самовольный уход из колхоза, – Семён говорит.

– Не найдут. Да и искать не будут. Так что прощай...

Обнялись, и с горечью на душе и справкой, что написал Семён, в кармане вечером вышел я на дорогу в Ардаши, а там, на Екатерининский тракт. Поработал чуток в Медведках, а потом наткнулся на объявление в газете: «Управление геологической разведки для работы в Западной Сибири приглашает разнорабочих». Вот, считай, с 1955 года я в этих краях. Шяимское, Урайское, Мегионское месторождение. В посёлке Мегион перешёл к электромонтажникам, что тянули на север провода с Урала. И по сей день с ними. На пенсии уже, но не просят уволиться. А мне этого и надо – хотя бы общаюсь с кем-то. Один раз, правда, использовал отпуск – съездил в Рябово могилки жены и матери подправил и мраморные памятники поставил... А ты молодец – умеешь слушать. Может, ещё свидимся когда.

Константин засобирался. Я тоже собрался, завернул караса в газету и как полено понёс под мышкой. Проснулись комары. Запели лягушки. Сгущался вечер.

ХМАО-Югра, г. Нижневартовск

Любовь НЕРЯХИНА/Любовь СОКОЛ

ВОЙНА

рассказ-быль

- Костенька! Костя! Плохо мне... надо в больницу...

- Уже?

- Да, уже, пора... Вставай, родной, шибко мне плохо... боюсь не доехать...

- Доедем, доедем, родная... Сейчас я, скоро... - Натянул штаны, пиджак – и вон из дома, лошадь искать. Да и что её искать - в соседях лошадь. А сосед не откажет - хороший мужик, да и понимает, что к чему.

Успели. Вовремя. Полчаса не прошло, дитя родилось. Девочка. Татьяна еле живая после родов, - а своё.

- Муж там ждёт... Скажите ему, что дочка... пусть порадует - одну-то уж мы с ним потеряли, и вот, - опять дочка...

- Скажем, скажем, а как же, порадуем отца. А про дочку знаем, касатушка... И про сыночка – тоже. Городок-то махонький – всё про всех знаем...

И про сыночка знают. Сжалось сердце - и про сыночка помнят... О, Боже! А ей уж страшно. Доченька! Нет! Хотя ты живи! Радуй нас с отцом...

В лихую годину родилась девочка. Только открыла глазки, улыбнулась себе – и тут же горе, тут же боль – в тот же день, в столь радостный для них день, и, считай, в тот же час, началась война. Всё перевернула с ног на голову, всех вывернула наизнанку. Одно слово «война» – и то страшно. А как пережить? как выстоять эту войну? Вот так, сразу, отречься, отойти от того, чем жил эти годы? От того, с кем жил, о ком заботился? кого жалел? кто подарил тебе такую радость – после боли, обиды, слёз, после двух умерших детей...

Жить бы да жить... А не дают жить, перекрыли жизнь. Проклятая война! Гонит отцов от детей, гонит мужей от жён, сыновей гонит от матерей. Нет, не гонит – сами идут. Не усидеть мужику дома – когда такое дело, не спрячешься за юбку – коль враг прёт и прёт – с первого дня, проклятый, прёт! Он-то подготовлен, он от крови да от боли озверел – уж пол-Европы под ним, а всё мало – не насытился ещё, не набил своё брюхо. А тут: подготовлен,

не подготовлен, вставай! иди, мужик! На святое дело идёшь, на защиту Отчизны!

Только это оправдывает уход, только это подстёгивает мужика – за Родину биться идёт, за родных, любимых своих. Распрямляет плечи мужик, а в глазах слеза, старается быть твёрдым, а в глазах слеза, и сколько ещё слёз будет – за всю-то войну? – мужицких, вьедливых слёз...

Косте же особо тяжело. Жена в роддоме. Дочурка родилась. А вот она, повестка – «Явиться на сборный пункт» – уже сегодня явиться! И даже проститься не дают, дитя увидеть не дают. На минуточку не отпускают жену – нельзя вставать, очень слаба. Нет, он понимает – конечно, слаба, – но ему-то как? ему-то как, а? – уезжать – не простившись, не увидев дитя – которого так ждал, за которого молился... Неужто не поймут – ведь люди ж они, люди!

Не дали проститься. Даже записку не отдали жене. А ведь он просил в ней, умолял – «Подойди к окну! хоть на секунду подойди!» Не подошла. А как он ждал... Может, действительно, так надо, может, действительно, очень слаба, – но как же тяжело ему, невыносимо тяжело... Не знает жена, что сегодня, уже сегодня он уезжает... Нет, пока не на фронт – в Челябинск, на подготовку. Но ведь из дома-то он уезжает! И, кто знает, – насколько. И некому проводить, слово сказать некому. А это ж так тяжело, так больно, – не один же он, семья у него, и в такую минуту, может, самую тяжёлую минуту в жизни, остался один.

И он один, и она одна... – Спыхватился. – Нет, она не одна, да и он не один, – доченька есть у них, комочек родной – только ради неё готов вынести эту муку, и вынесет – не только эту...

Записку Тане отдали через день. Муж в это время был уже на месте – две недели им дали на подготовку, а там – на фронт.

И вот в Усть-Катав из части пришла общая телеграмма. Короткие слова: «Все, кто желает проститься с фронтовиками, приезжайте в Кропачёво. Время прибытия поезда 15:00 Москвы». В Усть-Катаве поезда не останавливались, а Кропачёво – узловая станция, там меняются бригады, и поезда стоят обычно минут двадцать – тридцать.

Таня стала собираться в дорогу.

– Хоть ребёнка не трогай! Да и сама слаба! – уговаривали сёстры. А она – нет и нет! я должна ехать! Я должна увидеть его! Я должна показать ему дочку – ведь он ещё не видел её! – И никак её не уговорить – должна, и всё тут!

Поехали с подругой – тоже солдаткой. И уже вскоре Таня пожалела о том, что не послушалась сестёр – ведь они так уговаривали её не брать малышку. В дороге их настиг ливень, и, несмотря на июль, страшенно холодный, просто ледяной. И ничего нет, чтоб укрыть дитя – защитит, спасти от этой напасти. Малышка промокла насквозь – хоть кутали её, чем только могли. Да что эти тряпки – против ненасытного дождя? Стала замерзать, скулила, и ничем не успокоить её. «Родная! Родная моя!» – тянет малышку к груди, нет, не берёт сосок! Баюкает, прижимает к себе – отогреть, хоть чуть-чуть отогреть! – а дороге конца – края нет. Разрывается сердце от муки. И всё это врачи! Не дали увидеться... Хотя бы дитя показали отцу – и сейчас бы она ехала одна и не казнила б, не мучила себя... Терзает сердце боль – и всё равно не надо было тащить! Не надо! Стонет, заходится сердце – бедное дитя, крошечка моя! И, ещё больнее – да откуда ж знать, что обрушится эта напасть? – ведь было так ясно и тепло...

Сжимает кулаки, слёз уже нет – только зло. «Всё это ты, проклятая война! Откуда ты пришла? Кто тебя звал? Кто? Кто?! – Роняет в бессилии руки. – Война... Вот она – напасть, от которой нет избавленья... Что ругать дождь – дождь пройдёт, пусть самый холодный – он пройдёт... А война... она только ещё началась... Разве б потащила дитя из дому – если б не война? Нет! А сейчас ташу, ташу, ташу! О, Господи, дай же мне сил! Пожалей нас, Господи! Дитя моё пожалей! – И опять - зачем же я её взяла...?»

Вернуться назад? – вернуться! вернуться! – пока не отъехали далеко. Оглянулась – нет, уже далеко! Не успеть! Если вернуться – не успеть! Но что делать? Что?! Там – Костя, тут – дитя, и обоих жалко до смерти... Только представила: Костя ищет её, а её нет... И сразу – нет! Не могу! Я должна ехать к нему! Мы должны ехать, доченька, слышишь!? Ещё сильнее прижала – прости, доченька! прости!

Уж и не чаяла довести малышку живой. И когда силы её кончились, страшный стон вырвался из груди: за что? за что, Господи?! – сжалилось небо. Прекратился дождь, и так ясно сразу: солнышко, ласковое, жаркое! Грейся, грейся, только не шуми!

Как же много значит солнце в такую минуту. Нет его – и жизни будто нет, это ненастье, эти тучи, а тут – птички заливаются-свистят, от одежды тёплый парок – ласкает солнышко, баюкает страшные мысли. Просит: отдохни! отдохни! – твоё всё впереди.

Быстро распеленала дочурку – вон, завозилась, тоже почувяла солнышко. Раскидала по телеге пелёнки, а дитя на руки – к солнышку: отогрей! отогрей, родимое! я должна привести её отцу живой и здоровой! Держит на руках дитя, а от тельца парок – отогревается малышка, а вот потянулась, застонала, на миг открыла глазки. О, Боже, моё дитя! Оживает моё дитя! А ей и раздеваться не надо – лёгонькое платьишко высохло вмиг, а вот и тело начало оживать – опять, слава Богу! – стынуть ей ни к чему!

Только сердце не отогреть – лихо ему, лихо – как окутало страхом в тот первый день, так до сих пор не отпускает. А сейчас к страху прибавилась боль – нестерпимая, мнёт, гнёт её боль, захватывает сердце, пеленает душу. И эта тягучая тоска – взвыть во весь голос – и взвыла б, а что это даст? поможет ли? – нет, не поможет. Вот и не надо – не растерять себя, не сломиться – к мужу едет она, а ему ох как тяжело. Нет, она приедет не сломленной, не раздавленной – это всё будет потом: и слёзы, и боль, сейчас же – крепиться! крепиться! крепиться! Если я буду сильной, а он почувствует эту силу, не может не почувствовать – ему легче будет уходить... и там будет легче, ей Богу, легче. Ему нужна твёрдость, сила ему нужна, и какая сила! – чтоб сразиться с этим чудищем, чтоб выстоять войну. Им, родимым, всем сила нужна...

Но как же ей тяжело. Вот он, Костенька, пред глазами – самый родной человек, с кем делила радость и горе – и того и другого им было вдосталь! – и с кем приходится расстаться. Расстаться... О, Костенька, какая ж минута нам предстоит... невыносимая минута! Как пережить эту минуту? как? – если сейчас невоготу? если сейчас... нет, не могу, не могу я...

Одно утешенье – отогрелась малышка, зачмокала губёнками. Прислонила к груди – сосёт! сосёт, родная! – значит, будет жить! – И тут же. – А разве есть что-то более существенное в это время? – нет, и за это благодарю Господа. Свою дочь здоровой увидит отец. Соси, соси, деточка, молочко, крепни, наливайся. Нам теперь ох как силы нужны! И какие силы! Прижимает к груди малышку, а душа стонет, стоном стонет душа – ещё только началось, а уж страшно, – а что их ждёт впереди? – её, эту малютку, Костеньку?

Костенька! Заслонила б тебя, не отдала, – а как? как не отдать? и куда не отдать? Нет, ты уже не наш – ты нужен там. Знать, такая доля твоя, Костенька мой, – защищать нас. – Ещё сильней прижала дочурку к себе. Будто у неё силы брала и заслоняла её. За себя страшно, за мужа страшно, – а она... эта кроха... Что будет с нею? выдюжит ли? – когда им и то не по силам...

заслоняла её. За себя страшно, за мужа страшно, – а она... эта кроха... Что будет с нею? выдюжит ли? – когда им и то не по силам...

Напарница перебила её мысли.

- Уж начала жалеть, что не взяла ребят. А уж как они просились. Вон, ты такую кроху не побоялась взять. – А ведь только что жалела, сетовала – зачем было брать такое малое дитя? А тут.

Встрепенулась Танина душа, гордость – материнская, женская – приподняли её. Конечно же, права, что взяла малышку. Ведь как он будет рад, Костенька мой! Я должна была её взять – это вещало сердце. А записка, что написал муж. В ней – мука, обида – ведь не позволили увидеть дитя. Но это же чужие люди! Чужие не позволили! А как она, жена, не позволит? Как?! Нельзя лишать отца такого подарка! Никак нельзя!

Напарнице же ответила.

- Твоих детей видел отец. Да и суматоха там будет страшная – слово б сказать да передать что. Мне ж сам Господь велел везти дитя – отец должен увидеть её. Не на прогулку ведь едет – на войну. Да он в первую очередь ждёт её!

- Ты права – он в первую очередь ждёт её. Вон, и пелёночки высохли, да и малышка порозовела, слава Богу, а то уж я перепугалась за неё.

Ты перепугалась. А как перепугалась я! И сейчас ещё не отошла. И в душе, может, ругаю себя – ведь подвергаю дитя такой муке. Но как же не взять её? Если отец не видел свою дочь? Нет, она едет с дочкой! Она везёт отцу дитя!

А вот и Кропачёво. Приехали. Но, оказалось, рано, до поезда целый час. Дождь подогнал – всю дорогу, считай, рысью. И как томительны эти минуты – одна томительна, одну надо пережить, а тут – целый час, и сколько же в нём страшно долгих минут. И некуда себя деть – от боли, от дум безысходных. А ведь было настроила себя. И гордость появилась. А что гордость? К чему она? – если так лихо...

А может, всё это сон? Тяжёлый, кошмарный сон? Скинуть его с себя, стряхнуть – и очутиться в прежней жизни, простой, но такой счастливой, даже с их горем счастливой! Что это горе – в сравнении с тем, что их ждёт? Страшно даже подумать – к чему они идут? И не спрятаться, не скрыться...

Заухало сердце. Костенька! Костя мой! Неужто ж расставанье нам? Неужто ж не увижу тебя боле... Ой, что это я! Нет! Нет! Боже, нет! Что это я? – А душе уж страшно – опять этот страх, полонил

душу. Но, нет! нет! Только не это! Нет, Господи! Нет! Всё переживу, всё перемогу, только не это... - Воздела руки к небу. Застонала. О, Господи, спаси его! Спаси и защити! Ради доченьки защити!

- Танюшка, что ты?

- А? О, Боже! Как страшно! – Заледенели руки - в жару заледенели! Холодно сердцу, сжимается в комок. И только шепчет-молит.- Костенька мой! Костенька! Роденький мой! – Нет для неё никого, не тревожьте её – душа её улетела давно – за Костенькой улетела душа. Кружит над ним, окутывает, пеленает, заговаривает: от бед и напастей, от скорбей – печалей, от напрасной смерти. А вот проникла в его душу – ох, как тяжело его душе! как тяжело! - гладит, гладит его душу, бодрит. Готовит к встрече, успокаивает – тут твои! тут! – ждут твои! ждут!

Какая тяжеленная минута! Для всех, кто съехался сюда. А сколько ж тут народу... Со всех окрестных сёл, деревень – русских, башкирских... И сколько ж тут муки! Плачут измученные дети, клянут войну старики, а женщины – вроде и не видят ничего. Взгляды у всех – туда, откуда вот-вот покажется поезд. Серые лица войны. И это только начало... начало... И , кто знает, сколько продлится этот ужас ? кто знает...

Объявили поезд. Танюшка рванула с места – туда! там Костя! – и как вкопанная стала. Рёв, стоны, крики, все бегут – огромная толпа бегущих людей – они сомнут ребёнка! они раздавят его! А сердце просится туда – вон, уж поезд подошёл, открыли тамбур... Уходит сердце, сердце уходит – найдёт ли он нас? в этом аду? «Костя! Костя!» – нечеловеческий крик. – Но где же он? – Страх хватает за горло. – Где же он?! – Глаза пронизывают толпу, а вот поверх голов – и рыщут, рыщут.

- «Костя! Костенька! Где ты, родной?!» – немеют руки, не держат ребёнка. - О, Боже! где же он? где?! - Ринулась – туда! сюда! Нет, не пробиться! Ревёт, стонет толпа, ад, да и только, - сердце вот-вот задохнётся, а ноги не держат уже...

- Да пропустите же! Танюшка! Родная! - Это ж Костя! - Костя! Костенька! Где ты?! – Ринулась – растолкать! – а он вот – выдрался, и прямо к ней. – Родная! – Подхватил, сжал в объятьях, крепко-крепко, и только шепчет. – Родная! Родная моя! – А она. – Костя! Костенька! Костенька мой! Родной! – Но вот ослабил объятья, а она. - Вот дочка твоя!

- Дочка! Доченька! - И как же бережно он взял ребёнка - бережно и нежно, прижал к груди - и застыл... Боится пошевелиться, боится вздохнуть - так сладка эта минута, так желанна. И только шепчет.- Доченька! Доченька моя! - А глаза стонут, а глаза плачут - так сладка эта минута и так невыносима. Откинул простынку - пощупывает малышка у отца на руках. - Боже! Моё дитя! Моё дитя! - наклонился, поцеловал - в тёплый, мягонький лобик. Любовью горят глаза, гордость в глазах отца.

- Спасибо! Спасибо, родная! - Сильнее прижал дитя - вжать в себя готов, вобрать. Аж испугалась Танюшка - не раздавил бы... не раздавил бы дитя! Но вот отнял одну руку, обнял жену. И так же прижал, крепко- крепко. - Береги её! И себя береги, родная! - Отстранился на миг, глядит в глаза, на малышку глядит. А Таня - ему:

- За нас не переживай! У нас всё хорошо! Себя береги! Помни, у нас, кроме тебя, никого нет. Никого! Да хранит тебя Господь! - Кивнула на мешок. - Там сало, хлеб, тёплые вещи...

- Потом! - Сгробастал опять, тесно прижал - другой рукой прижимает дитя - и невозможно разорвать эти объятия, как невозможно растащить этих людей. Но вот опомнилась Таня.

- Костенька, поешь! Поешь, родимый! - А он опять. - Потом!

- И - Как жить-то будете? Как ты с дитём? Куда?

- Я уже говорила с сёстрами. На завод пойду. Вот немного оклемаюсь и пойду.

- А возьмут?

- Возьмут. Мужиков-то забирают - каждый день, считай, повестки. А кто-то же должен за них работать. Там и карточки, слышала, продуктовые ввели - так что с голоду не помрём. И за дочурку не бойся - сёстры рядом, по сменам будем работать. И до завода рукой подать - буду бегать кормить. - Вздохнула, глядит в глаза. - Я уже сказала - за нас не бойся, завод нам пропасть не даст. Да и фронт от нас далеко. Себя береги, о себе думай - ты будешь цел, и мы целы будем. Да почаще пиши, по возможности, конечно.

- Писать буду. Много не обещаю...

- А много и не надо. Жив - здоров, это главное. И я буду писать, обо всём.

- Обязательно пиши. Как растёт дочка, как вы тут - мне всё- всё надо знать. - А как дышит тяжело, как боится прощания. Ещё теснее прижал, а комочек шевельнулся в руках - проснулась доченька. - Радость моя! - Склонился - глядит, глядит солнышко его! А глаза синие-синие - мамкины глаза! - Господи, как я рад! как

всё вовремя-то! Не одна ты. Не одну оставляю... А приеду... -
Вздыхнул...

- Приедешь! Обязательно приедешь, родной! Ведь мы так тебя будем ждать! – Да все теснее жмётся, ластится. – Ты ж всегда будешь с нами – и ночью, и днём! Родной наш! Мы ж так любим тебя!

- А уж как я вас люблю... А ведь раньше и не думал об этом... Вот что значит разлука...

- Не надо, родной. Всё будет хорошо! – А глаза не могут отлипнуть, а ноги не держат – сейчас он уйдёт! сейчас он уйдёт! О, Боже, дай сил! Дай сил, Господи!

...Свист поезда прорезал тишину. А вот и крики – «По вагонам! по вагонам!». И нет сил у Тани – дай силы ей, Господи! А Костя ещё крепче обнял – обеих враз, крепко целует жену, а в глазах дрожит слеза, а руки дрожат. Передаёт ей дитя – бережно, нежно. – Береги! Береги! – А голос дрожит, а руки дрожат. Ещё раз целует – быстро, жадно. – Боже, как же стонет душа! – И себя береги! Слышишь, береги себя! – И побежал. И, уже на ходу, обернувшись на миг. – Жди меня! Танюшка, жди! – А она:

- Я буду ждать, Костенька! Мы будем ждать! Береги себя! Береги себя, родной! – Уходит, уходит её Костя... ушёл...

Рванулась и замерла. Некуда бежать. Ушёл Костя, ушёл...И все куда-то бегут, спешат, и этот рёв, эти стоны, крики – будто пчелиный рой... Нет больше сил – замёрзла, знобит... А живая ли она? живая ли? Туман, туман в глазах, в голове туман – плывёт куда-то, слабеют ноги – упасть бы, провалиться... Но вот.

- Костя! Костенька! Что ж это? Что ж это, а? – Зашарила взглядом – сквозь туман, сквозь боль – как же она отпустила его? как отдала? Крик вырвался из души. - Костя! Костенька! Да как же я без тебя?! – Метнулась взглядом к платформе – пусто! - А взгляд уже дальше. - О, Боже!- последний вагон скрывался за поворотом. - Что это я?! как это я?! - Быстрым нервным движением перекрестила уходящий поезд. – Храни вас! Храни вас, Господь! - А душа выкрикнула стоном. - Костенька! Костенька мой!

Трясёт на ухабах телегу, и Таня то вздрагивает, то проваливается, ухаает в яму. Очнётся на миг – Боже, где я? – и опять наваливается пустота, и этот ватный туман... Но вот вроде отошла, вздохнула тяжко.

- Костенька! Костенька мой! – Боже, как стонет душа, мукой исходит сердце. И опять. - Костенька! Костенька! - Завозилась малышка.

- Родная моя, папка уехал... Уехал наш папка... О, Боже, нет сил... - Улыбнулась сквозь силу. – Как он глядел на неё, как он её ласкал, как прижимал к себе – кровиночку свою... Боже ж, ему ещё тяжелее, ему несказанно тяжелее... - Прижала малышку покрепче. - Родная, родная моя, наш папка уехал...

Нескончаемая дорога. Трясёт и трясёт – кочка за кочкой, и почти темно... Боже, я отдала ему мешок? Ой, отдала... отдала... А он даже не поел... времени было жаль... И кисет не посмотрел – ничего, там посмотрит, порадуется – простой кисет, вышит с любовью... И махорочки положила... - И опять провалилась в пустоту...

Что это? Крик? Какой-то крик – или писк? Откуда он? И так ноют руки. Всё тело ноет, а руки – просто нет сил. Будто пудовый камень на них... Очнулась, открыла глаза – и вздрогнула: ещё б секунда, и свёрток выскользнул бы из рук...О Боже, я забыла о ребёнке! я забыла о ней! Так вот откуда этот крик – дитя моё плачет, исходит криком. Я ж не кормила её! Кое-как расстегнула пуговицы – руки не слушались совсем, приложила малышку к груди – и она потянулась, жадно схватила сосок, стала сосать. Захлёбывается - так проголодалась.

- Доченька, прости! Прости, родная! – Но что это? Отчего так горячо? - Боже, да у неё жар! – Стало страшно. – Погоняй! погоняй!- И ещё страшней: ведь думала – обошлось, думала – миновала беда, ан нет, не миновала... И эта нескончаемая дорога...

Боже, что она пережила! Конца-края не было мукам. А ведь надеялась – отойдёт малышка, окрепнет. Вот, приеду, де, домой, отогрею, отхожу её. Не отходила. Хуже и хуже малышке.

Уж и в больнице лежали – нет, толку нет, - ничего не помогает. Шишки гнойные по головке пошли, а тут – и по телу, и нет им конца. И нет конца мукам матери. Дочурка! Что ж ты так? что ж мучаешь меня? заставляешь себя винить? Встань, встань, родная! не пугай меня, не надо! – а малышке хуже и хуже...

Боже ж, неужто и это я должна перенести? Третье дитя... Третье, Господи! Сыночек – Вовочка, доченька – Валечка, и эта Валечка... О, Боже, может, не надо было так называть? тем же именем? Но ведь хоть имя хотелось оставить... хоть имечко... И эта Валечка уходит – Боже ж, дай мне сил...

Костя стал перед глазами. И снова. – Ведь я клялась, я клялась мужу, что сберегу дитя. И вот... - Задохнулось сердце. - Нет, не хочу! Не могу! Она должна жить! Доченька! родная! ты должна жить! Ведь я обещала отцу... Ведь я обещала... - Гладит тёпленькое тельце. Крошечный комочек - где ж ей силы взять? где?! Если она только родилась - и такое? Если ещё силы не набрала - а её в дорогу? – в страшную дорогу войны. Да и от кого силы брать? – от обезумевшей от горя матери? От отца - в чьём сердце одна боль да тоска? И всё равно молит – спаси её, Боже! Спаси! Не дай погибнуть дочурке нашей!

Нет, не слышит Господь. Устал от мольбы – все только просят и просят: укрой! защити! – а как? всех-то укрыть? – невозможно ж это!

Угасла малышка. Ушла. Не смогла мать уберечь дитя. И врачи не смогли. В лихую годину пришла она в свет. В лихую годину ушла. Зажглась ясной звёздочкой – и тут же погасла. Слишком тяжёл мир, слишком много боли. Для взрослых – много, а как выдержать ей? такой слабой? Да никак...

И в Тане умерла душа. Кое-как доползла до дома, ухнула на кровать – и застыла... Нет её, ни для кого нет... А ведь всё верила, надеялась – сквозь боль, тоску надеялась на чудо... И опять одна... одна... в пустом мире... в страшном мире войны... Страшная пустота, страшная пугающая пустота... ни боли, ни крика – только звон в ушах... и этот туман, туман – обволакивает, опутывает, пеленает – как дитя пеленает, обволакивает дрёмой...

Сколько лежала – не знает. Сёстры приходили – смотрели, качали головами – и уходили. Не достучаться сейчас до неё, да и не надо, - пусть отдохнёт - ведь словно тень - саму в пору в могилу... Трое детей – за четыре года. Но те, старшие, хоть пожилы. Сынишка – полтора года, дочурка – полгода. Те хоть могли сопротивляться болезни, - а эта? Ведь только что родилась... Но как же страшно. Им страшно. Им неведомо. Разрывает сердца. А Танюшке? - как выдержать ей? Как снести эту муку? Муку такую...

Очнулась Татьяна. И – колом в горле: как я мужу скажу? Как?! Как написать ему, что потеряла дочь, не уберегла? - И зарычала – как волчица. - Костенька! Прости меня! Прости! Я не уберегла наше дитя, я её не уберегла... - Воеет, стонет мать, исходит криком.

Только представит: муж читает письмо – долгожданное, но такое страшное, - как же больно будет ему... как больно... Он жил этим дитём – радовался как, любовался, - а вот нет её, нет доченьки твоей, Костенька мой...

Но и не писать не могла. Надо, надо написать, – он отец, он должен знать... Но как же тяжела эта ноша, как же она тяжела – ему итак нелегко, а тут ещё это...

Зло родилось в сердце, страшное зло. – Всё это ты, война! Ты! Ты! – Боль вонзилась в сердце. – Если ты сразу, с первого дня – такая, - что ж дальше-то ждать? Что?! Вон они, полчища, - идут и идут... - И ещё больше зла - душит сердце зло, задыхается душа. - Как же я ненавижу вас, изверги! как же я ненавижу войну! - И ещё резче, злее. – НЕ - НА- ВИ - ЖУ! ПРОКЛИНАЮ! ВСЕ ВОЙНЫ – ИСЧАДИЯ АДА! - РАЗЛУЧАЮЩИЕ МАТЕРЕЙ С ДЕТЬМИ, ОТРЫВАЮЩИЕ МУЖЕЙ ОТ ЖЁН, ЖЕНИХОВ ОТ НЕВЕСТ, - ЛЮБИМЫХ РАЗЛУЧАЮЩИЕ, ЛЮБИМЫХ ОТНИМАЮЩИЕ, - САМОЕ ДОРОГОЕ, БЕСЦЕННОЕ САМОЕ - БЕЗ ЧЕГО ЖИТЬ НЕЛЬЗЯ! БЕЗ ЧЕГО НЕВОЗМОЖНО ЖИТЬ... - К Гитлеру.- НЕТ, ТЫ НЕ ЧЕЛОВЕК! ТЫ - САТАНА В ОБЛИКЕ ЧЕЛОВЕКА! ТЫ – САМ САТАНА! КРУШИШЬ, КРУШИШЬ – ДЕРЕВНЮ ЗА ДЕРЕВНЕЙ, ГОРОД ЗА ГОРОДОМ, И КРОШИШЬ, КРОШИШЬ – НЕВИННЫЕ ДУШИ... МЛАДЕНЦЕВ НЕВИННЫХ КРОШЕШЬ... И дальше – НО БОГ СИЛЬНЕЕ! СЛЫШИШЬ, - ОН СИЛЬНЕЕ! В СТО, В ТЫСЯЧУ КРАТ! И БОГ ПОБЕДИТ! НЕ ДАСТ СЫНОВЕЙ СВОИХ В ОБИДУ, РОССИЮ – МАТУШКУ, ГОРЕМЫЧНИЦУ НАШУ, В ОБИДУ НЕ ДАСТ!

– Вдохнула, умылась слезою. Гордостью напилась.- НАШ НАРОД НЕ ПОБЕДИТЬ! ВСТАНЕТ РОССИЯ! ДИТЯ МОЁ – ТОМУ ПОРУКОЙ... БЕЗВИННОЕ, - ОНО ОТДАЛО ЖИЗНЬ ЗА ВЕЛИЧИЕ РОССИИ, ЗА ВЕЛИЧИЕ НАРОДА НАШЕГО, ЗА КОСТЕНЬКУ МОЕГО...

Опять вздохнула. А душа уж упорхнула - к Костеньке понеслась - поддержки надо душе, - ведь так тяжело ей, ведь так тяжело. Вот и говорит с Костенькой, да утверждает своё. - А дети у нас ещё будут. Будут, чувствую это, послевоенные, сильные, жадные до жизни. Война их сделает сильными - через меня, через отца, хлебнувшего бой - неустрашимого, непобедимого - как и весь русский народ. Те дети будут счастливее нас. Будут же, будут, Господи?! Должны быть счастливее... должны...

Взгляд стал более осмысленным, более сильным. – Сейчас не буду писать, не могу. Недельки через две напишу. Пусть хоть эти

Взгляд стал более осмысленным, более сильным. – Сейчас не буду писать, не могу. Недельки через две напишу. Пусть хоть эти две недельки побудет Костенька отцом. А мне на завод надо. Вон уж приходили, справлялись о здоровье. Завод переходит на выпуск пушек. Вот и я буду сражаться. Вместе с Костенькой, вместе с народом. Вместе-то одолеем беду. Вместе-то... одолеем...

Сколько ж перенесли вы, родные! Сколько ж вы вынесли! Этот рассказ - о моих родителях, о людях, что пережили войну.

Моим родителям ещё повезло. Пусть раненым, пусть инвалидом, - но мой отец вернулся домой. Сбылись мамини предчувствия - были у них ещё дети. Послевоенные. Трое нас было. Здоровые и сильные. Хоть и выпила силушки война у отца с матерью - да злости добавила, гордости плеснула в их сердца - хотя гордость итак в крови у народа русского, - но эта гордость особая, послевоенная. Ведь выстояли ту войну, на плечах своих вынесли, ведь не сдались...

И жить нам досталось - и за себя, и за тех, - довоенных.

*Тюменская область,
Нефтеюганский район,
п. Салым, 2005*

Светлана ТИТОВА/Светлана СВЕТЛАЯ

ВЫПУСК 1941 ГОДА

рассказ

*Дню памяти и скорби – дню начала
Великой Отечественной войны, посвящается*

Станица уже мирно отдыхала, когда 21 июня 1941 года, в замечательный солнечный и воскресный день, подходили к концу торжественная и банкетная части волшебного выпускного вечера в первой школе. Высыпав на улицу, вчерашние школьники, весело смеясь и толкаясь шумными стайками, разбежались в разные стороны.

Сергей, как обычно, возвращался домой вдоль реки, задыхаясь одновременно от свежести речного запаха и ликующего восторга юности, он пытался осознать свершившийся факт наступления своей взрослой жизни. Сергей шёл из школы привычным спортивным шагом, но вдруг прибавил скорость, а потом побежал всё быстрее, когда увидел под раскидистой ивой - у давно излюбленного места долгих счастливых свиданий, терпеливо ожидающую нежную белокурую первую и настоящую свою любовь. Леночка! Как хорошо, как удивительно и прекрасно, что ты сегодня со мною!

Сергей с разбегу и с размахом зажёб сильными руками тоненький стан девушки и, схватив в охапку, покружил невесомый стебелек, словно пушинку в воздухе, надёжно спрятав сокровище в нежных своих объятиях, крепко прижав к груди, слушал, как учащенно и бешено – громко забилось, застучало, зазвенело, словно вырываясь наружу от безмерного восторга, его взбудораженное незабываемой радостью сердце. Сергей жадно втянул в себя с раннего детства знакомые запахи, исходящие теперь от любимой: запах свежееиспеченного в русской печи круглого румяного хлеба, веяние утреннего парного молока и неповторимо – родной аромат шёлковых завитков из овсяных волос любимой. Сегодня Сергей особенно чувственно и взахлёб целовал лепестки нежных губ девушки, наслаждаясь вкусами яблочного сока, сладкой малины и вяжущей черемухи, которые медленно растекались внутри, постепенно заполняя организм: здоровые сильные лёгкие, звенящие восторгом вены,

пульсирующие сердечные мышцы безграничным пониманием счастья. От прилива непонятных, но чудодейственных сил, не переставая, кружилась голова.

Влюблённые присели на длинное, вросшее в прибрежный песок бревно, лениво растянувшееся вдоль полноводной реки, мечтательно смотрели на убегающие в дальнюю даль бесконечные и торопливые волны, с привычным трепетом ожидая торжественный восход величественного солнца, степенно поднимающегося над щедрою матушкой – землёю ранним июньским утром. Река, насколько глазу было видно, обильно разлилась вокруг, обняв плавным полукругом селение, изогнувшись вокруг, словно подкова, что висит над парадной дверью в каждом деревенском доме. Влюблённые продолжали неподвижно сидеть, как заколдованные на берегу стремительно убегающей и также непрерывно прибывающей полноводной реки, тесно прижавшись друг к другу и солидарно – торжественно молчали, держась за руки.

Звенящая тишина вдруг наступила перед новым, едва-едва зарождающимся рассветом, а вместе с нею в щемящем, неожиданно тревожном ожидании, вдруг больно, даже тяжело, так, словно заболели все зубы сразу, заныли сердца влюблённых, они удивленно переглянулись. Кроваво-красный шар воспалённого солнца тяжело поднимался над миром. На минуту показалось, словно вот-вот и непременно, прямо здесь и сейчас, случится нечто неожиданное, нечто особенно жуткое или дикое, способное в одночасье перевернуть всё: землю, речку, деревья, уютные дома и сладко спящих под лёгкими пуховыми одеялами маленьких жителей мирной станицы...

Но солнце потихоньку, как будто задумавшись над одному только ему – солнцу известными вопросами, вселенскими истинами и мировыми проблемами, стало медленно подниматься над рекою, освещая новорожденный день планеты воспалёнными, огненно-бордовыми лучами. Вместе с наступившим солнечным утром 22 июня 1941 года у здания администрации собрались сельчане.

Громкий голос Левитана повторно сообщал о том, что сегодня утром без объявления войны фашистская Германия вероломно напала на Советский Союз...

Неподалеку от конторы выстроилась колонна машин, отбывающих из родного села прямо на линию фронта. Военком громко и по списку вызывал вчерашних выпускников школы

номер один, 1923 года рождения. На построение выходили молодые люди с серьёзными лицами в одночасье повзрослевших мужчин. Женщины – матери вдруг неожиданно громко и одновременно закричали, заскулили, завывали и заплакали, увидев своих мальчиков в военном строю, кто-то упал, потеряв сознание, началась суета. Елена, не стесняясь посторонних взглядов, подошла к Сергею, положила на его сильные плечи свои тонкие руки и поцеловала в губы:

- Ждать буду верно, Сережа, - громко пообещала она.

- Вернусь через два месяца, Леночка, - улыбнувшись, уверенно шепнул Сергей.

Сережа часто писал любимой Леночке. А когда моей маме исполнилось три годика, бабушке Лене почтальон вручила фронтовой треугольник письма, в котором сообщалось о геройски погибшем рядовом...

Никто из присутствующих сельчан ещё не знал, что в то роковое утро, 22 июня 1941 года, 80 лет тому назад, случилось не только прощание выпускников с детством, с мамой и любимой девушкой. В то утро выпускники навсегда расставались с мирной жизнью. В трагический день 22 июня сельские мальчики ушли защитить свою любимую Родину, родимую маму и единственную девушку, но больше домой не вернулись.

Из всех выпускников школ 1941 года по всему Союзу Советских Социалистических Республик только трое мужчин 1923 года рождения смогли дожить до 50 лет.

Вечная память солдатам – героям великой страны – нашим отцам, дедам и прадедам, защитившим для всех людей Земли мир на чудесной планете.

ПОЛЕНО

рассказ

Каждое утро своего короткого детства я жил наедине со всем миром и с моим любимым отцом. В тот памятный день, когда июньским утром звонко запели птицы и весь мир радостно запел вместе с ними, я стремглав помчался в лес, вслед за отцом, чтобы набрать лукошко дикой земляники.

Мир смотрел на меня так ясно и открыто, словно дышал вместе со мною и изо всех сил силился поведать мне очень важную тайну. Тогда я знал, что мир всегда заодно со мной, он внимателен

к моим мыслям и торопится сообщить мне все свои наблюдения. Когда мы мечтали и слушали граммофон с виниловыми пластинками или сочиняли музыку под воображаемые всплески одиноких морских волн, или мечтательно летали по склонам южных кавказских гор, ныряя в надвинутые на их макушки снежные мохнатые шапки. Потом из звенящей горной прохлады мы снова прыгаем в море, под звучание набегающих на берег волн. Шум моря звенел в наших ушах, и был таким же мощным и таинственным, как звук из розовых морских раковин, которые всегда хранились на комодe возле маминой кровати.

Эти огромные белые раковины с розовой серединой внутри привез своей невесте – моей маме мой отец, когда, отслужил в Красной Армии на берегу далёкого моря на Кавказе. Каждый вечер отец рассказывал мне восточные сказки из далёких мест нашей земли, а я мечтал и передавал их миру. Наши с миром мечты всегда сопровождались прогулкой по удивительно милому сибирскому лесу, под нескончаемые трели скромных пернатых созданий, что чутко притаились и пели на деревьях. Светящиеся золотые часы солнца ярко сияли нам сверху и отражались в наших с миром глазах, пока мы в упоении валялись на зелёной траве и глубоко впитывали нескончаемое счастье от радости бытия. Мощная зелёная крона кедра махала нам своими мощными и мохнатыми лапами и упиралась макушкой в синеющий небосвод. Время от времени над нами вырастала огромная фигура отца, заслоняющая весь небосвод целиком. Смеясь, отец сообщал о том, сколько ему осталось набрать дров и когда мы пойдём домой.

А мы с миром продолжали мечтать. Вокруг, тихо нашептывая тайны древней сибирской тайги, шевелились пахучие травы, а чуть поодаль, в россыпи мельчайших алмазных камешков, ярким магическим свечением сверкали пятки в ярко красном платье догоняющей бабочек, моей младшей сестрёнки. Дикая земляника, брызгала красным соком на рубашку, напоминая маленькие розовые капельки крови...

Сегодня мерцающая свежесть утра лежала повсюду особенно тихо, затаившись на расстеленном во весь лес плодородном ковре, который кротко прикрывал трепетными ладонями из нежной листвы глубоко вздыхающую грудь сибирской земли. Мы шли домой за подводой, полной напиленных отцом дров. Отец держал за уздцы лошадь, а я держал за руку сестрёнку и как обычно весело улыбался миру. Мама стояла у порога, теребя двумя руками свою золотую косу, и глаза у неё были заплаканы. Отец молча, взял

несколько поленьев и занёс в дом, высыпав у печки. Потом я подбрасывал дрова в печь, а родители долго разговаривали за стеной.

На следующее утро отец крепко поцеловал нас с сестрой и тихо сказал, что началась война, и он уходит защитить мир. Известие прозвучало настолько ошеломляюще, что в тот миг я даже не подумал об отце, я думал только о мире.

Потом мы втроем: мама, я и моя сестра сидели за столом и молчали. Мама в нарядном платье с золотой косой тихо подошла к печке подняла полено, завернула его, как ребёнка, в белое расшитое полотенце и унесла в спальную комнату, крепко и с любовью прижимая к себе.

- Его папа принес, - тихо сказала она, когда наши глаза встретились. Я смотрел на мою сестру, понимая, что мама теперь плачет за стеной и чувствовал, что мир моего детства только что забрала ещё непонятная для меня война

*Тюменская область,
ХМАО-Югра, г.Нижневартовск, 2021*

Александр ГОЛОЗУБОВ

ЮНЫЕ ГЕРОИ ВЕЛИКОЙ ОТЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ НА КУРСКОЙ ЗЕМЛЕ

очерк

Война! Что может быть страшнее?! Война несёт кровь и разруху, потерю любимых и родных людей, слёзы да страдания матерям и старикам. Но мы вновь говорим о войне, мы вновь вспоминаем Великую Отечественную войну, войну с фашистскими захватчиками, гремевшую над нашей землёй восемьдесят лет назад.

Да, люди, непомнящие своего прошлого, обречены на его повторение. Я прошу Вас, дорогие читатели, вдуматься в эти слова. Это не просто красивое выражение - это уже явь! Пусть и не на нашей земле, пусть в соседнем государстве, Украине, но фашизм поднял опять свою голову и развязал войну на братском нам Донбассе. Совсем недавно я бы сказал, что трудно поверить в то, что человеческую жизнь оборвать так просто, как утренний сон. Но сегодня я уже так сказать не могу. Война идёт совсем рядом с российской границей, и её ужасы мы видим по телевидению каждый день. Сегодня за одной школьной партой вместе с нашими ребятами сидят дети-беженцы из Донбасса и Луганска. Чтобы не случилось такого на нашей земле, мы должны помнить и знать своё прошлое, свою историю, это важно для всех людей России!

Тысяча четыреста восемнадцать дней и ночей шла кровопролитная война против немецких оккупантов... Фашисты нарушили все человеческие законы: они зверски уничтожали даже детей и стариков, расстреливали, жгли, пытали, проводили биологические эксперименты над пленными, угоняли людей в рабство – на принудительные работы, душили в газовых камерах...

Фашистская Германия хотела захватить и поработить весь мир и уже покорила Европу, но советский народ от старого до малого встал на защиту своей земли, за свою свободу. Да, на борьбу с фашистскими оккупантами вместе с армией поднялся весь народ, и рядом с взрослыми встали дети. Они мужественно сражались за свободу и независимость своей Родины, терпели трудности военной поры: голод, холод, боль и разруху. На их хрупкие плечи легла тяжесть невзгод, бедствий, горя военных лет. Но не

согнулись они под этой тяжестью, выстояли, стали сильнее духом. Они рано повзрослели. Вместо игр и забав вокруг была смерть.

В областном Государственном архиве имеются материалы Курской областной комиссии по управлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников.

Вот несколько из них: девятилетнюю Машу Шевцову, дочь председателя колхоза «Новая деревня» Мантуровского района Курской области, вывели босую на снег. Девочка стояла, дрожала от холода и не понимала, в чём её вина. Офицер крикнул: «Большевик!» – и выстрелил в неё. Маша замертво упала на снег.

Двадцать шесть детей колхозников разных возрастов были загнаны в хату в селе Дубровка Черемисиновского района Курской области и зверски убиты. Немцы кололи их штыками, разбивали головы прикладами. А поводом для этой зверской расправы послужило то, что немецкий офицер не нашёл у себя своего портсигара.

Четырнадцатилетнего Алексея Абакумова из села Погожее Тимского района Курской области расстреляли только за то, что он не остановился на окрик немецкого солдата, а двенадцатилетнего Владимира Маслова расстреляли за то, что он не научился разговаривать на немецком языке и прятался от фашистов в погребке.

Курской Хатынью называют посёлок Большой Дуб, где девятнадцатого октября 1942 года фашисты сожгли живьём и расстреляли девяносто девять мирных жителей, среди них было пятьдесят детей. Сейчас на этом месте в Железногорском районе Курской области открыт мемориальный комплекс в память о жертвах войны.

Уже после освобождения Курской области в 1943 году в газете «Курская правда» были опубликованы письма детей-сирот, воспитанников Суджанского детского дома Курской области. Вот отрывок из такого письма: **«Ещё недавно у нас были отцы, матери, братья, сёстры, теперь мы все сироты. Многие из нас видели такое, о чём даже рассказывать страшно. Мы хорошо знаем, кто виноват в нашем горе. Нас обездолили немцы. Пусть знают фашисты, что мы, ребята, этого никогда не забудем, где только можно, мы будем мстить ненавистным убийцам».**

Такие сотни детей откликнулись на призыв своего любимого писателя, уроженца Курской области Аркадия Гайдара. Он призывал бороться до последнего: «Если кому случится столкнуться с врагом – молчите или обманывайте его,

показывайте ему не те, что нужно дороги», – это отрывок из письма тимуровцам.

Многие дети рвались на фронт защищать свою Родину. Вам всем знакомы имена пионеров-героев Советского Союза. Вот они: Лёня Голиков, Валя Котик, Зина Портнова, Марат Казей, Боря Цариков. Об этих ребятах написаны книги, сняты фильмы, их подвиги широко известны. Но о тысячах храбрецов в красных галстуках мало что знают люди. А они были в каждой области, в каждом районе. Об их подвигах сообщали лишь короткие заметки в газетах и журналах. Были такие смелые ребята и на Курской земле.

Жил в небольшой деревне Гряды Коньшёвского района Курской области мальчик Вася Кострубов. Отец его погиб на фронте, старший брат ушёл в партизаны, а Вася стал пастухом. Эта работа позволяла не только как-то прокормиться, но и была удобной для связи с партизанами, для наблюдения за поведением и передвижениями фашистов. По просьбе партизан Вася проник в село, занятое полицией, обошёл каждый дом, запоминая, где расставлены часовые, где размещаются каратели, в каких местах установлены пулемёты и другие огневые средства. Обо всём этом он доложил командиру партизанского отряда Лазареву. Тот принял решение уничтожить предателей Родины. И той же ночью было уничтожено семнадцать полицейских. А утром партизаны пробрались к железной дороге и заминировали её. В этот же день на участке «Коньшёвка – Марица» Курской области на мине партизан подорвался немецкий эшелон с боевой техникой, двумя вагонами гитлеровцев и двумя вагонами соли. Через несколько дней по доносу предателя фашисты схватили Васю Кострубова, бросили в Льговскую, а затем Рыльскую тюрьму Курской области. Пытали самыми извращёнными методами, издевались, как только можно, а в январе 1943 года его полуживым закопали в землю. Так погиб юный герой Вася Кострубов. Его имя навечно занесено в Книгу Памяти.

В селе Среднедорожном Горшеченского района Курской области в братской могиле вместе с другими односельчанами спят вечным сном комсомолец Николай Картамышев и пионерка Александра Золотухина. Когда началась война, три старших брата Николая ушли на фронт, а пятнадцатилетнего Колю не взяли по возрасту. Но сидеть дома, сложа руки, он не мог. Он всем сердцем ненавидел врага, топтавшего его землю. Через село часто проходили, а иногда в нём останавливались на постой части

Красной Армии. Коля раздобыл трофейное оружие и почти постоянно был с бойцами. Бегал по их поручениям, ходил в разведку. Когда летом 1942 года фронт вплотную подошёл к селу и наши бойцы заняли у Дорожного оборону, Коля не покидал оборонительного рубежа, деля с солдатами суровую фронтовую жизнь. А однажды ночью он один подстрелил вражеского разведчика. Когда же завязался бой с наступающей немецкой частью, Николай стрелял по врагу наравне со всеми. И вдруг по красноармейской цепи пронеслось: «Патроны на исходе!» Тогда Николай быстро сообразил и короткими перебежками, ползком вмиг добрался до склада боеприпасов, который находился внизу у родного дома. Схватив ящик, он вдруг понял: одному не дотащить, тяжело. И тут к нему подбежала Шура Золотухина со словами: «Давай помогу». Немецкий офицер в бинокль отчётливо увидел две маленькие фигурки, карабкавшиеся по склону пригорка. Вот они добрались до наших бойцов, и стихший огонь возобновился с новой силой. А ребята вновь устремились вниз. Недоумевавший немец понял, что дети подносили патроны. Немец что-то крикнул своему адъютанту. Силы были неравны, и немцы ворвались в село. Сразу же устремились к двум домам, стоящим на отшибе под пригорком, где был склад боеприпасов. Замешкавшихся ребят фашисты схватили. Вместе с ними немцы вывели из домов группу беженцев, стариков и женщин, что прятались во время боя. Положили всех людей лицом к земле. Наставили на них автоматы. Фашисты были в ярости. И вдруг взметнулась черноволосая голова Николая со словами: «Всё равно вам, гадам, капут!». Автоматная очередь заглушила звонкий мальчишеский голос, оборвала ещё одиннадцать других жизней.

Коля Картамышев и Шура Золотухина похоронены в братской могиле в центре села Среднедорожного, там же, под пригорком. Впервые об этом смелом поступке было написано в газете «Курская правда» девятнадцатого августа 1963 года.

Мы не нашли этих имён в Книге Памяти, но односельчане помнят о них и передают эту память из поколения в поколение.

Подобных подвигов и смелых поступков в годы войны было множество, но они до сих пор малоизвестны. Подростки были подрывниками, связными, разведчиками, часто просто спасали наших бойцов.

О мужестве девчонок и мальчишек Курского края, поднявшихся на смертельную борьбу с врагом, рассказывают сборники «Торжественно обещаю» и «Детство, опалённое войной»,

а также материалы Курского военного исторического музея «Юные защитники Родины».

Во всём своём величии встают имена юных героев от десяти до шестнадцати лет. Им бы ещё учиться, играть, а они уже выполняли такие задания, которые были не по плечу опытному бойцу. Такими были юные разведчики Вася Кострубов, Петя Коробков, Валя Крохин, Андрей Волин, юные связные из города Тима Витя Чертков, Ваня Коваленко, Ваня Мишин, Ваня Сорокин, Петя Аблоухов и другие. Вырастила таких юных героев и Обоянская земля. «Неразлучным трио» называли односельчане села Должёнково Обоянского района Васю Холявкина, Мишу Звягинцева и Васю Долженкова. Вася Холявкин был руководителем подпольной организации «Спартак», действовавшей во время немецкой оккупации. Он хорошо играл на скрипке, был учащимся Курского музыкального училища. Вася Долженков играл на гармошке и тоже был учащимся Курского музыкального училища. Мише Звягинцеву было всего четырнадцать лет. Друзья под видом бродячих музыкантов ходили из деревни в деревню, пели, плясали, веселили немцев и незаметно у них под носом распространяли листовки, сводки Советского информационного бюро, изучали обстановку, расположение врага. Все сведения ребята передавали партизанам. Однако нашёлся предатель, выследивший и сдавший их фашистам. Восемнадцатого июня 1942 года троих отважных подпольщиков арестовали. Ничего не добившись, оккупанты на следующий день повесили их в городе Обоянь. Василий Холявкин, Василий Долженков, Михаил Звягинцев за мужество и героизм, проявленные в борьбе с фашистскими захватчиками, в 1966 году были награждены посмертно медалями «За боевые заслуги». На могиле юных патриотов в городе Обояни установлен памятник, их имена записаны в Книгу Памяти.

А какая безмерная тяжесть трудового фронта легла на плечи подростков?! Практически с первых дней войны вся страна начала оказывать фронту безвозмездную помощь. Дети заменили своих отцов на полях и заводах, строили военные сооружения, железные дороги, наравне со взрослыми косили, пахали, сеяли на коровах и быках. Деревенские мальчишки, да и девчонки, быстро обучались работать на тракторах, они кормили армию. Городские пионеры и комсомольцы встали к станкам, выпускали снаряды, запасные части к машинам и танкам – словом, работали на оборону страны.

Их героические подвиги бессмертны!

Ольга ГУБИНА

ХЛЕБ С ЖАБРЕЕМ

история из жизни моего отца

Разговаривали мы с пожилой женщиной, волею судьбы оказавшейся в нашей глубинке в годы военного лихолетья. Она со злостью говорила: «Ненавижу деревенских. Мы голодали в войну, а они ели досыта, у них всё было...». Я возразила ей, что это неправда.

В нашей семье я с детства помню рассказ своего папы и его мамы, моей бабушки, о хлебе с жабреем. Они часто рассказывали эту историю. Бабушка плакала, а папа, махнув рукой и тяжело вздохнув, уходил на улицу.

Шёл 1942 год. Войне не видно было конца и края. В деревне было голодно. Всё отдавали «Для фронта, для Победы», для своих отцов, братьев, мужей, сестёр и дочерей, проливающих кровь на фронтах проклятой войны.

Папе шёл двенадцатый год, он работал в колхозе, на быке возил воду, солому, исполнял то, что накажет бригадир. Бабушка работала на лесозаготовках.

Бабонька Анна следила за домом и внуком, стряпала нехитрую еду из того, что было: картофельной шелухи, лебеды.

Стёпка с ребятишками, как оттаяла немного земля в полях, бегал с другими пацанами раскапывать норы сусликов, выгребая зерновые запасы зверьков, иногда попадалась мёрзлая картошка. Всё шло в дело.

Весной стало полегче. Выскочил из земли полевой лук, поднялись медунки и саранки, сладкие, чуть сморщенные луковицы, которые были лакомством в эти лихие годы. Потом вырастали пучки, дидли, калачики. Набьёт Стёпка брюхо всякой зеленью, а есть хочется всё равно. Придёт домой после работы и просит: «Бабонька, а хлебушка нету?».

А у бабоньки Анны слёзы по щекам градинами: «Милой ты мой парничок, да ежели бы хоть сухарик был, не уж бы я те не отдала. Дитятко ты моё умолённое. Будь же он трижды проклят Гитлер поганый».

Как-то Степан уехал возить навоз, а бабонька пошла к колодцу, где встретила давнюю свою подружку Нюрку Сёмиху. Погоревали о своём, да и перекинулся разговор о том, как бы

посытнее ребятишек покормить, то уж светятся, скоро кости кожу проткнут. Нюрка и говорит:

- Анна, а я вот в тесто-то помимо всего семена жабрея подмешиваю. Они аппетит перебивают и силы дают. Мой Поликарп, как поест, так ровно жеребёнок бегаёт.

Вот и набрала бабонька Анна заветных семян, замесила квашёнку, радуясь тому, что накормит своего внука и Марью, которая должна сегодня домой приехать с лесозаготовок.

Приехал Стёпка перекусить. Бабонька Анна гордо отломилла ему горбушку от серой ковриги. Счастливый парнишка поехал дальше вырабатывать свой трудодень. Краюха грела его тощее тело. Он отщипывал крохотные кусочки хлеба и медленно рассасывал их. Сытость и тепло разливались по телу, истома и тяжесть наполнила руки, отяжелела голова, ноги налились свинцом.

За околицей у верёвочной упряжи быка лопнула ветхая верёвка. Стёпка прыгнул, чтобы поправить упряжь. Ноги не слушались. Он как подкошенный упал рядом с фургоном. Ползал, пытаясь подняться, ревел. Бык, не чувствуя своего погонщика, поплёлся к ферме.

Марья и другие бабы только приехали в деревню, шли, весело переговариваясь, предчувствуя, как погреваются в баньке, выпарят всю усталость и уснут сегодня на своих постелях, а не на барачных нарах. Гадали, что там сегодня наготовили их старые матери.

Вдруг в улицу с громкими криками, бегом ворвался Поликарп, четырнадцатилетний подросток. С перекошенным лицом, громко втягивая воздух, он кричал пронзительно и тонко:

- Тааам, Сстё-еёёпка... бык... Тааам!

У Марьи подсеклись ноги, она осела в дорожную пыль, сдирая с головы и комкая в руках платок. Её длинные, густые косы, объект зависти деревенских баб, тёмными змеями поползли на дорогу. Хрипло, еле шевеля потрескавшимися вмиг губами, она шептала: - Где?

Бабы подняли вой. Только Марья Нефедиха, резко прикрикнула на подростка:

- Полька! Ну сказывай чё там? Бык Стёпку насмерть затоптал?

Где оне?

Поликарп подавился своим криком, выпучил глаза и испуганно спросил:

- Кого бык затоптал?

Посмотрел на белую как полотно Стёпкину мать, валяющуюся, простоволосую, в пыли, на голосащих баб, он заговорил нормальным голосом:

- Там Стёпка у поскотины ползает, ревет, на ноги встать не может. А бык – сволочь, на ферму ушёл. А я Стёпку поднять не могу и быка не догнал. Бригадир нам трудовень не поставит...

Марья резко поднялась с колен и бегом побежала к поскотине, бабы за ней, а за ними Поликарп. Бабонька Анна вышла за ограду и испуганно присела на лавочку у ворот. По улице бежала её заполошная Манька, за ней - бабы, а за ними - соседский Полька, Стёпкин напарник.

- Господи Иисусе, Пресвятая Матушка Богородица, да чё же это содеялось-то! Люди добрые, может, Гитлера – поганца, убили и война кончилась? Так пошто Манька мимо дому пробежала, и Полька за бабами бежит? И старушка, крестясь и вздыхая, поплелась в дом, зашла проверить баньку и уселась у окошечка.

Марья бежала, не видя белого света. Вот и поскотина, а вон ползает и обливается слезами её кровинушка, единственный её сынок.

- Стёпушка, чего ты? Чтой-то с тобой? – закричала Марья.

- Мама, я ноги не чую! Встать не могу! И Стёпка снова залился горькими слезами.

- А, бык – фашист, такой упряжь порвал и ушёл. И Полька убежал!

- Этта ищё что за дела? Почто работу бросили? Что за митинг! Засужу! За быка выплатишь! - закричал бригадир, подъехавший на лошади к скоплению баб. Он кричал на Стёпку с визгом:

- Гадёныш, улётся! Быка отпустил! Ишь, лежит...

Но, тут же замолчал, грозно прищурив глаза, сжав в нитку побелевшие губы, со сжатыми кулаками на него грозно надвигалась Марья:

- Это ты кого, тробуха ты гнилая, гадёнышем обозвал? У его отец офицер твою шкуру защищает, у его дядья кровушку проливают, я на лесозаготовках свету белого не вижу! Он с темна - дотемна полуголодом горбатиться. Перешибу, сопля ты зелёная! Захребетник!

Бригадир тяжело сполз с коня, его затрясло от испуга. Никак не ожидал увидеть эту заполошную, неустрашимую Маньку Бниху. Он залепетал:

- Ты чё, Марья? Ты чё? Я ить так для порядка шумнул. Бери парнишку-то, взваливай на вершну, я доведу. Пусть завтрева отлежится, я ему полтрудодня запишу...

Когда Марья внесла сына на руках в избу, бабонька Анна заохала:

- Ой, Манька, чего это с парнишечком?

Стёпку положили на бабонькин сундук. Бабонька захлопотала, накрывая на стол:

- Ты, Маня, в баню или поешь вперёд? Я тут хлебинку с жабреем испекла, вон Стёпушка в обед поел. Меня Нюрка Сёмиха научила, говорит сытнее с жабреем-то. Она не успела договорить, как Марья вихрем выскочила за дверь и понеслась к соседям.

Когда бабонька Анна, забежала к соседям её Марья и старая Нюрка Сёмиха стояли друг перед дружкой, громко крича и яростно жестикулируя.

- Анна ты сколь семян жабрея в квашёнку положила?-спросила соседка.

- Так горсть набрала и положила - отвечала бабонька Анна соседке.

- Ты сдурела, щепотку только и надо было. Погодите у меня тут малесинько молочка дали, налью Стёпке. Завтра подымется. И соседка налила полстакана жидкого, как закрашенная мелом вода, молока.

Папа отлежался. Через два дня он снова возил навоз на быке. Бригадир его не ругал.

Хлеб с жабреем больше бабонька не лекла.

Вскоре папу направили в школу ФЗУ при фанерном комбинате. Но это другие воспоминания. А про хлеб с жабреем он и бабушка помнили всё жизнь.

Бабонька Анна умерла, когда мне было два года. Она успела поводитья и со мной.

Нелёгкой была жизнь подростков и взрослых в деревне военной поры. Голод и холод, непосильный труд объединял и помогал выживать в то тяжёлое время.

Вот такой ответ у меня был этой пожилой женщине.

*Тюменская область,
Ялуторовск, 2021*

Михаил МЕДВЕДЕВ

В ОККУПАЦИИ

рассказ

Летом сорок первого наши части с тяжёлыми боями отходили на восток, оставляя один населённый пункт за другим. Проходили, отступающие и через деревню Рябиновку. Жители с тоской и сочувствием глядели вслед мрачным усталым красноармейцам.

Тревожно было в деревне, каждый из стариков и женщин думал: что ждёт нас при немцах?

Одна из подвод красноармейского обоза заехала во двор шестидесятилетнего Матвея Кузьмича. Попросили старика приютить раненого лейтенанта, которого не надеялись довести живым до ближайшего медсанбата или госпиталя. Сказали, чтобы лучше кормил офицера, постарался поставить его на ноги, напились воды и уехали дальше.

Матвей Кузьмич устроил лейтенанту в доме убежище, которое не бросалось в глаза посторонним людям. Надёжно устроил и удобно для больного. Оба со старухой стали ухаживать за раненым. Они знали немало народных средств для заживления ран. Постепенно эта забота стариков о раненом стала давать результаты. Лейтенант трудно, медленно стал поправляться.

Немцев не ждали. Жили крестьяне надеждой, что они обойдут Рябиновку стороной. Но не сбылись их чаяния.

Однажды за селом запыхала дорога, в улицу втянулся длинный обоз. Немецкие тяжеловозы везли фуры с продовольствием, машины с пехотой в кузовах тащили на прицепах пушки. Слышались отрывистые команды, щёлканье кнутов, звуки губной гармошки. В зданиях сельсовета, колхозной конторы, клуба разместились комендатура, штаб, жандармерия. Из просторных домов немцы выгнали хозяев. Там разместились немецкие офицеры. Выгнанные из своих домов крестьяне вынуждены были копать землянки для жилья или приспособливать сараи. На деревенской улице слышалась непонятная лающая речь чужеземцев. Военная форма оккупантов вызвала страх и отвращение. Захватчики ходили в форме мышиного цвета, в низко надвинутых на глаза фуражках с высокой

тулей. Оккупанты везде расставили часовых. Крестьян часто останавливали злым окриком: «Хальт! Цурюк!» («Стой! Назад!»).

Вскоре фашисты стали забирать крестьянских коров. Они их, как и людей, угоняли в Германию. Корова семьи Матвея Кузьмича сама убежала в лес, перемахнув через изгородь. А когда беда миновала, пришла домой. Так семья Матвея Кузьмича осталась со своей кормилицей. А молоко было так необходимо раненому лейтенанту, который уверенно шёл на поправку.

Фашистские солдаты стали шарить по крестьянским дворам. Заходят и кричат: «Матка, яйца! Матка, курку!» Поймав курицу, немец тут же откручивает ей голову и, довольный. С улыбкой до ушей, поспешно уходит.

Кто-то из жителей деревни имел связь с партизанами. Через них стало известно, что фашисты погонят через деревню колонну пленных красноармейцев. По заданию партизан жители деревни приготовили продукты: хлеб, варёный картофель – всё это для пленных красноармейцев. Это надо было передать, когда пойдёт колонна. Рассредоточились вдоль дороги. Красноармейцы под конвоем шли обросшие, измождённые, еле передвигая ноги. Однако всё продовольственное подкрепление попало по назначению. Выращенный урожай осенью крестьяне убрали вручную, с зернотока несли домой, и размалывали на жерновах.

Лейтенант (его звали Василием), благодаря заботливому уходу стариков и молодости организма, поправился настолько, что мог уже ходить по двору. Для этого он переделал в крестьянскую залатанную одежду, которую подыскали ему старики. Обросший Василий и впрямь походил на крестьянина. Договорились, что он будет немой, будто бы нанятым Матвеем Кузьмичом подметать двор, нагрянул немецкий офицер и два солдата. Офицер, как оказалось, мало – мало говорил по-русски. Он почему-то сразу обратил внимание на Василия.

- «Ты есть кто?» - спросил немец, подойдя к лейтенанту. Василий, не обращая никакого внимания на фашиста, продолжал работать.

- «Пошему он малщит?» - повернулся офицер к Матвею Кузьмичу.

- «Он немой»- отвечал старик.

- «Не твой, а чей?» - строго спросил фашист.

- «Он мой, да только он немой» - сказал Матвей Кузьмич.

- «Как это понимайт: твой есть не твой?» - допытывался офицер. Кое-как удалось Матвею Кузьмичу разъяснить фашисту, что этот нанятый работник не может говорить от рождения. Офицер оставил старика в покое.

- «Зухэн!» («Искать!») – подал он команду солдатам. Те бросились шарить по всем углам. Поймали двух куриц, отвернули им головы и вместе с офицером поспешили со двора Матвея Кузьмича.

Пришла зима. Фашистские вояки не рассчитывали воевать в морозы и ходили в летней форме. Немецкие часовые переминались с ноги на ногу, то и дело повторяя: «Кальт! Кальт!» («Холодно! Холодно!»).

Теперь фашисты стали забирать тёплые вещи: валенки, шали, шапки. Крестьяне старались их понадежнее спрятать.

В половине декабря до Рябиновки докатились раскаты артиллерийской канонады. Это был первый разящий удар Красной Армии по фашистам под Москвой.

В конце декабря деревня Рябиновка была освобождена. Василий, ещё раньше, как только окреп, ушёл в партизаны. И теперь вместе с Красной Армией двигался через Рябиновку на запад, успев на минуту забежать к Матвею Кузьмичу, чтобы повидать своих стариков – спасителей.

*Тюменская область,
Ялуторовск, 2020*

Вадим НЕРАДОВСКИХ

НЕПОСЛУШНЫЙ КАРАНДАШ²¹

новелла

Случалось ли вам, глядя на живописное полотно, художественную фотографию или на скульптуру, вдруг осознать, почувствовать, понять: как, при каких обстоятельствах, в каких творческих (а может даже и физических) муках родилось то самое произведение, которое привлекло теперь ваше внимание? На короткое время вы ощущаете себя на месте художника и, право, вовсе не обязательно, чтобы ваши представления о творческом процессе в точности соответствовали реальным событиям. Главное, что на мгновение вы – это *он*. Вы смотрите на мир глазами художника; ваша обновленная душа становится способной к восприятию тончайших нюансов человеческого бытия, и вы испытываете те же чувства, что и художник, только что сделавший последний штрих.

Это состояние длится всего лишь секунды, иногда минуты, но если это случилось с вами, то вы поймете, что в этой необыкновенной истории, которую я имею честь вам рассказать, отнюдь нет вымысла.

Был тёплый июльский вечер. Девочка (назовем её Настей) медленно передвигалась по зоопарку в инвалидной коляске от одной клетки к другой, подолгу рассматривая их обитателей.

Сегодня коляска плохо слушалась Настю: колеса то и дело попадали в какие-то выбоины на асфальте, и девочке приходилось напрягаться изо всех сил, чтобы заставить коляску выкатиться на ровное место. Прогулка сильно утомила Настю, и она уже хотела было возвращаться домой, как вдруг почувствовала на себе чей-то

²¹ Мы привыкли к тому, что обычно художники иллюстрируют литературные произведения. Но в данном случае все было по-другому: эта новелла родилась после посещения выставки рисунков Людмилы Богдановой – молодой тюменской художницы-анималистки, которой удаётся создавать великолепные графические работы, являясь инвалидом ДЦП первой группы. И хотя Людмила и стала прообразом Настя (героиня новеллы) этот рассказ не о ней одной, а обо всех, кто, преодолев собственный недуг, явил миру не только талант, но образец жизнелюбия, которого так часто не хватает многим из нас, кому вовсе не требуется дополнительных усилий, чтобы удержать карандаш.

взгляд. Это ощущение было тем более странным, поскольку в этот час в зоопарке уже не было других посетителей.

Повертев головой по сторонам, девочка, наконец, увидела какого-то похожего на большую собаку зверя, который сидел в клетке и пристально смотрел на Настю сквозь частую решетку.

- Ты кто? – спросила Настя.

- Я – Волк, – с достоинством ответил Волк (а это был именно он).

- Вот как! – развеселилась девочка. – А разве волки умеют разговаривать?

- Не знаю, как другие волки, я их не видел, а я – могу. Только я разговариваю не с каждым, а только с тем, кому доверяю.

От такого признания Настя порозовела и осторожно спросила:

- А почему ты не видел других волков?

- Я вырос в этой клетке и никогда не был в лесу. Говорят, что тех волков, что живут в лесу, все боятся.

- Ты хочешь, чтобы тебя все боялись?

- Ну что ты... Вообще нет... Просто я хочу в лес, – вздохнул Волк.
- Нарисуй меня среди леса.

- Но я... Я совсем не умею рисовать, – смутилась Настя.

Должен вам сказать, что хотя Настя и была честной девочкой, но в этот раз она сказала Волку не то чтобы неправду, а скорее полуправду.

В действительности Настя очень любила рисовать животных. Это были и кошка с котятами, и медведь, занятый ловлей рыбы, и длинношей жираф с веточкой в мягких губах, и собака Шарик, стоящая на задних лапах, и задира воробей без пера в хвосте, – но, увы, все эти рисунки до сих пор существовали только в воображении девочки. Дело в том, что Настя не могла твердо удерживать карандаш.

Вы, конечно, знаете, что всякий человек, когда он ещё совсем маленький, не может правильно держать в руках карандаш и вместо рисунков у малыша получаются на бумаге разные «каляки-маляки». А вот когда человечек подрастёт, тогда уж карандаш или кисточка служат ему с каждым годом всё лучше и лучше и он с удовольствием рисует и дома, и в детском саду, и в школе. Свои рисунки он дарит маме и папе, или дедушке с бабушкой, или друзьям. А некоторые так хорошо рисуют и любят этим заниматься, что становятся со временем художниками, а их

картины помещают на выставки, чтобы все люди могли долгие годы любоваться произведениями искусства.

Но бывает и по-другому: мальчик или девочка уже подросли, им уже и в школу пора, но у них всё никак не получается твердо держать карандаш руках. Так случилось и с Настей: годы шли, а карандаш продолжал падать из её рук или дрожал в её пальцах так, что, несмотря на огромное старание, на листах бумаги всякий раз оставались лишь одни хаотичные чёрточки и закорючки. Однажды она до мозолей стёрла пальцы, чтобы изобразить всего лишь простенький домик с трубой, который с трудом угадывался среди множества случайных штрихов, а тут – Волк! Вот почему Настя сказала Волку: «Я совсем не умею рисовать...».

– Это неправда, – возразил Волк. – Я давно за тобой наблюдаю. Ты – прирождённый художник: ты видишь то, чего не замечают другие. У тебя непременно получится. Пожалуйста, нарисуй меня и густой, дремучий лес...

Дома девочка подкатила свою коляску к столу, взяла карандаш, бумагу, – перед её мысленным взором стоял свободный от клетки, гордый Волк, – она хорошо представляла себе как изображение Волка ляжет на бумагу, – оставалось всего лишь прорисовать контур, все детали и тени карандашом. Но, как это было и раньше, на пути от замысла к его воплощению вновь встала неуправляемая дрожь в руках. Карандаш в её пальцах выписывал в воздухе такие замысловатые пируэты, что девочка даже боялась приблизить грифель к бумаге, чтобы не прорвать её.

Когда после многочисленных, отчаянных попыток на бумаге появилось всего лишь несколько случайных штрихов, девочка не выдержала:

– Ну, почему ты такой непослушный? – со слезами в голосе упрекнула Настя Карандаш. – Вот скажу Волку, он тебе хвостик отгрызёт.

У Карандаша не было никакого хвостика, но он на секунду остановился, замер, как будто испугался:

– А кто такой Волк?

– Волк – это страшный зверь, который живёт в лесу и его все боятся.

Карандаш задумался, перестал дрожать в пальцах у девочки и вдруг сделал аккуратный маленький штришок на листе бумаги.

– Молодец! – похвалила Настя Карандаш. – Именно в этом месте мне и нужна черточка. – Теперь давай, постарайся и поставь

такую же черточку справа от первой, и если ты будешь правильно делать хотя бы короткие черточки, то они сольются в нужные линии, и ты будешь первым, кто увидит рисунок моего Волка...

Больше всего на свете девочка хотела, чтобы Карандаш ей подчинился, и она сконцентрировала всю свою волю, чтобы заставить Карандаш делать штришки и точки только там, где это было необходимо. А когда это получалось, то девочка не скупилась на похвалы Карандашу. А Карандаш от такого внимания к своей персоне весь надулся от важности, выскользнул из пальцев девочки и шлёпнулся на пол. Девочка расплакалась: самостоятельно поднять Карандаш с пола она не могла.

Всхлипывания Насти услышала мама. Она отыскала карандаш и привязала его за ниточку к подлокотнику инвалидной коляски, в которой сидела Настя. Теперь она могла без посторонней помощи подтянуть к себе упавший карандаш.

Но Карандаш страшно обиделся на такое обращение:

– Ну, вот, теперь ещё и хвост мне приделали – рисуй быстрее своего Волка и пусть он отгрызёт этот хвост! – ворчал Карандаш, делая размашистые штрихи.

– Давай! Давай! – подбадривала Карандаш Настя. – Ты сегодня такой послушный! Такой хороший...

Прошло несколько месяцев ежедневной работы, прежде чем девочка могла сказать: «Ну, вот, дорогой Карандаш, рисунок нашего Волка почти готов...».

Карандаш внимательно вгляделся в рисунок и заявил:

– Похоже, я зря старался: какой-то слишком добрый Волк получился, – разве такой сможет отгрызть хвост? Я что же, так и останусь с хвостом?!

– Какой ты смешной! – Настя ласково провела пальчиком по Карандашу. – Да я сама отстригу нитку, вот увидишь. Ты же не будешь больше падать со стола?

Но Карандаш продолжал брюзжать:

– Волк не только добрый, он ещё и какой-то печальный...

– Ты прав, – вздохнула Настя. – Волк грустный, потому что я не смогла нарисовать лес: я просто не знаю, как он выглядит. Я, как и Волк, не видала настоящего леса, а кроме зоопарка была ещё только в городском парке. Но ведь парк – не лес?

– Да уж! Парк – это зоопарк из деревьев, – авторитетным тоном изрёк Карандаш. – А знаешь что? Давай поедем в лес!

– Ну, конечно же, поедем: мама давно мне обещала; теперь я повсюду буду брать тебя с собой, мой хороший, мой любимый, Ка-ран-даш! – Настя взяла карандаш обеими руками и чмокнула его.

– И на море возьмёшь?

– И на море!

– И в горы?

– И в горы!

– И в космос?

– И в космос! – и девочка громко рассмеялась счастливым смехом.

Тюмень, 2010

Александр ВЕПРЁВ

ВОЛКИ

миниатюра

В детстве видел в тайге двух волков. Мы пошли с бабушкой по ягоды. Волки вышли к таёжной дороге и остановились за большим придорожным кустом. Серые, лохматые и большие. Они смотрели в нашу сторону. Один волк смотрел поверх куста, а другой, пригнувшись к земле, смотрел, как мне тогда показалось, прямо мне в глаза. Этот волчий взгляд, точнее – два острых волчьих глаза, похожие на блеск двух далёких звёздочек, я до сих пор помню.

Дедушка сказал, когда мы вернулись в деревню, что летом волки сытые, их не стоит бояться, но мы правильно сделали, что не пошли дальше, а вернулись домой.

- А другой дороги и не было, - ответила бабушка.

В деревне было домов двадцать, а жителей четверо: дедушка с бабушкой да я, а на краю деревни в покосившемся доме – горбатая баба Повалиха, похожая на бабу Ягу. Дедушка рассказывал, что иногда Повалиха носила в тайгу еду и там её оставляла прямо на земле, вроде как для голодных зверушек.

А зимой дорог, вообще, не было. Дома в деревне заносило снегом по крышу. Дедушка ходил на охоту на лыжах, бабушка хозяйничала по дому и на крытом дворе, а я сидел в доме.

Сочи

Наталья ВЕРШИНИНА

ТАЙНА ГЕНЕРАЛА

рассказ

Андрей любил приезжать в гости к бабушке и дедушке. Дед Андрея был отставным генералом, имел много наград. Мальчику очень нравилось рассматривать эти награды и слушать рассказы дедушки о военной службе. Андрюшу просто завораживали эти многочисленные коробочки с медалями и орденами, он мог долго их рассматривать, открывать, вынимать награды и снова слушать рассказы дедушки, который был замечательным рассказчиком. И вправду, деду было, что рассказать внуку. За долгую военную службу пришлось ему поехать по стране и побывать в горячих точках.

Однажды, когда Андрюша, как обычно, попросил дедушку показать свои награды, среди коробочек с наградами мальчик увидел маленькую, величиной с пятирублёвую монету, синюю коробочку. Раньше он её не замечал, а может, её и не было в этом ящике письменного стола дедушки.

«А что в этой коробочке?» - спросил мальчик. Лицо дедушки стало серьёзным и задумчивым. Потом дед улыбнулся и шёпотом сказал, что это его тайна. Взял эту коробочку и переложил в другой ящик, пообещав Андрюше рассказать об этом, когда тот подрастёт.

Андрюше ужасно хотелось узнать, что это за тайна, и почему сейчас дедушка не хочет ему рассказать, что это за такой секрет. Но дед сказал, что на то она и тайна, чтобы её хранить.

Шло время, Андрей окончил школу, поступил в ВУЗ, потом отслужил срочную службу в армии. Дед гордился своим внуком, который не отлынивал от военной службы и хорошо себя показал во время неё.

Однажды Андрей приехал навестить бабушку с дедушкой. Это уже был статный юноша, отслуживший в армии. Ему было о чём поговорить с дедом. Старики были рады его приезду. Бабушка собрала на стол. Обедали, шутили, Андрей рассказывал о службе. Бабушка вспомнила, как в детстве внук любил рассматривать дедовы награды и как они подолгу сидели, и дед рассказывал разные военные истории.

Андрей улыбнулся, - «Да, такое забыть нельзя, но всё же одну тайну дедушка мне так и не раскрыл». «Какую же тайну?» -

спросила бабушка. «А ту, что хранилась в маленькой синей коробочке. Дедушка мне так и не открыл эту коробочку, просто убрал её подальше».

Дедушка хитро заулыбался, а бабушка посмотрела на него и сказала: «Я, кажется, знаю, что это за тайна...». «Вот пусть бабушка тебе и расскажет, что было в той коробочке, сейчас я её принесу», - сказал дед.

Андрей взял в руки ту самую маленькую синюю коробочку, тайна которой его так долго мучила, и открыл её. Каково же было удивление Андрея, когда он увидел лежащую на кусочке белого атласа маленькую пуговку, обтянутую шёлком брусничного цвета. Внук вопросительно посмотрел на дедушку с бабушкой. Старики улыбались. Бабушка пошла в комнату, принесла альбом с фотографиями. На одной фотографии были бабушка с дедушкой, ещё молодые, красивые. На бабушке было платье брусничного цвета с маленькими пуговками спереди, а дедушка стоял в парадном военном мундире.

«Понимаешь, Андрей, - сказала бабушка, - твоему деду приходилось часто бывать в «горячих точках», там было опасно, шла война. Дедушка попросил у меня пуговку от этого платья. Оно ему очень нравилось. Он мне тогда сказал, что это будет его оберег, так как хранит моё тепло».

«Да, этот талисман отпугивал от меня беду в самых тяжёлых переделках. Ни одна пуля меня не задела, я всегда чувствовал, что меня любят, верят в меня и ждут», добавил дедушка.

Потом дед внимательно посмотрел на внука и сказал, что хочет, чтобы тот нашёл себе такую же верную и любящую жену, как у него.

Андрей был тронут до глубины души этим рассказом, обнял стариков. Он понял, почему дед раскрыл ему эту тайну только теперь.

НАШ ДВОР *рассказ*

Весной 1960 года в нашей семье произошло радостное событие. Папе, наконец, дали квартиру! Мы переезжали из коммуналки, где было ещё три семьи, общая кухня с керосинками и керогазами, банные дни по расписанию и строгий график уборки

мест общего пользования, в совершенно новый дом (эти дома потом назовут хрущёвками).

Две комнаты, кухня, ванная, балкон, не надо ходить в лавку за керосином, так как на кухне газовая плита и колонка, для подогрева воды, одним словом – счастье! Я помню, как папа занёс в комнату круглый стол на четырёх ножках, стул, а мама села на этот стул у стола и заплакала. Мы с сестрой подбежали, обняли маму: «Мама, мамочка, что же ты плачешь?!». «Я так, я так, от счастья...» – вытирая слёзы, сказала мама. Начиналась новая жизнь на новом месте.

Пока жильцы нашего дома заселялись, все перезнакомились. Тогда, во время моего детства, были какие-то необыкновенно трогательные, доверительные отношения между людьми. Все старались помочь друг другу, а к детям относились особо внимательно. Отголоски прогремевшей над страной войны были ещё так ощутимы. Инвалиды войны не были редкостью, почти все отцы у моих сверстников были участниками этой войны. Много семей так и не дождалось своих отцов, сыновей, матерей, дочерей... Может быть, именно поэтому у людей было необыкновенное стремление жить в мире, красоте, чистоте.

Уже в конце лета наш двор, который являл собой бывшую стройплощадку, превратился в зелёный оазис, утопающий в цветах. Деревья и цветы сажали сами и взрослые, и дети. Деревья приносили из близлежащего леса. Это были берёзки, рябинки, клёны, черёмухи. Люди, переселившиеся из частного ветхого жилья, привозили с собой вишни, яблони, крыжовник, смородину и цветы. Уже весной были разбиты газоны, обустроена детская площадка. Горки, песочницы, качели, грибки – всё было сделано руками наших отцов. Никто не ждал распоряжений сверху и не жалел для детей средств. Во дворе сложился очень доброжелательный, почти семейный уклад. Понятно, что никому в голову не приходило испортить то, что сделано своими руками.

В подъездах была идеальная чистота, а уличную обувь все оставляли за дверью, не боясь, что её кто-то стащит.

Люди всеми силами хотели приблизить счастливое будущее для себя и своих детей. На первом этаже нашего подъезда жили два инвалида войны Пётр Иванович и Степан Кузьмич. У Петра Ивановича не было правой ноги, а у Степана Кузьмича левой. Они шутили: вот, мол, здорово нам обувь покупать! Ведь размер одинаковый! Пётр Иванович был очень хорошим сапожником, а Степан – Кузьмич – часовых дел мастер. Но Кузьмич мог

отремонтировать вообще всё что угодно от утюга до телевизора. Жильцы уважали обоих, они были – орденоносцы, герои, мастера золотые руки. А по воскресеньям Пётр Иванович выносил патефон во двор и устраивал концерты по заявкам. У него было много пластинок. Было очень весело.

Дети вообще всё свободное время проводили во дворе. Здесь складывались дворовые команды. У старших своя, а у младших своя. Но одно было едино – за своих горой.

Старшие защищали младших, помогали им. А сколько было подвижных игр! Это и пятнашки, и прятки, и лапта, и скакалки, и классики, и волейбол, и футбол, и казаки-разбойники, и ещё много всяких игр. Дворы соревновались друг с другом, – какой лучше!

Я вспоминаю эти годы с любовью и благодарностью. Мы, дети, чувствовали себя во дворе совершенно счастливыми и защищёнными. У меня до сих пор осень ассоциируется с цветением золотых шаров, астр и георгинов в нашем дворе, с золотыми листьями клёнов, с красными кистями рябин.

В этом дворе прошло всё моё детство.

Крым, Феодосия - Москва

Людмила ТКАЧЕНКО/ Мила РОМАНОВА

ЧЕТЫРЕ ТАНКИСТА И СОБАКА

рассказ

Посвящается друзьям моего детства

- Маруся! - громко крикнул мужской голос за моей спиной.

«Зачем так кричать?» - подумала я и с досадой и потерла виски. Голова гудела как чугунная болванка, каждый звук окружающего мира, отдавал болью в затылке, которая потом разливалась внутри моей черепной коробки и пульсировала.

Только что мой рейс снова отложили, и я понимала, что сидеть в аэропорту придётся ещё целых три с половиной часа. Снегопад за окном прекратился, однако нужно было ждать, пока расчистят лётное поле. Ничего не поделаешь, в Салехарде такое случается часто.

- Маруся! - услышала снова мужской голос. И хотя он был достаточно грубым, в нём немного звучали странные нотки детскости и какого-то удивления.

«Надо же, дико болит голова, а я умудряюсь при этом анализировать вибрации чужого голоса. Вот он, профессионализм! Его просто так головной болью не заглушишь!» - подумалось мне с гордостью. Но тут же новая волна боли отбила желание и думать, и анализировать дальше.

- Маруся! - услышала я в третий раз и, невольно вздрогнув, остановилась. Что-то в этом голосе показалось мне удивительно знакомым, - Маруся! Огонёк!

Я почувствовала, как кровь хлынула в голову. Стало жарко. Боль в голове замерла, как будто испугалась и притихла. Я медленно повернулась и увидела, как вдоль очередей регистрации на рейсы ко мне бежит мужчина. Невысокого роста, полноватый, с лысой макушкой и развевающимися позади пушистыми прядями, заправленными за уши.

- Маруся! - ещё раз позвал он.

Я присмотрелась, узнавая:

- Густлик, тыыыыы?

- Я! - он радостно улыбался. И только эта улыбка напомнила мне десятилетнего пацана из моего детства - Володюку Олейника с «походной» кличкой Густлик.

- Маруся! - он распахнул объятия и кинулся ко мне, - Какая встреча! А ты совсем не изменилась! Такая же красивая, наша Маруся - Огонёк!

- Ну, скажешь тоже! Не изменилась! Лет-то сколько прошло? - я аккуратно выпуталась из его объятий, испытывая радость, удивление и небольшую неловкость. Ведь глядя на Володю, я могла только предположить насколько изменилась сама.

- Но я же тебя узнал! - сказал он с гордостью, - значит ты такая же, как в детстве. Вот ты бы меня признала? - хохотнул.

- Ну... не знаю...

- Ладно, ладно. Не смущайся. Я знаю, что нет. Я очень изменился. Ну, расскажи, как живёшь.

- Что рассказать? Живу. Работаю, муж, взрослый сын. Всё как у всех. А ты как?

- Ой, Маруся... Ничего, что я тебя так называю?

- Ничего. Приятно даже. Как в детстве.

- Да. Как в детстве... - эхом повторил он, - А помнишь нашу команду? - добавил, - Янека, Томаша, Гжеся и Шарика...

- Конечно, помню.

Я посмотрела мимо его головы и вдруг мысленно перенеслась туда, сорок лет назад, в маленькую украинскую деревню с красивым названием - Елизаветка.

В этой деревне жила моя бабушка. Туда же, каждый год на каникулы отправляли и меня. Ребята, с которыми я дружила, были деревенские, местные. Четыре парня: Володька Олейник, Толик Полевой, Валик Мельник, Гриша Ткачук и я.

В годы моего детства был очень популярным, шедший по телевидению, польский сериал о героях войны - «Четыре танкиста и собака».

А у бабушки жил пёс по имени Шарик. Он был добродушным, лопоухим существом, любящим играть и носится по огороду.

Бабушка часто ворчала:

- С такой собакой и весь дом и хозяев ночью украдут!

Однако Шарика я очень любила.

Однажды после просмотра новой серии фильма мне пришла в голову идея - играть в танкистов. Я собрала своих друзей, и мы решили создать свой собственный экипаж танка «Рыжий». Толик стал командиром Янеком, Володька - башнёром Густликом, черноволосый Валик стал грузином Гжесем, а Гриша - радистом Томашем. Сама я с той минуты превратилась в санитарку Марусю-

Огонёк, в честь которой и был назван танк нашего знаменитого экипажа. Собака Шарик как нельзя лучше подошла на роль «киношной овчарки» с таким же именем.

В качестве танка было решено использовать земляную яму с большой тяжелой дверью, в которой обычно осенью и зимой хранилась сахарная свекла. Летом же яма пустовала.

Каждый день мы сначала встречались в штабе – на огороде под старой грушей, где принимали важные «стратегические решения». Например, вылазка на соседский огород за арбузами, или сражение с неприятелем, в роли которого выступали гуси бабы Пелагеи. Но совсем недавно наша компания узнала секрет: оказывается у бабы Глаши, что жила по соседству, есть кто-то «страшный».

Началось всё с того, что наш Гришка-Томаш услышал, как его мать говорила отцу:

- Бедная Глаша, так всю жизнь и мается. Ни тебе поехать куда, ни пойти. Сидит на её голове это чудище. Из дому не выходит...

Конечно, этим же вечером Томаш нам всё рассказал. Мы посоветовались и решили, что завтра днём, когда бабушка уйдёт работать в поле, мы проведем спецоперацию по обнаружению «чудища, которое сидит на голове у бабы Глаши».

Решили так: Янек вместе с Густликом пойдут на разведку. Томаш, я и Шарик будем сидеть в засаде. Потом по команде, тоже придём посмотреть «чудище». Задачей Гжеся стала подготовка путей экстренного отступления. На всякий случай.

На следующий день мы начали реализовывать придуманный план. Было удивительно жарко и солнечно. Компания прошла через огород и спряталась в зарослях, потом Янек и Густлик, осторожно пробираясь по глухой крапиве, направлялись к хате бабы Глаши.

Гжесь открыл дверь земельной ямы или лучше сказать нашего танка. Вот только дверь на месте толком не держалась, и поэтому, он подставил под неё толстый деревянный сучок.

Возле самой хаты рос яблоневый сад. Ребята подкрались незаметно и спрятались за деревьями.

Я, сидя в засаде, хорошо видела, как баба Глаша пошла через дорогу на выгон, доить козу Зинку. Янек махнул рукой и мы с Гжесем и Томашем осторожно двинули вперёд. Шарик как в воду канул.

Дошли до белой стены хаты. Я заглянула в окно. Но там ничего не было видно. Тогда Янек, как настоящий командир танка,

принял решение – идти в хату. Благо в деревне никто никогда дверей не закрывал.

Личный состав экипажа выстроился в шеренгу и осторожно двинул в тёмные сени, стараясь не шуметь. Горница встретила нас прохладой и запахом сушёных трав. Большая печь, домотканые половики на полу, белые крахмальные занавески.

Половицы тихонько поскрипывали под босыми детскими ногами. От волнения и любопытства, которое распирало наши вздохмаченные головы, щёки у всех были красными.

Потихоньку дошли до большой занавески, которая отделяла часть комнаты, и за которой виднелся угол кровати.

- Там! – прошептал Янек, показывая на занавеску.

Мы были почти у цели. Янек протянул руку и приготовился отодвинуть занавеску. Но в это время в хату с радостным лаем влетел непонятно откуда взявшийся Шарик.

Занавеска резко отдернулась, и мы увидели серое старушечье лицо с маленькими недобрыми глазами и большой родинкой на носу.

- Аааааа..., воры!!! – завопила старуха.

- Гав-гав-гав, - вторил ей радостный Шарик и прыгал на нас по очереди.

- Полундра! - закричал Гжесь во все горло непонятное слово.

На какой-то миг мы все замерли, а затем развернулись и что есть мочи пустились наутек.

- Аааааа... - звучало вслед.

- Гав-гав, - вторил Шарик. Ему очень нравилась эта игра.

- Хулиганы, паразиты... вот я вам покажу! - баба Глаша возвращалась с дойки. Она поставила ведро и бросилась за нами.

Мы метнулись через огород прямо к нашему танку-укрытию. Первым влетел в яму Томаш, затем Гжесь. Густлик и Янек бежали следом.

- Маруся, давай, быстрее! - кричал мне Янек.

- Бегу!!! - я мчалась со всех ног и наконец-то тоже заскочила в танк.

Шарик, который продолжал лаять и подпрыгивать, почти меня догнал. Но в тот момент, когда я спускалась в яму, пёс неудачно приземлился на дверь нашего укрытия. Толстый деревянный сучок, которым была зафиксирована дверь, резко отскочил в сторону. Дверь с оглушительным грохотом захлопнулась, и вся компания услышала короткий ляг засова, который закрылся от инерции удара. Мы все оказались в западне.

Уже через мгновение стало темно и тихо.

- Маруся! Ты где? - услышала я голос Янека.

- Я здесь... и... мне страшно...

- Не бойся Маруся, я с тобой, - Янек нашёл меня в темноте и обнял за плечи, - я всегда буду с тобой.

- А тут мыши есть? - вдруг услышали мы дрожащий голос Томаша.

- Мышей боишься? Ха-ха-ха, - презрительно захихикал Густлик.

- А змеи есть? - со слезами в голосе спросил Гжесь.

- Ревёшь? Риви! Значит ты рёва-карёва, - опять храбрился Густлик.

- А если нас не найдут? - вдруг спросила я, - что делать будем? Ребята замолчали. Кажется, на этот раз испугались все.

Первым собрался с мыслями, как и положено командиру, Янек:

- Давайте в дверь стучать. По очереди. Сначала Томаш, потом Гжесь, за ним я, потом Густлик.

- А Маруся? Она когда будет стучать? - спросил Гжесь.

- А Маруся девочка... санитарка. Стучать не должна. Она нам песни петь будет и раны лечить, - глубокомысленно заметил Янек.

- А давай, кофе попьём, прошлое вспомним, - услышала я голос Володьки-Густлика и, очнувшись от своих мыслей, снова оказалась в салехардском аэропорту.

- Давай.

И мы направились к небольшому кафе.

- А как поживает Томаш? - спросила я по дороге, чтобы прервать неловкое молчание.

- Хорошо всё. По крайней мере, неплохо. Он бизнесмен. Живёт в Киеве. Дети, семья, большая строительная фирма. Крутится.

Мы заняли первый же столик у входа и спросили две чашки кофе.

- А Гжесь как?

- Ты не знаешь? Гжесь погиб..., он же потом, после школы в Донецк уехал. Там училище военное закончил, там же и служить остался. А потом эта война проклятая... Кому только она нужна? Скажи, кому? Как можно так жить? Как можно своих убивать? - в голосе Густлика звучала боль, он отвернулся к витрине.

Я не знала, что ему ответить. Что тут скажешь? Чьи-то глупые политические амбиции, и ради них льётся кровь.

- А ты как? - спросила я тихо, чтобы сменить тему.

- Да, хорошо всё у меня. После армии сразу сюда, в Салехард приехал. На заработки. Да, так и остался. Уже дочь - невеста. И сын взрослый.

- Обрато не планируешь?

- Куда? На Украину? Или в? Даже не знаю, как теперь правильно говорить. Всё изменилось. Я ведь теперь там уже не дома. Не гражданин..., - Густлик грустно посмотрел на меня и добавил, - Там всё теперь не так, как было в детстве. А про Янека знаешь?

- Знаю, - прервала я и почувствовала, что головная боль стала опять возвращаться.

В это время объявили, что начинается посадка на мой самолёт.

- Ну, всё, мне пора, - сказала я, поднимаясь из-за столика.

- Маруся! - засуетился Густлик, - давай телефонами обменяемся, может, встретимся когда-то, поговорим, детство вспомним....

Я посмотрела в его глаза, узнавая знакомое с детства выражение:

- Хорошо. Запиши, - и стала диктовать номер.

Он аккуратно набрал его и сразу же перезвонил:

- Ну, всё, порядок! - радостно заулыбался, после того, как услышал пиликание моего телефона.

- Ладно. Нужно идти. Пока. Увидимся, - я обняла его на прощание и пошла на регистрацию. Не оглядываясь.

Уже стоя в очереди, я вдруг вспомнила тот день и нашу «спецоперацию». Как бабушка освободила нас из ямы, в которой мы просидели несколько длинных часов, как влетело потом нам с Янеком...

Я думала о том, что много-много лет жила без этих воспоминаний. И не помнила про то, что я Маруся-Огонёк... Почему? Почему так случилось, что я забыла своё детство?

Может потому, что Янеку так и не исполнилось сорок? Погиб при невыясненных обстоятельствах пятнадцать лет назад. Я очень тяжело перенесла потерю. Помню, новость мне сказала мама. Ведь Янек был моим старшим двоюродным братом...

Однако слова Янека, сказанные в тот роковой день в яме-танке, стали моим девизом навсегда. Чтобы в моей жизни не случилось, я всегда помнила про то, что я - девочка и должна

«песни петь и раны лечить». Именно поэтому выбрала профессию психолога.

Реализовывала себя и училась позитивно воспринимать мир. Чтобы затем помогать другим. Я смогла создать своё счастье. И «исцеляя раны души» своим пациентам, я исцеляла их в себе.

Спасибо, Густлик, что помог вспомнить! Спасибо, судьба, за то, что у меня были те счастливые дни в далёком украинском селе Елизаветка в компании друзей, моих дорогих «четырёх танкистов и собаки».

Я улыбнулась своему отражению в оконном стекле и пошла в самолёт. Жизнь продолжалась.

Салехард – Тюмень

СТИМУЛ

рассказ

Однажды, гуляя по городу, я увидела платье своей мечты в витрине бутика Patrizia Pere. Цвет розовой пудры, облако воланов внизу и совершенно фантастический топ с красивыми цветами. Платье для королевы. Именно так представляла я его в своих мыслях. Рядом стояла заманчивая табличка SALE 70%.

«Я непременно должна его купить», - подумала и рванула в магазин.

Платье оказалось в единичном экземпляре, и влезть в него я смогла с большим трудом.

«Мечта стоит того, чтобы приложить усилия! Это платье станет моим стимулом в обретении идеальной формы. Оно непременно принесет мне удачу», - подумала я и купила.

Раз в неделю я доставала платье и пробовала одеть. Увы, ничего не менялось. Я старалась сильно не расстраиваться, объясняя себе, что прошло еще слишком мало времени. Хотя иногда откровенно глотала слезы.

Прошло полгода, а платье так и висело в моем шкафу ни разу не одетое. Ни фитнес, ни строгие новомодные диеты, ни психотерапевты, ни гипнотизеры, ни экстрасенсы не смогли мне помочь. Платье по-прежнему сидело на мне «как на корове седло».

В очередной раз, примеряя его и понимая, что оно на меня мало, я разозлилась. Сняла ненавистное платье, запихнула в пакет и закинула далеко на полку.

- Это платье не стимул, а наказание! И зачем я только деньги потратила? Больше – никаких экспериментов! Хватит! - изрекла. И про платье забыла.

А потом, в самом конце лета я встретила его....

- Ты, такая красивая! - не уставал он повторять.

- Толстая! - отвечала я.

- Что ты! Это неправда. Ты – настоящая королева. Моя королева.

Сначала я словам его не очень верила. Все искала подвоха. Но время шло, а он продолжал повторять мне слова любви. Постепенно я расслабилась. И поверила в то, что могу быть любимой. Его королевой.

Случайно нашла в дальнем углу шкафа пакет, когда перебирала вещи. Я не помнила, что в нем, поэтому развернула. Там было платье. Платье-наказание, как я его когда-то назвала. Хотела сразу выбросить, и даже швырнула на пол, вместе с пакетом. Но любопытство взяло верх, и я все-таки решила его еще раз примерить. Каково же было мое удивление, когда платье село идеально по фигуре. Я застыла, глядя в зеркало, сама собой любуясь.

- Ух, ты! - услышала его голос, - Какая же ты невероятно красивая! Настоящая королева!

Я гордо расправила плечи, как будто у меня на голове и правда была корона. Улыбнулась своему отражению. И только в этот момент осознала...

Самый сильный стимул и самая мощная мотивация – это любовь. И если в глазах любимого человека ты – самая красивая, то так оно и есть на самом деле. А платье – это не стимул и не наказание, а единица измерения степени любви и уважения к самой себе. Может немного специфическая, но зато очень точная.

Тюмень

Александра МАЗКОВА /Аля АРХАНГЕЛЬСКАЯ

ПРАЗДНИК 9 МАЯ

Александр Захарович отсидел сегодня на почётном месте, как и другие ветераны труда, дети войны, весь парад 9 мая. Большой праздник!

Побывав дома – а он жил один – Александр Захарович вышел в скверик в своём дворе. Стоял солнечный день с тёплым ветерком. А было старику уж под девяносто, ходил с тросточкой, благо, спасал лифт в девятиэтажном доме, где он жил на третьем этаже.

Сегодня все недуги отступили перед величием праздника: и ржавые суставы, и опасная аритмия, да и всё остальное...

Детвора сновала по дорожкам на своих досках, самокатах и велосипедах. На огороженной площадке подростки пластались в футбол. От них стоял азартный ор, особенно выделялся визгливый голос с обилием нецензурных выражений – это самоутверждался тот, кто был как раз ниже всех ростом, видимо, младше остальных игроков. Команды, скорее всего, были собраны из тех, кто был во дворе в это время и умел играть, то есть стихийно. Поэтому сыгранности и не наблюдалось. Ну, а уж случайные игроки всегда ощерялись, не признавая своих ошибок, чтобы не стать козлом отпущения.

Александр Захарович понимающе усмехался молодой глупости подростка, припоминая игрища своего детства в лапту, городки и футбол тоже. Потом он вспомнил, как рвался на фронт в свои одиннадцать лет, но его всегда вылавливали и возвращали к обезумевшей от его недельного отсутствия матери. От отца не было вестей после того, как он мобилизовался. Сосед вернулся без ноги, рассказывал, как жутко подниматься в бой против танков и полчищ, идущих нагло по нашей земле, сжигая на своём пути деревни и расстреливая безоружных жителей. А сколько он видел смертей своих боевых товарищей!

Василий долго пил, огрызался на жену и других, увещевавших его в этом деле. Потом власти определили его в будку сапожника. Василий мало-помалу остепенился. Но когда с фронта приходил ещё какой-нибудь инвалид, то они вместе уходили в длительный запой. Наконец. Настасья, жена Василия высказала своему супругу, что не посмотрит на то, что он герой войны, на его медали, а если он ещё будет оставлять детей без

куска хлеба, то зачем он им сдался. Василий опешил от такого неуважения, проשляндился где-то дня три, да, видать, и в домах других комиссованных фронтовиков бытовали такие же нелады. Потом, не то - не то, присмирел и он.

Да, война – злыдня! Не дождались пацан Сашка и его рано поседевшая мать своего воина. Пропал без вести. Только в шестидесятых пришло письмо из военкомата с известием, что Захар Андреевич Фомин погиб смертью храбрых в жестоком бою под Сталинградом и похоронен в братской могиле в деревне Чернушки. Посмертно награждён за мужество. Мать совсем сдала от этого известия, ведь долгие годы жила надеждой на внезапное возвращение мужа. Бывали такие случаи. Александр сам принял награды отца. А вскоре мать тихо ушла, не выдержало сердце.

Александр уже был женат. Двое детей, Зоя и Павел, работали на станкостроительном заводе. Сам он занимал одну из ответственных должностей в райкоме партии. И не протаскивал своих детей наверх, как делали некоторые. Павел был хорошим токарем, с помощью профсоюза повышал квалификацию, а со временем стал мастером цеха. Зоя вначале работала кладовщицей запчастей, затем по направлению от завода отучилась в машиностроительном техникуме и пошла работать в конструкторское бюро завода. Всего этого они добились сами, поэтому не лишены были собственного достоинства. Из рабочих в то время вышли многие инженеры, директора заводов, министры. Они знали производство и работали на совесть.

Это потом пошли блатные и протее на разные должности. Особенно это стало заметно в семидесятые годы. Фронтовиков оставалось уже мало – уходили один за другим от старых ран и контузий, да и тяжкая работа по восстановлению народного хозяйства сказывалась. Все рвали жилы ради лучшей жизни для детей, на общее дело... И в райкоме, откуда ни возмись, появлялись назначенцы свыше, занимали большие посты, мало разбираясь в делах, а с большим гонором, да ещё и шпыняли опытных заслуженных работников партии. Эти карьеристы со временем и стали делать погоду...

Да что говорить, разочарований много было... И взгляды как-то стали меняться. Всякие речистые умники до сих пор покушаются на славных предков. Это, надо думать, свою ущербность покрывают, самим-то похвалиться нечем. Александр Захарович всегда в своих размышлениях приходил к главному разочарованию в своей жизни – к дню нынешнему. Нет, конечно,

возле центров стали налаживаться дороги, связь эта сотовая опять же – всегда, пожалуйста, даже с перебором. Интернет там, то, сё... Бытовая техника, туалетная бумага.

Это одна сторона цивилизации. А производственные отношения стали более отсталыми. Труд рабов самый дешёвый. Вот, например, взять труд шахтеров. В шахтах люди гибнут по разным причинам, непоправимо гробят здоровье. Нет бы – заменить всю работу роботами. Только когда они ещё себя оправдают, а людей капиталисту не жаль, ему нужна прибыль здесь и сейчас, а после него хоть трава не расти. Это тормозит прогресс и усугубляет социальное неравенство. Конечно, если денежные мешки не сбрендят всем скопом по какой-нибудь ключевой или, наоборот, надуманной проблеме, то мир придёт к разумному и гармоничному прогрессу.

А то ведь кормят людей дерьмом по наиболее дешёвым технологиям. Как будто хотят, чтоб все скорей передохли. А вот тогда всё делать будут роботы и киборги по их бредовому замыслу. Они не будут требовать повышения зарплаты. Но им неизбежно со временем будет передано всё больше функций, в том числе и управленческих. И совершенствующийся интеллект, в конце концов, рано или поздно подчинит себе людей и уничтожит их как нерациональное звено.

Александр Захарович и не заметил, как его любование погожим днём и детьми перешло по знакомой колее к размышлениям с мрачными выводами...

Ему что осталось-то? Может, год, а, может, день... Сын умер от своих выводов на фоне беспросветных проблем. Дочь жива, ещё на даче барахтается, его навещает. Внуки привезут еду, сготовят, постирают, приберут квартирку. Неужели они тоже думают в духе нынешнего отношения к старикам, когда уж он избавит их от этих хлопот?

А жить хочется всё равно. Сидеть так вот на солнышке, смотреть на детей...

К вечеру приедут внуки, будут поздравлять. Это, конечно, дорого. Однако, суетно. А вот пока что ноги таскают грешное тело, милое дело вот так выйти и тихо посидеть здесь...

Вдруг к Александру Захаровичу подъехал пацанёнок лет семи со смыслёными глазёнками:

- Дедушка, а Вы военный герой, да?
- Я?! Ну... Мой отец герой войны. А я уже не успел.
- А у Вас медали.

- Это медали за труд.
- А за что их дают?
- Мы строили страну.
- Страну?
- Да.
- Это, наверно, большая стройка?
- Ты всё правильно понимаешь, так и есть.
- А тогда Вы тоже герой.

Александр Захарович неопределенно крикнул. Правду сказать, все восстанавливали страну, кто – где и как мог. Только многих уже нет в живых...

Пацанёнок всё крутился перед ним на своём велике. Потом опять остановился:

- А сегодня праздник.
- Знаю, знаю.
- С праздником, дедушка!
- Спасибо...

Александр Захарович расчувствовался, на глаза выступили слёзы, и он долго провожал затуманенным взором фигурку мальчика, пока тот не скрылся из виду.

От души отлегло всё негативное. Кто знает, может, будущее вот этих мальчишек будет лучше, чем он домысливал...

ЛАДА И КЕРИМ

новелла

В одном местечке на юге, у моря, у добрых родителей жила девочка Лада.

Бывало, спорят или дерутся на улице ребятишки, а Лада подойдёт, словечко доброе скажет да посмотрит ласково, и усмирятся спорщики и драчуны, станут играть дружно.

Отец и мать Лады жили небогато, всю жизнь трудились, но всё равно в семье было не всё, что надо. Тогда они грустили, а бывало, что и спорили о чём-то.

Но подходила к ним Ладушка, доченька их дорогая, и они радовались, забывали все печали.

Росла Лада, да и выросла, стала так хороша собой, так приветлива со всеми, что многие женихи мечтали о такой невесте. Но Лада отказывала всем женихам, и те женились на других

девушках, игривых да бойких. А Лада всё как - будто ждала кого-то другого.

Выбрала Лада работу себе по душе, в больнице, ухаживала за больными. Если застонет больной, Лада подойдёт, приложит руку туда, где болит, да слово доброе скажет, вот и утихнет боль, и уснёт больной, а потом, глядишь, и выкарабкается из немочи.

У моря издавна жили разные народы. Говорили на разных языках, но понимали друг друга, уважали и жили дружно.

И вот явились как-то из-за дальнего моря-океана чужеземные гости, да задумали они хитростью захватить себе эти богатые земли. И решили поссорить народы между собой, уговорить их забыть дружбу, пойти воевать с соседями. А когда народы ослабеют от войн, тогда и отнять у них земли.

И поддались этим коварным интригам некоторые джигиты, стали нападать на соседей, гнать их из домов.

Защищались от них люди как могли. Помогали им воины, да было их мало, присланы они были из дальних краёв, не знали здешних мест и соседних народов, их обычаев.

Вот как-то раз опять налетел отряд на то местечко, где жила Лада. Воины стояли на страже, они успели собрать всех взрослых мужчин, вместе им удалось окружить непрошенных гостей. А тем некуда было деваться, и они засели в больнице.

Воины метким выстрелом в окно ранили брата командира отряда налётчиков. Дико закричал командир и бросился к брату.

Бросилась к раненому и Лада.

Тут встретились взгляды командира и Лады. В глазах командира были горе и гнев, а в глазах Лады жалость и доброта.

Тут закричали остальные джигиты:

- Керим! Мы в ловушке!

И навели они оружие на Ладу и больных. Тут Лада встала перед больными и спокойно сказала:

- Стойте! Я уговорю наших воинов отойти. И вы уйдёте. Не стреляйте, не убивайте никого.

Вышла Лада и упростила воинов побережь больных и отойти, а сама вернулась к больным. Керим строго приказал Ладе:

- Пойдёшь с нами! Вылечишь брата - отпущу.

Лада взяла лекарства, чистые тряпки и ушла с отрядом.

Загоревали родители, да делать нечего, стали ждать каждый день да надеяться, когда вернётся Лада.

Отряд ушёл в горы. Они скрывались среди деревьев, жили в палатках, охотились и варили еду на костре.

Лада лечила брата Керима. Она знала лекарственные травы. Шло время. Брат выздоровел.

Но вот Лада услышала, что отряд снова собирается напасть на её родное местечко.

И тогда Лада сказала Кериму:

- Послушай, Керим! Я вижу, как ты любишь брата. Тебя уважают в отряде. Ты храбрый джигит. Но ваши семьи остались дома одни, без поддержки мужчин. А вы тратите свои силы и здоровье, ваши жизни на войну. Раньше мы все жили дружно. Наши общие враги хотят, чтобы мы убивали друг друга. Послушайте не врагов, а своих матерей и жён, пожалейте своих детей. Идите домой, к своим семьям, работайте, делайте свою жизнь лучше, живите мирно.

Керим долго стоял и думал. Он был не только храбрым, но и умным джигитом. Не зря его выбрали командиром. И это он повёл отряд воевать. Значит, он больше всех виноват в этом зле. А разве он злее других? Нет!

Дома их с братом ждёт старая добрая мать. Всю жизнь она хранит очаг и мир в доме. Отец заболел от горя. Керим и его брат не женаты. Первым должен жениться старший брат, Керим. Он и дом уже построил, да невесту ещё не нашёл.

Керим был невысоким, но крепким, с глазами, чёрными как ночь.

Он смотрел на Ладу. Как хороша эта девушка! Добрая, смелая, она не побоялась пойти с ними ради того, чтобы вылечить больного. Умная и рассудительная, как понятно она всё объяснила Кериму про войну и мир. Такой девушки, с синими и ясными как день глазами, он нигде не встречал. В эти глаза всё время хочется смотреть.

Керим ушёл к костру. Отряд сидел за ужином. Кто-то ругался, кто-то угрюмо молчал, кто-то вспоминал жену и детей.

Керим спросил:

- Кто хочет домой?

Многие устали воевать и решили идти по домам.

Керим сказал Ладе:

- Я обещал отпустить тебя. Ты свободна.

Лада спросила:

- Как же я найду дорогу к дому?

- Брат мой, вылеченный тобой, проведёт тебя безопасным путём.

Несмотря на то, что Ладе предстояло возвращение домой, взгляд её сделался задумчиво-грустным.

На исходе первого дня пути девушка сильно утомилась, и младший брат Керима устроил привал. Он дал ей лаваш с сыром, подстелил свою верхнюю одежду, чтобы она могла поспать до рассвета, а сам сел у костра, охраняя спутницу, как велел ему Керим.

На другой, день, когда вдали уже виднелось родное местечко Лады, послышался топот копыт. Их настигал всадник. Спутник Лады насторожился, но вскоре узнал старшего брата. Керим соскочил с разгорячённого быстрым бегом коня, одобрительно похлопал младшего брата по плечу и обратился к Ладе:

- Ты лучшая девушка на свете. Будь моей женой.

И ответила Лада:

- Ты умный и храбрый джигит. Я согласна.

Отряд ушёл в свое селение.

Когда ночью, тайно, к ним опять пришёл человек от заморских гостей и снова стал их звать на войну, они не послушались его и прогнали вон. Они хотели снова строить дома, разводить скот и выращивать сады.

Керим усадил Ладу на белого коня с нарядной сбруей и повёл в местечко к её родителям.

Родители обрадовались, когда увидели дочку живой и здоровой. Все люди вышли из домов. Керим поклонился им, попросил прощения и пообещал, что никогда его народ не будет воевать с ними, будут дружить и ездить в гости.

Он попросил у родителей Лады разрешения на свадьбу. Родители были согласны с выбором самой Лады.

Они угостили Керима пельменями, блинами со сметаной и чаем с мёдом. Керим пригласил всех к себе в дом на свадьбу.

Его отец от радости выздоровел и достал бочку виноградного вина. Брат приготовил ароматный шашлык, а мать испекла пышный лаваш.

Три дня гуляли гости на свадьбе. Плясали и пели под музыку разных народов. И потом всегда жили в мире. И все знали, что помирили их Лада и Керим, да добрая воля всех других людей.

Тюмень

Лена ФРИК/ Елена ГУЩИНА

«КУДА ВЕДЁШЬ, ТРОПИНКА МИЛАЯ...»

эссе

*Моим родителям Фёдору Иосифовичу и
Анне Терентьевне Гуциным, посвящается*

«Куда бежишь, тропинка милая, куда ведёшь, куда зовёшь...» - Анна запела и всё, что ей мешало, что сковывало её в этом доме, куда прежде дальше порога не пускали, а нынче она с мужем сидит за накрытым столом, пусть даже накрыт этот стол по столь печальному случаю, как поминки.

Умер хозяин дома, с которым у Фёдора, мужа Анны, было общее увлечение – пчеловодство. Хозяйка, ранее надменная как английская королева, что подступить к ней, стоящей на крыльце, ближе, чем за десять шагов мало кто решался, вся сникла и казалась маленькой беспомощной девочкой в своём траурном одеянии. Она буквально умоляла пройти их в дом, такой уютный и тёплый, когда он был рядом, а теперь...

*«Кого ждала, кого любила я,
уж не догонишь, не вернёшь...»*

Просьба хозяйки, спеть что-нибудь, показалась Анне нелепой и не к месту, но глядя в её скорбные глаза, наполненные тоской и страхом перед одиночеством, Анна запела. Голос её, немного дрожащий вначале, наполнялся силой, идущей откуда-то изнутри, из самого сердца. Она прикрыла глаза, и вся отдалась песне.

*«За той рекой, за тихой рощицей,
где мы гуляли с ним вдвоём...»*

А песня звала, уводила за собой в поля пшенично-васильковые, где бежит, весело петляя, тропинка знакомая с детства. Еще девчонкой бегала по ней на ферму, где работала телятницей в военные годы. Много видела эта тропинка, много тайн хранила она да рощица, что раскинулась на берегу горной речушки.

*«Плывёт луна – любви помощница
напоминает мне о нём...»*

До гуляний, до любви ли было в те тяжёлые послевоенные годы?! Но была, была любовь! Будто по жемчужине из шкатулки памяти вынимает Аннушка свои воспоминания вместе с песней. Вот она простая девчонка, ещё немного нескладная, а рядом паренёк вихрастый пытается объясниться, что-то мямлит, краснеет. Первая любовь. Как давно всё это было, но было же!

И вдруг! Словно обрыв киноплёнки в старом кино, а кинемеханик по ошибке склеил её с другим сюжетом.

*«Была девчонка я беспечная,
от счастья глупая была...»*

Сватовство, свадьба. Вошла в дом нелюбимая к нелюбимому. Родителям мужа нужна была работница. Выбор пал на Анну. Скромная, работающая, да, к тому же сирота. Где она теперь её беспечность девичья?! Затерялась на той тропинке, что бежит, петляя вдоль речки по полям пшенично-васильковым.

Анна пела, а рядом он, её Фёдор сидел притихший, задумчивый. Видимо тоже вспомнилось что-то свое сокровенное.

Как они прожили эти годы? Всякое бывало – и хорошее, и плохое. Трудились, детей растили. Два старших сына уже свои семьи имели, средняя дочь уж на выданье, младшая – школу заканчивает. Всё было, но вот, как поёт её Фёдор, за двадцать с лишним лет Анне так и не удалось услышать. В молодости играл на балалайке. По гулянкам с девками бегал, пока не сломали ту балалайку на очередной гулянке.

*«Ох, ты, печаль моя безмерная,
кому пожалуюсь, пойду...»*

Анна пела. Пела она о той любви, что осталась там, в далёкой юности, или о той, что пришла с годами, с рождением детей, а их у неё было четверо, о той любви, что всегда жила в её сердце и помогала ей в трудные моменты её жизни.

*«Куда, куда, тропинка милая,
куда зовёшь, куда ведёшь...»*

Подхватывает вдруг Фёдор и уверенно ведёт и песню, и её, Аннушку, по дороге их жизни, куда бы эта дорога ни вела.

ДОРОГА

эссе

Девочка всё бежала и бежала. Она бежала из последних сил, не замечая, что сзади не слышен звук шагов, бегущих за ней подростков. Она не слышала их улюлюканья, но их голоса звучали в её сознании и отдавались острой болью во всём теле. Ей казалось, что этой дороге не будет конца, а ведь она её так любила: дорогу, по которой она ходила в школу уже восьмой год. Она всегда была разная – эта дорога.

В тот день, когда она шла в школу в первый раз, дорога была такая тёплая и праздничная, не смотря на пыль, которая порой доходила до щиколоток, и приходилось выбирать тропинки по обочине, где пыли было меньше. Дорога была очень длинной и вместе с тем очень короткой, хотелось идти и идти по ней в новом синеньком форменном платье и белом кружевном фартуке с огромным белым бантом в косах, чтобы все видели какая она нарядная и как ладно сидит на ней новое платье, которое мама ей сшила сама! Она шла, гордо ступая, с огромным букетом цветов, который ей закрывал обзор и немного мешал, но она никому его не давала нести. Вот из-за этого букета всё и случилось. Девочка неожиданно споткнулась и упала лицом прямо в тёплую пыль, которая подняла вокруг неё лёгкое светло-коричневое облачко и мягко осела. Девочке не было больно, а что она чувствовала при этом, передать невозможно! Но даже эта неожиданность, которая случилась на этой такой тёплой дороге, не испортила ей праздничного настроения, а если и испортила, то ненадолго. Пять минут громкого плача и она, уже не такая нарядная, несмотря на старания сестры, готова была идти дальше. Быстренько отряхнув пыль с одежды, оттерев с лица грязные ручейки слёз, они двинулись дальше. Букет был слегка помят, но она крепко сжимала его своими ручонками и была счастлива подарить его своей первой учительнице.

Учительница выслушала историю с падением, тепло улыбнулась и сказала, что на дороге жизни ещё и не такое случается. Главное – всегда находить силы подняться и идти дальше. Такою дорога была в её семь лет.

Девочка подрастала. С дорогой тоже происходили перемены в лучшую сторону. Её засыпали гравием, плотно укатали и пыли теперь на ней почти не стало. Она, конечно, не была ещё ровной и

гладкой, какими бывают дороги, покрытые асфальтом, но идти по ней стало гораздо приятней. Девочка знала на этой дороге все ямки и выбоинки, все подъёмы и спуски. Они были знакомы давно: девочка и дорога. Дорога стала свидетелем её радостей и неприятностей, взлётов и небольших «падений». Девочка училась хорошо, но вот тихоней никогда не была. Любила пошалить иногда, но всё – в меру! Да чего только не происходит во время учёбы в школе! Тем школьные годы и чудеснее, чем больше приключений! Первые экзамены, первые пятёрки, первые ссоры с одноклассницами и одноклассниками, бурные примирения, сбор металлолома, первый вечер в школе, первый понравившийся мальчик...

Он появился в их посёлке летом. Быстро «влился» в их дружную компанию. Вместе лазили по чужим садам за фруктами, играли в «казаки-разбойники», обсуждали прочитанные книги, а книг в то время читали много. Всё делали вместе, но она всё чаще стала замечать, что он старается уделять ей всё больше внимания. Ах, лето, лето, как же быстро ты пролетаешь! Она смутилась, когда он предложил первого сентября в школу идти вместе, но согласилась. Так её дорога познакомилась с ним.

Его распределили в параллельный класс, но он старался каждую перемену разыскать её, чтобы тайно вложить в руку записку. Какие могут быть тайны в школе?! Вскоре все их сверстники обсуждали их дружбу, девчонки завидовали. Она гордилась тем, что у неё такой друг, который ждёт её после уроков, несёт её портфель, не обращая внимания на разговоры. Дорога просто ковром стелилась под их ногами, когда они рука об руку шли по ней! Ничто не предвещало беды, но всегда в любой школе найдется девочка красивее...

В один не очень прекрасный для неё день он взял портфель другой девочки...

Ей хотелось, чтобы дорога разверзлась у них под ногами, но ничего не происходило. Они спокойно удалялись от неё по дороге. Она пошла домой одна другой дорогой, не очень удобной для неё, но идти одной дорогой с ними ей не хотелось.

Время лечит, а юность просто заживляет раны. Она старалась забыть его или просто не обращать на него внимания. На первом месте была учеба! Она снова спокойно ходила по дороге в школу и возвращалась домой, иногда правда могла себе позволить другой путь. Они будто вращались в параллельных мирах. Главное не

допустить столкновения этих «миров», чтобы не произошло катастрофы. А столкновения иногда случались.

После уроков она вышла из школы и по дороге пошла домой. Сзади неё шла стайка ребят её сверстников и классом помладше, среди них был он. Что с ним случилось в тот день? Может быть, поссорился со своей подружкой? Она не поверила своим ушам, когда услышала в свой адрес насмешку и смех сопровождавших его подростков. Сделав вид, что не слышит, она продолжала идти, а в душе её зарождалась паника. Подростки сзади вошли в раж и уже кричали, чуть ли не хором. Стыд, отчаяние, паника – всё смешалось, закружилось вихрем в голове, отозвалось такой болью, будто внутри разорвалось что-то на тысячи острых осколков! Она побежала. Она бежала и ненавидела эту дорогу такую длинную и прямую, что не спрячешься ни за каким поворотом. Да и кто может угадать, что ждёт его там, за поворотом.

Не знала и она, что пройдет несколько лет, он повзрослеет, попросит прощения за все причинённые обиды, и она его простит с лёгким сердцем.

А дорога? С её дорогой тоже произойдут изменения. Её заасфальтируют, заровняют все ямки и выбоины. Девочка, пока ещё совсем не повзрослеет, успеет побегать после дождя по лужам по тёплому асфальту. Взрослеть они начнут вместе. На дороге появятся новые ямки-выбоинки, но это уже будут не её ямки. Дорога жизни позовёт её за собой и уведёт в другие края, где будут другие дороги со своими спусками и подъёмами.

Тюменская область, г. Заводоуковск

Тамара Вахрушева

ПРИЁМЫШ

рассказ

Август. Предраассветная тишина. Тягучим молоком над рекою стелется туман. Ивы нежатся в утренней прохладе, низко наклоняясь над водой. Воздух наполнен ароматом яблок и спелой малины. Бледный месяц, прощаясь с ночью, медленно исчезает в отблесках утренней зари. Вот-вот вырвется первый луч горячего солнца. А пока, всё наслаждается утренней прохладой. Запоздало запел петух, забренчали подошники, уныло замычали коровы, заблеяли овцы.

В доме Петра уже давно никто не спит. Жена его, Фрося, с вечера мучается в схватках. Пётр и Ефросинья седьмой год как поженились, в доме было всё – и лад, и достаток. А вот деток Бог не давал. Истошный крик и плач ребёнка разорвали тишину. Во двор выскочила повитуха:

- Ну что, Петро Михайлович, сын у тебя! Пётр, вздохнув с облегчением, перекрестился:

- Ну, слава Богу, – тихо прошептал – сын Андрейка.

- Как же быстро летит время – думал Пётр, сидя, на чисто выскобленном чилигой, крыльце. В воротах показался взъерошенный, с утра немного в подпитии, Кондрат. К нему жался, такой же грязный и оборванный, старший сын Васютка. Вот уже две недели, как Кондрат схоронил жену и новорожденного сына, оставшись вдовцом с четырьмя ребятами, в полуразвалившемся доме, вокруг которого ни кола, ни двора. Хозяин из Кондратия получился никудышный. Семья жила впроголодь. Жену его, Анну, часто видели битой, но она никогда никому не жаловалась. Так тихо и ушла из жизни.

Подойдя к Петру, Кондратий, смеясь, заговорил:

- Ну что Петро Иванович, заскучал? Видать мало мочи у тебя шабер (сосед), только одного Андрейку и сумел смастерить. А я вот своих ребят и не считаю.

- Не досадуй! – гаркнул на него Пётр. – Лучше бы себя и парня образил (умыл), как был нехолюда (неряха), смолоду, так и остался. Сказывай, зачем явился? С утра выпить не дам!

- Не кипятись ты, Петро. Я к тебе по делу.

На крыльцо вышла Фрося. Васютка подошёл и прижался к ней. Васютка целыми днями бегал с Андрейкой. Фрося жалела хиленького парнишку, часто оставляла обедать, и радовалась, как он уплетает щи да запивает молоком. Ведь в семье Кондратия ещё зимой пала корова. Да и как не пропасть, с ползимы Кондратий солому гнилую с катуха сдирал, да скотину ею кормил. Тяжело вздохнув, Кондратий разговор повёл:

- Ты, шабер, зла на меня не держи. Я, вот что пришёл, может, ты возьмёшь Васютку ненадолго? Малых-то я в Александровку к тётке увёз, а этот ни за что не остался стервец со старухой. А сам хочу на заработки в город податься.

Из избы вышел заспанный Андрейка. Услышав разговор, взмолился:

- Соглашайтесь, маманя, тятя. А ты что молчишь?

Фрося, тяжело вздохнув, развела руками:

- Ну что же, тогда баню надо топить, да вшей ему дустом выводить. Пётр, помолчав, добавил:

- Оставляй. Чай кусок найдётся ему. Да и руки в хозяйстве не лишние.

Кондратий, с облегчением вздохнув, потрепал сына по голове и, не оглядываясь, будто боясь, что передумают, торопливо ушёл со двора.

Парни быстро подрастали. Пётр часто задумывался, что он не так сделал, где проглядел. Ведь Андрей и Василий в одной семье растут, а вот ни к чему у Василия душа не прикипела. Учиться не хочет, по хозяйству не помогает. Андрей, наоборот, во всём порядок любит, а уж как за скотиной ходит – любой мужик позавидует. За какую работу Пётр не возьмётся, Андрей всегда на подхвате. Василий всё возле матери трётся. Она его жалеет – лучший кусочек ему, уж больно он сухонький растёт. Совсем испортила парня.

Андрей сдружился с Мишей Юшиным. У Юшиных была крепкая семья. Дед Ярмоня держал пасеку, снабжая селян душистым мёдом. Мальчишки целыми днями пропадали на пасеке, помогая деду. Но вот одна беда – у Миши было две сестры. Двухлетняя Ниночка, которая от матери ни на шаг не отставала. Да Шурка – уж как она Андрею и Мишке мешала. Худющая, тонконогая с чёрными длинными косами. Куда бы они ни пошли, она везде с ними увяжется. А если на дальние ручьи в степь шли гольянов ловить, приходилось её на закорках тащить. Ох, и ненавидели они эту Шурку.

Один раз Мишка предложил Андрею:

- Давай её обманем. Чтобы у неё живот заболел, в стакан с водой нальём керосину и заставим выпить, пригрозив, если не выпьет, не возьмём с собой. Шурка с рёвом немного выпила. Услышав рёв и узнав в чём дело, Мишкин отец схватил кнут и уж как выпорол их, что на утро вся спина огнём горела. А Андрею ещё и дома от отца досталось. После этого Шурка за ними больше не бегала.

Как-то весной все мужики в поле работали, вдруг Андрей услышал истошный крик матери. Она бегала по двору, причитая. (Андрею в то время пятнадцатый год шёл. Он рос крепким коренастым парнем. Рыжеволосый, кудрявый с голубыми глазами. Вылитый, тётка Ганя, отцова сестра.) Супоросая свинья визжала. Мать гоняла палкой по двору чужую собаку, которая напала на свинью и порвала ей брюхо. Андрей впервые закричал на мать.

- Ты- то чего орёшь? Давай шило да нитку суровую.

Мать и Васька прижали к земле истекающую кровью свинью. Андрей, ловко прокалывая шкуру шилом, зашивал нитками брюхо свиньи. Кровь потихоньку перестала бежать. Свинья затихла тяжело дыша. Андрей по-мужски размашисто вымыл в бочке руки. Отряхнув воду, присел на порог. Фрося, с удивлением отметила, какие крепкие у него руки. И как же она раньше не видела, что он так повзрослел.

Наутро свинья уже ходила, хрюкая по двору, а через две недели благополучно опоросилась. После этого случая, как у кого скотина заболает, или корова не может растелиться, все бегут за Андреем.

Василий всё больше ходил в Правление, вскоре его отправили на курсы. Поставили в Совете стол для него. Часто выступал на собраниях, ездил по колхозам, вернее – организовывал их, разносил нерадивых работников. Сельчане его как-то не любили, особенно, кто постарше был. Чему Васька научит? В армию его не взяли – комиссовали из-за грыжи.

Андрей выучился на ветеринара. После армии начал работать в своём селе, ездил с утра до ночи по отделениям.

Василий часто стал выпивать, сквернословить. С Петром их совет не брал. Вскоре Василий перебрался в Совет, где ему выделили комнатку.

Шурочка, Мишкина сестра, так изменилась, что после армии Андрей едва её признал. Перед ним предстала высокая, стройная красавица. Глядя на неё, Андрей смущался, особенно когда она

подбегала, и игриво хохоча, гладила его по кудрявой голове. Ему хотелось прижать её к себе и никогда не отпускать. Вечерами, после кино, в клубе на танцах. Андрей коршуном кружил возле неё, отгоняя всех. Вскоре заявил отцу:

- Пойдём свататься.

Невестка была желанная в доме. Вскоре сыграли свадьбу. Молодые жили с родителями. Шуручка оказалась хорошей хозяйкой. Вечерами к ним заходил Василий за молоком и хлебом, всё чаще пьяный, угрюмый. Отец у Васьки больше так и не появился. Вскоре у молодых родились близняшки – Вера и Люба, а через год сын – Пётр.

Василий стал грозой села. О каждой провинности сообщал в район, обещая всех сгноить. Вступив в партию, совсем озверел. Местные девчата его сторонились. У всех ровесников были семьи, а он всё ходил холостым. Как то ранним утром, ещё в потёмках. К Петру зашла заплаканная Груняша. Жила она вдвоём с дочкой Ольгой. Несколько лет назад Груняша схоронила мужа – Фёдора, смерть его потрясла всю округу, как-то весной, крепкий, молодой ещё Фёдор, приехал с работы, был он и трактористом, и шофёром, в любой технике разбирался. Прилёг с вечера, Груняша управилась со скотиной сама. Пожалела его, будить не стала. Наутро, Фёдор не встал. Груняша начала его тормошить, но он не шевелился. Послала Ольгу за фельдшерницей, та, осмотрев его, сообщила:

- Видно сердце. Умер Фёдор.

Стояла весенняя жара, а он лежал в гробу, как живой, на третий день, к полудню Фёдора схоронили. Все пошли к Груняше на поминки, её, полуживую, вели под руки бабы, выли, ребяшня остались на кладбище, надеясь на могилках найти сахарок ли сушки. Вдруг, как испуганная стайка птичек, они с диким криком, побежали с кладбища, крича, что покойники ожили. Мужики вернулись посмотреть, чего ребяшня испугалась. И в ужасе, услышали крики и стоны из могилы Фёдора. Побежали за лопатами. Пока открыли гроб, Фёдор, с содранными ногтями, измученный, не похожий на себя, был мёртв.

Груняша после этого, так и не оправилась. Жила тихо, одиноко. Обшивала сельчан на дому и Ольгу к этому приучила. Девка у неё была красивая, вся в отца. Глаза – голубые, волосы – светлые, тёмные брови, будто с картины сошла.

Фрося налила чаю.

- Рассказывай, Груня. Что стряслось у вас? Груня зарыдала шепча:

- Что делать-то будем? Ваш Васька над Ольгой снасильничал. Дитё она от него паскудника, ждёт. Пётр, побледнев, вышел из-за стола. Схватил кнут, дойдя до ворот – бросил его и пошёл в Совет. Шёл, не поднимая глаз, будто никого не видел. Мужики вслед упрекали его:

- Вот ведь подобрал, вырастил приёмыша себе на беду, и всему селу жизни от него нет. Уж лучше бы он сгинул, как его непутёвый родитель.

Васька важно сидел за столом. Увидев Петра, спросил:

- Чего, батя, с утра припёрся. Заняться что ли дома не чем?

- Ты, что творишь, паршивец, – тряся за грудки, спросил Пётр – и молчишь? Бить тебя надо было, а не блинами кормить.

- Ну, ты, полегче, со мной. А то кабы чего не случилось – заржал Васька.

- Ишь, бабу пожалели.

Свадьба получилась совсем невесёлой, гости шушукались:

- Что-то Ольга располнела. Жених быстро напился начал орать, обещая вывести всех на чистую воду. Сжимая кулаки,

- Вот вы где у меня все! Пётр попытался уговорить его предложил выпить за молодых. Мать тоже пожелала молодым:

- Жалеть да уважать друг друга. Вот мы вам с отцом дарим пять курочек да петуха. Пётр встал из-за стола

- А ещё, Василий Кондратьевич, дарю тебе тёлку, - дремавший Василий, услышав эти слова, медленно поднялся из-за стола. Глаза его пылали яростью, он подошел к Петру схватил его за грудки. За столом все замерли.

- Мне тёлку, а Андрею помнится корову дойную!

Пётр с силой оттолкнул и ударил Василия:

- За молчи, щенок, где бы ты сейчас был? Отскочив, Васька заорал:

- Я тебе покажу щенка! Вы ещё все меня узнаете! Схватив испуганную Ольгу, выскочил из избы. Наутро, вроде бы, все уговорились, гости пели и плясали. Василий, как ни в чём не бывало, обнимал мать и отца, шутил, угощал гостей. Ближе к вечеру, Василий, из-за стола прихватив бутылочку самогона, ещё раз обнял мать, отца, Андрея с Шурой. И как-то недобро глядя, произнёс:

- Спасибо вам за всё, и за тёлку тоже. Пойдём мы домой.

Дом ему, как партработнику, почти достроили, но пока они жили в Совете. Гости понимали, от Васьки доброго не жди. Всё село запугал.

Вскоре Ваську перевели в район. Ольгу он пока оставил с матерью, редко навещая, обычно пьяный.

На этот раз опять приехал пьяный, и весь день куролесил по деревне, а вечером, уже не первый раз, избив Ольгу, завалился спать. Ольга, дождавшись темноты, с Груняшей прибежали к Петру.

- Помоги ты, ради Бога, ведь добыёт он её вместе с дитём. Изверг, чисто Кондратий.

Пётр, увидев стонущую, всю избитую Ольгу, схватил вожжи и пошёл к Ваське. Тот спал. Когда Пётр прошёлся по его хребтине вожжами. Васька, соскочив, попытался отобрать вожжи. Зашипел:

- Ну, ты, мне за всё заплатишь.

Наутро Груня с Ольгой, чуть свет, ушли домой, всё вроде утихомирилось. Васька, протрезвев, уехал в район.

Прошло два дня. Рано утром Пётр управлялся со скотиной, когда ко двору подъехала машина, двое в форме попросили Петра пройти с ними. Фрося заголосила:

- Куда же вы его?

- Скоро вернётся, - буркнул один.

К вечеру Пётр не вернулся. Андрей с Мишкой поехали в район, узнать, за что отца забрали. Там оказалось, что распоряжения на этот счёт, ни от кого не было. Ищите сами.

На другой день Петра, километрах в десяти от села, нашёл пастух. Тот лежал на спине, широко раскинув руки, с открытыми глазами, словно смотрел в небо, на затылке запеклась кровь, видно кто-то тяжёлым его по голове ударил.

На похоронах Васьки не было, всё село гудело, что это Васька убил Петра. Наутро, Ольга родила недоношенного мальчонку. Сообщили в район, что у Васьки сын родился. Но он так и не приехал.

Ольга жила потихоньку с матерью, парнишка был похож на Ваську, такой же сухонький, да видно что-то в нём было доброе от деда Фёдора. Ваську часто видели пьяным в районе.

Прошло года два, говорили, что нашли его замёрзшим, в районе и схоронили. Ольга вышла замуж. Васькин сын, Иван, не в пример отцу, рос покладистым мальчиком, вскоре Ольга родила дочку – Наталью. Так всю жизнь в селе и прожила. Андрей работал ветеринаром, Ефросинья жила с ними. Мишка женился и уехал в город, работал на заводе. О приёмыше, как о злом роке, вскоре сельчане забыли совсем...

Тюменская область, г.Ялуторовск

И назовёт меня
всяк сущий в ней язык...

Николай ШАМСУТДИНОВ

(литературно-художественные переводы)

К 135 –летию со Дня рождения Габдуллы Тукая

ВСТУПАЮЩИМ В ЖИЗНЬ

Я знаю, дети, как тоска вас на занятиях томит,
Как бремя школьного труда вас,
без сомненья, тяготит.

Бывало, так и я скучал в далеком детстве, вздох тая,
И в поиске иных дорог металась тщетно мысль моя.
Прошли «тяжёлые года». И вот мечта моя сбылась:
Я повзрослел,
и школьный мир вдруг надо мной утратил власть.

Открылись вольному пути: подумал я, во вкус входя, -
Вот радость!

Жизнь передо мной, и с ней теперь натешусь я.
О, как я буду петь, играть, смеяться и шутить с судьбой,
Долг за «неволю» школьных лет, поверьте мне,
верну с лихвой.

Пошёл я жизненным путем: мне все преграды нипочём!

Но ни свободы, ни утех не вижу на пути своем.

Я не могу идти! Увы, нет радости в таком пути,

И ноги ноют, как на грех, отказываются идти.

А призрак счастья манит вдаль

и властно требует спешить...

Но среди ошибок и потерь

я всё ж познал, что значит – «жить».

Жить — неустанно мир творить,

искать, труда не прерывать,

И в прилежании своём позора лени не знать.

И каждый должен жизнь пройти
по самой трудной из дорог,
Творцу, народу своему исконный возвращая долг.
Я счастлив тем, что я могу идти по этому пути,
Ведь самый верный в мире – он! Я только им хочу идти.
Но если вдруг устану я, запнусь, уже готов упасть,
Разочарованно вздохну на полпути остановясь,
Я тотчас вспомню светлый класс,
своих наставников, друзей,
И к школьным дням помчусь стремглав
на крыльях памяти моей.
Вновь о «неволе» школьных лет тоской душевною горю:
«Зачем я вырос, стал большим?» -
с тяжелым вздохом говорю.
Зачем мой школьный мир святой далёк,
вздыхай иль не вздыхай?
Зачем я больше не Апуш, зачем зовусь большой Тукай?

(Перевод с татарского Николая Шамсутдинова стихотворения из сборника: Тукай Г. Избранное: Стихи и поэмы/Габдулла Тукай; Сост. Г.М.Хасанова, С.В.Малышев. – Казань: Татар. кн. Изд-во, – 2006. – 192 с.).

УЛИЦА ДЕТСТВА

Я часто представляю, как на гребне
Минувших лет, в накрапах седины,
Вернусь я в тот далёкий вечер летний,
Где спит калитка в кущах тишины.

Тревожные глаза, глаза солёные,
Стеснённое дыхание в груди...
Я руку подаю: «Прими, зелёная!
Оставленная улочка, прости!

Дай руку, вольно пахнущую травами...»
Не узнавая, та глядит светло.
Уже давно живёт иными нравами
Прибывшееся к городу село.

Другое детство на просторных улицах
Здесь оглашает криками возню,
Лишь изредка в толпе – что тут хмуриться! –
Я сверстников забытых узнаю.

«Узнай меня, нам данная в наследство!»...
Очарованье верности храня,
Ведёт меня звонкоголосым детством,
В улыбках окон, улочка моя.

Поёт арык, давно прорытый другом,
Врачуя душу свежестью, речист...
А в вышине – взметённой в небо туго
Акации смеётся каждый лист.

И груша, что сажал я, плодоносит.
Спасибо, брат, её спасавший в осень!
Протянутые ветви пожимаю,
«Давай-ка жить, не старясь!» – призываю...

ВКУС ЗЕМЛИ

Один сказал:

«Прекрасна ты, земля!»

Другой добавил, что бедна на запах...

Тогда откуда, восклицаю я,

Вкус дынь

в горячих солнечных накрапах?

Она растёт,
 где в землю втиснут след
Осиротевшей
 матери солдатской.
Лгут, что горьки,
 земля,
 твои поля,
В той лжи
 сердца их пресные повинны.
В тебе,
 как в честном зеркале,
 земля,
Видны
 сердец и наших дум
 глубины.

НА РАССВЕТЕ

баллада

В мире – солнце и тишина.
И в дорогу – вот она, близко! –
Все тропинки сошлись... Одна
Замирает у обелиска:
Помнят воина земляки,
Возведён обелиск их руками...
На рассвете выпускники
Окружили безмолвный камень:

Пламенеют цветы на нём...
Наша память любви и гнева
Прорастает в сердцах огнём,
Обелиски, вздымая в небо.

Откуда ты,
прекрасное дитя?

Нина ЛЕКСИНА

ПРИРОДА – БОЖИЙ ХРАМ!

Дорогой мой, юный друг!
Оглянись скорей вокруг
На страдания природы.
Глянь – кругом лежат отходы:
Горы мусора, что массы,
И стекло, и хлам, пластмасса;
Батареек – разноцвет-
Разлагаются 100 лет...

Любишь ты жевать резинку,
Не бросай же на тропинку:
Ей ведь нужно 30 лет
Разложиться, чтоб *на нет*.
Грудами блестят бутылки,
Будто лысые затылки.
Можно ум свой приложить,
Чтоб бутылкам жизнь продлить.
Что придумать? – Поливашки
И гантели, обливашки
И подставки, грелки, блюдца,
Хоть бросай – не разобьются!

От бутылок – много бед:
Не исчезнут «тыщу» лет.
И пакеты всем во вред,
А когда-то были *brent*.
Даже детям стало ясно:
Полиэтилен – опасно!
Детский маленький подгузник
300 лет в земле, как узник...
Что воняет, точно псина? –
Это яды – диоксины.

Солнце, воздух и вода
Разлагают не всегда.
У природы нет отходов!
Нет и мусоропроводов.
Всё рассчитано навек,
Вред приносит – человек!

Мусор надо разбирать,
В «свой» контейнер отправлять,
Колоситься, чтоб хлебам!
Вся Природа – Божий Храм...

ПОЧЕМУ БОБРЫ ДОБРЫ?

Почему бобры добры?
Почему они храбры? –
Потому что строят хаты,
Мастерством своим богаты.
Из чего же дом бобра? –
А из всякого «добра»,
Что бросают люди в воду –
Мусор водит хороводы...
Умный, маленький бобер!
Он ручей бревном подпёр –
Образуетя запруда,
А в пруду творится чудо!
Разной живности не счесть:
Норки, выдры даже есть.
Здесь, в очищенной водице,
Каждый может поселиться:
И жучок, и червячок
Рыбкам метят на крючок.
Прилетают гуси с юга,
Лось бредет купаться с луга.
Где бобер, там жизнь кипит –
Где вода, там лес стоит!

ГОРЕ - ГРИБНИКИ

В лесу, на берегу реки,
Костер сложили грибники.
Грибов набрали – отдыхали,
Картошку в пепле запекали.
Ушли потом, забыв про стыд,
Глядь – за спиной огонь горит:
Остались угли от костра –
Вернитесь – самая пора!
В лесу огонь – для всех беда:
Бегут зверушки – кто куда!
Вороны каркают: «Кар-кар,
Спасите нас – лесной пожар!»
Засуетились муравьи...
– Сгорят припасы все мои, –
Ворча, забился в землю крот, –
Деревья вспыхнут все вот-вот!
Вернулись горе - грибники,
Набрали воду из реки,
Перепугались не на шутку.
А как тушить? – Схватили куртку...
Один бежит, сбивая пламя, –
Огонь раздуло, будто знамя.
Другой канаву стал копать,
Огонь землей чтоб закидать!
Мой друг, пора бы уяснить:
В лесу огонь
НЕ РАЗВОДИТЬ!

НЕ ГУБИ БЕРЁЗКУ!

На пригорке, у ручья, –
Стройная берёзка.
Да, она была *ничья*
И роняла слёзки...

– Отчего же плачешь ты,
Милая берёза,
Может, – грустные мечты,
Потому и слёзы?

– Как не плакать мне? Скажи.
Рана истекает...
Вот ещё один бежит –
Имя вырезает,
На моей ли на груди
Сердце, стрелы режет –
Не могу сказать: «Уйди!
Кто меня утешит?».

Я на ветку прикреплю
Белую полоску,
Напишу на ней: «Люблю!
Не губи березку!».

ОЧНИТЕСЬ, ЛЮДИ!

В океане слышен стон,
Неужели – это шторм?
Что это? Темнеют льдины?
– Нет, то мечутся дельфины...

Это чудо иль беда?
Будто кипяток – вода.
То бурлят, то стонут волны,
Слёз глаза дельфинов полны.
На поверхности воды
Мусор плавал – для беды:
«Суп» из пластика, бутылки
И пакеты, как снежинки.

А пакет дельфин глотал
И в мученьях умирал...

Он их принял за медузы,
Так блестели – белопузы.

Я прошу: «Очнитесь, ЛЮДИ!
ЖИЗНЬ для всех счастливей будет!»

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Вечер усталый стоит у двора –
Спать малым деткам пора.
Ветер уснул, почему ты не спишь?
Спи, засыпай, мой малыш.

Птичек умолкли уже голоса.
Пала на землю роса.
Дом наш уснул, почему ты не спишь?
Спи, засыпай, мой малыш.

Месяц румяный не спит за окном –
Зорко следит он за сном.
Кот наш уснул, почему ты не спишь?
Спи, засыпай, мой малыш.

Глазки закрой, нежно мне улыбнись,
Сладко во сне потянись.
Входит на цыпочках сон: «Ты не спишь»?
Спи, засыпай, мой малыш.

МАТУШКИН НАКАЗ

сказка

Было у матери Природы четыре дочери, красавицы и умницы: Весна-Красна, Лето-Румяная Зорька, Осень-Златовласка и Зимушка-Синеглазка.

Весна-Красна, младшая из сестер, листья на деревьях распускает, ручьями звенит. Заглянет в медвежью берлогу: «Вставай, лежебока!». Песни звонкие поёт птичьими голосами, а то

вдруг обернётся пёстрой бабочкой и порхает над лугами да травами. И всё живое Весне-Красне улыбается и радуется...

Лето-Румяная Зорька раньше всех встаёт – позже всех спать ложится. Повелевает грому греметь, а молниям – сверкать. А то вдруг дожди-ливни прольёт. Умытая земля небу кланяется, а небо в реки да озера, как в зеркала, смотрится. Диковинными плодами украшает деревья и кусты. И все довольны: и стар и млад...

Златокудрая Осень – жар-птица, колдунья рыжая, весь урожай свой наперечет знает – щедра и богата, обо всём живом печётся. А чуть что не по ней, бровь рыжую нахмурит, холодом вдруг повеет – держись!..

Зимушка, синеокая раскрасавица, холодна, неприступна, а порою и сердита бывает. Дружит с морозом да вьюгами и буранами. Далеко живёт, в ледяных чертогах. Деревья в белые шубки одевает, сугробы белые намечает, узорами замысловатыми расписывается на окнах, щёки людские румянит, праздниками обольщает. Волшебница – да и только!

Жили сёстры, не тужили, а меж собой не дружили...

Особенно лютовала Зимушка: то Весну-Красну за щёчку ущипнёт, то Осени-Златовласке в кудри снега накидает. Глянула как-то раз Зимушка на сестрицу Осень: хороша – нечего сказать, статная, зеленоглазая, златовласая. А главное – несказанно богата. Весна-Красна да Лето-Румяная Зорька на неё работают. А она, знай себе, урожай готовый собирает да в закрома складывает. И решила Зимушка Осени досадить.

- Давай с тобой дружить, – говорит она.

- Давай! – соглашается гостеприимная Осень.

Пришла Зимушка в гости к ней с подарком: бросила меховую телогрейку – посыпался ледяной дождь и град. Встревожилась Осень – и к Солнцу – за помощью:

- Солнышко, милое, светлое, растопи град, обрати в грибной дождь: урожай ещё не весь собран.

Улыбнулось Солнце, подмигнуло рожим оком, потрянуло огненной гривой и так ярко просияло над лесом, что грибы один за другим так и полезли из-под земли. То-то людям радость – лукошки и вёдра полны грибов! Рассердилась Зимушка и ушла восвояси.

Только вскоре опять надумала она прийти к Осени в гости.

- А я к тебе, сестрица, опять с подарком, – коварно улыбаясь, бросила она белоснежную шаль-паутинку. Полетели снежинки-

пушинки, одна холоднее другой, и рябинки тут же надули свои коралловые губы от обиды.

- Солнышко, растопи снежинки: плоды ещё не все поспели, птахи и зверушки чем питаться будут? – снова просит о помощи Осень.

Ничего не ответило Солнце, но опустило на землю тёплые лучи – растаяли белые снежинки, будто их и не бывало. А золото на деревьях так и заблестало.

- Собирайте, люди, мои дары. Птахи и зверушки, делайте припасы на голодные дни! – возликовала Осень-хозяйка. И на этот раз отступила Зимушка к своим ледяным чертогам: дружбы не получилось.

В третий раз, тёмной ночью, явилась незваная гостья Зимушка, а вместе с ней братец Мороз и тучки-подружки снежные. Засеребрились осенние травы и кусты, а на деревьях льдышки-бусы зазвенели: дзиль-дзилинъ... Поздние цветы один за другим умирали от морозных поцелуев. Хмурые тучи полонили небо, заслоняя путь Солнцу.

- Солнце-Солнышко, помоги мне, – зывала Осень о помощи, но оно лишь на миг выглянуло из-за туч и на прощание помахало ладошками-лучами.

Взмолилась Осень, встав на колени:

- Матушка Природа, пошли ещё солнечные денечки – пусть люди порадуются!

- Полно вам, дочери, вздорить. Вышло твоё время, Осень. Пусть теперь люди отдохнут от забот, а ленивому да сонливому всегда времени мало. Без Зимушки-Зимы теперь не обойтись – всему свой черёд, – ответила мудрая мать. Ласково погладила она поседевшую за ночь голову дочери, и осыпались листья-кудри, застелили озябшую землю ковром. Обернулась Осень жар-птицей и улетела...

Призадумалась Природа-мать: Осени конец, а Зиме – венец. И превратила своих дочерей в четыре времени года: зиму, осень, лето и весну. И каждое время года с той поры вступает в свои права в назначенный день и час.

Бывает, и сейчас нет-нет, да и заспорят они меж собой, а потом, глядишь, и помирятся, помня матушкин наказ: «Дружбы не знать – добра не видать, а спор до добра не доводит».

ХМАО-Югра, Нижневартовск

Ольга ГУБИНА

ОТВАЖНЫЙ ТИГРЁНОК

сказка

Далеко – далеко на Востоке, у подножия суровых гор Сихотэ-Алиня жила тигрица по имени Смелая. Было ей уже лет восемь, по тигриным меркам, уже довольно пожилая дама. Смелая в этом году утеплила своё логово особенно тщательно, она ждала котят.

И смутно чувствовала, что это будут её последние котята, тревожное чувство одолевало тигрицу, она чутко подёргивала ушами, фырчала во сне. Тяжело давалась и охота. Уставала быстро. Порой приходилось вместо косули или кабана обедать барсуком или зайцем, а то и рыбой.

В её угодьях сейчас редко попадались изюбри или олени. Всё чаще пахло дымом и человеком. Тайга съезживалась, за территорию всё чаще приходилось драться с другими тигрицами. Где-то неподалеку были владенья Яростной и Лютой, но тигрицы старались не встречаться, только по запаху они знали друг друга. Старый тигр, отец их котят, бродил у берегов величавого Амура.

Этой ночью Смелая беспокоилась сильнее обычного, искала место, что бы улечься поудобнее. А к утру появился котёнок, крохотный, он тихонько мяукал, тыкался мордочкой в тёплое брюхо матери, искал упругий сосок в густой красивой шерсти.

Смелая, нежно мурлыкая, вылизывала котёнка, щурила свои янтарные глаза, сворачивалась в огромный, пушистый полосатый клубок, укрывая сына, а тот насытившись материнским молоком, спал и во сне дёргал лапками, сопел.

Два месяца мать почти не отходила от своего единственного котёнка. Два года назад у неё было четыре котёнка, но они всё чаще уходили далеко от матери, становились сильнее и искали себе территорию. Она помнила каждую их полосочку, первую добычу.

Но они скоро станут совсем взрослыми, а этот крохотный котёнок будет с ней, пока так же не вырастет и не уйдёт, как все её дети.

Тигрёнок открыл глазки, он был очень любознательным, подползал к выходу из пещеры, смешно морщил мордочку, фыркал на солнце, тень птицы, качающуюся под ветром траву.

Когда Смелая в первый раз принесла тигрёнку жирного барсука, тот, бесстрашно, подошёл и начал рвать мясо своими маленькими зубками. Тигрица с гордостью посмотрела на малыша и назвала его Отважным.

Время летело быстро, и вот уже Отважному исполнилось четыре месяца, Смелая вывела его на свет. Тигрёнок чихал, щурился, похрипывал, тихо рычал и покашливал. Смелая ласково улыбалась сыну, мурлыкала, тёрлась о его нежную шёрстку.

Отважный долго разглядывал слепящую поверхность в низине, ударил её лапой, но намочил лапу и капли воды попали ему на мордочку. Мать объяснила, что это вода. Тигрёнок попробовал воду на вкус, как показала ему мать, она была вкусной, не такой как мамино молоко, но вода давала прохладу и от неё в гортле проходила сухость.

С каждым днём Отважный учился чему-то новому. Он научился бесшумно подползать к жертве, прыгать, упираясь задними лапами. Он рос быстро, поэтому постоянно хотел есть. Всё чаще он сам добывал пищу.

В этот день мать была очень беспокойной, в воздухе пахло чем то незнакомым и мать нервничала, она вела Отважного в заросли, заставила его лечь и затаиться, а сама отползала и отползала от него подальше. Когда запах дыма, чего-то незнакомого стал невыносимо близко, мать метнулась и побежала в сторону, унося за собой ненавистный запах. Потом прогремел гром, раскатистое эхо подхватило его и разнесло по кедрачу.

До вечера лежал Отважный в зарослях, снег таял на его морде, стекал по усам. Он ждал, когда мать позовет его из укрытия, но её всё не было и не было.

Отважный пошёл по следу матери, но след оборвался кровавой застывшей кашей.

Он жалобно мяукал, звал мать, но ему никто не откликнулся в ответ. Всю ночь тигрёнок бродил по территории материнского уголья, помечая территорию своими метками.

Пушистый снег проваливался под его большими лапами, брюхо намокало от тающего снега, было холодно даже в его шубе, но прижаться к матери и согреться он не мог.

Несколько дней Отважный бродил в поисках пищи, но тайга, как вымерла. Силы таяли с каждым днём.

Тигрёнок шёл и шёл, он давно уже нарушил все границы чужих территорий, его качало от голода, иногда он ел снег и снова шёл...

Годовалого тигрёнка увидел егерь, когда объезжал свой участок. Он видел, что браконьеры опять убили тигра и человек искал пути их пребывания.

Тигрёнок ослабевший, пытался пугать человека, угрожающе кашлял, но сил хватало только на то, чтобы поднять голову. Егерь успокаивающе говорил ему что-то и тигрёнок понял, что этот двуногий зверь ему не причинит зла.

Его привезли в национальный парк «Сихотэ-Алинский», выходили. Отважный жил вольно, но его кормили и охраняли. Через год Отважный превратился в большого пушистого тигра. Шерсть густая и длинная блестела на солнце, могучие, широкие лапы несли уверенно его большое и сильное тело.

Отважный ушёл в тайгу искать свободную территорию, чтобы жить независимо и свободно.

Он был 551-м Амурским тигром, который очень хотел жить свободно и счастливо, на родной земле, где он впервые увидел свет.

СЕРЁЖА

Наш Сергуня – мужичок,
Рассудителен и строг.
Обоснует он проблему,
Обозначит верно, тему
И платформу подведёт.
Ведь Сергею пятый год!

ХУДОЖНИК

Взял Серёжа кисти, краски
И уселся рисовать...
Вот: зелёный, изумрудный,
Мятный, синий надо взять.
Расписал он два яйца
Да листок в альбоме,
Разукрашена щека,

Пальчики, ладони,
Стол и стул,
Футболка, шорты...
Вот какая красота!
И Серёжа идёт гордо
Отмывать скорей себя.

БИОЛОГ

Есть «морская капуста»
И «морской огурец»,
Есть «морская корова» -
Говорил мне отец,
А вот в озере нашем
Нет «озёрных ежей»,
Ни «слонов», ни «капусты».
Не зверей, овощей...
Я биологом стану,
Из далёких морей
Привезу, расселю
Средь озёрных полей
«Огурцы» и «капусту»,
И «слонов», и «коров».
Разведу разноцветных
Я «озёрных коньков».
Будет в озере нашем
Красота и уют...
А пока лишь караси
В тине вязкой живут.

Тюменская область, Ялуторовск

Екатерина ВОЛОДИНА

СИБИРСКИЕ ЧИТАЛОЧКИ

Ломтик жёлтой луны
Так заманчив и тонок.
Дразнит он с высоты –
Съешь, попробуй, мышонок!
А мышонок молчит,
Тихо слюнки глотая,
Я ещё подожду,
Луна станет больша-а-а-я!

Сосёнка, лесная сестрёнка.
В лесу на зелёной опушке
Её развлекают зверушки.
К тебе прихожу я на лыжах,
Тебя обнимаю и вижу:
Ты тянешься вверх, в высоту.
Сосёнка, я тоже расту!

Совёнок, совёнок,
Трудный ребёнок.
Ухает, хохочет,
Ночами спать не хочет.
Пугает он детишек –
Бурундучков и мышек.

Ёжик ёжится, ворчит,
Холодно и сыро.
Мокнут лапки, мокнет нос,

Горлышко простыло.
Дождик, дождик, перестань!
Заболает ёжик.
Нет у ёжика плаща,
Тёплых нет сапожек.

Кашку кушала сороконожка,
Съела крошки, подъела картошку.
Безразличен был ей этикет,
Без ножей и без вилок обед.
Облизала свои сорок ног
И спросила: «А будет пирог?»

На кочке болотной
Сидела лягушка.
Вокруг комары
Да пузатые мушки.
И было так грустно
Зелёной лягушке,
Что нет у неё –
Задушевной подружки.

Это правда, что в сосульки
Замерзает лунный свет?
Это правда, что сосульки
Вкусом лучше всех конфет?
Нам в ответ сказала мама:
- Лунный свет? Не может быть!
Правда, то, что завтра горло
Надо будет вам лечить!

Тюмень

Светлана ТИТОВА

ЦИКЛ РАЗВИВАЮЩИХ ЛОГОТОПОВ:

ЗВУК «Ццц!»

Цапля цыкнула цыпленку:

*- Есть цукаты целиком –
Не прилично для ребенка
И живот болит потом.*

Цапля глянула в буфет:
Целый целлофан конфет
Съел цыпленок, вьётся тень
И цепляет целый день:

*- Цып, цып, цып и цок, цок,
Спрыгни с пятки на носок!*

Циркуляр для цитадели
И цитирует свирели.
В цирке с самого утра
Веселится детвора:

- Цитрус, циркуль, цикля, цыц!

Посоветовал Нарцисс:

*- Циферблат цени, цыпленок,
Время ценно знать с пеленок:
Церемониться, ценить,
Целовать, цвести, цедить.*

ЗВУК «Шшш!»

Кто шумит теперь под шторой,
Там воришек шустрых свора?
Тише! Тише! Это мыши!
Шелестят под щёткой, слышишь?
Шествует шикарно кошка,
Спрыгнувши шурша с окошка:

**- Ущипну за ушко мышь,
Шелохнешься - Не сбежишь!**

Шерсть шевелится на Клаше:

**- Швартовать не шибко кашу.
Что за шалости и шутки?
Подойдите ж на минутку!**

Наострили ушки мышки:
**- Мы хорошие мальчишки,
Поиграли мы немножко...**

Шикнула на мышек кошка:
- Собирайте шустро крошки.

Шик - у кошки дыбом шерсть:
- И кого мне первым съест?

Зашипела страшно Клаша,
Наступив на чашку с кашей.
Шелохнулся в шуме шест –
Прошмыгнуло мышек шесть...
Смело поиграли в прятки
Вместо утренней зарядки.

ЗВУК «Ррр!»

Раз репейник, два репейник,
Три репейник и четыре.
Растопыренный затейник,
Популярный в детском мире.
Раз - репейник оторвался,
Два - репейник прикатался,
Три - репейник разорвался,
А четыре?... потерялся?

Прибежал репейник - пять,
Чтоб Сережу отыскать,
Протоптал в траве дорожку,
Вот четвёртый, здесь Сережка!
Тут репейники другие
В прятки просят играть:
Развесёлые, большие - все
Репейники собрать.

Вот репейник - семь и восемь,
Вот девятый прибежал.
В круг пожаловать попросим.
Где десятый? Опоздал?
Тут десятый вдруг опять:
Стройтесь быстро, по - порядку!
Раз, два, три, четыре, пять!
Как на утренней зарядке.

Всех нам нужно отыскать!
Шесть - репейник - круглый он,
Хобот у седьмого - слон!

Два кружочка - вот восьмой,
Вот девятый, как шестой,
Но стоит - наоборот!
Круг внизу - это шестой,
Ну, такой же круглый, вот:
Девять- с круглой головой.

Мы в «репейники» играли,
Десять их нашли, теперь:
Все репейники собрали,
Кто стучится в нашу дверь?
Прибыл в гости к нам Петрушка
И привез подарков воз.
Чтоб не растерять в дороге-
Из десятков - паровоз:

Вот вагончик первый - десять!
Вот второй десяток - двадцать!
Третьих десять и четвертых!
С пятым пятьдесят прикольных...
Стой, Петрушка, погоди!
Эта сказка - впереди!

ВОТ ПРИРОДНОЕ ТВОРЕНЬЕ

Побросали мы скакалки:
Грянул гром на синем небе.
Ветер дунул – гнутся стебли:
Гиацинтов, роз, ...фиалки.
А в ладошки листьев нежных,
Струйкою течет фонтанной,
Дождик мощью великанной,
Растекается безбрежно....

Вот природное творенье!
Дождь в восторге от погоды!
Воробьи ныряют в воду.
Как в само стихотворенье.
Радуга - дуга на небе -
В музыке застыла славной
Над сияющей поляной,
Счастливо смеются дети.

ПИСЬМО К ПАПЕ...

Папы нет у нас давно.
С ним ходили мы в кино...
А потом он заблудился,
Когда братик появился.
Он ушёл на тренировку.
Вызвали в командировку.
Так печально - папы нет.
Кто починит в детской свет?
Карандаш есть у меня -
Рисую брата и себя,
Дорогую мамочку,
И сестренку - лапочку...
Точка, точка, запятая,
Вот и рожица смешная.
Мне нисколько не смешно:
Папы нет у нас давно.
Напишу ему письмо,
Папу ждем мы своего.
Лучший он на белом свете.
Ждем тебя и любим!

Дети.

Марьям МАМЕДОВА

ТЫ - БУДУЩЕЕ ГОРОДА

эссе

Малыш...

Это твой город. Ты родился на этой земле. Ходишь по большому городу своими маленькими ножками, бегаешь, топаешь, падаешь, встаёшь.

Знаешь, кто ты, малыш? Ты – сибиряк! Не забывай этого, когда вырастешь и станешь большим. Сначала школьником, потом студентом.

Расти добрым. Научись и за себя постоять, и других защитить от зла и несправедливости. Люби свою родину, малыш, сибирскую землю. Пусть она суровая, но она – твоя. Родину не выбирают – помни об этом. Гордись её голубыми озёрами, шумящей тайгой. Люби свою сибирскую сосну, берёзу, черёмуху, красную рябину.

Посади сам маленькие, тоненькие саженцы этих деревьев, и они вырастут. Вкуси клюкву, бруснику, чернику, голубику, о которой слышал от родителей, с их рук попробовал. Почувствуй родной вкус!

Почему они так вкусны, малыш? Почему кедровые шишки лучше, чем фундук? Потому что они растут на твоей родной земле, в Сибири.

А ты слышал голос глухаря, знаменитой птицы сибирских лесов? Слышал ли ты как воркует голубь? Посмотри, как любят они летать над Божьим храмом! Корми их из своей маленькой ладошки. Не бойся их. Подойди ближе. Никогда не твори зло и не желай никому плохого. Люди заметят твою доброту – не печалься.

Тебя обязательно заметит Бог. Он сделает тебя счастливым, Он будет любить тебя. А награда для тебя – твоя трепетная душа. Береги её. Будь простым и приветливым человеком, всегда готовым протянуть руку помощи и руку благодарности.

Неважно, малыш, кто ты по национальности, важно, какой ты человек. Где бы ты ни оказался, куда бы тебя не забросила судьба, всегда помни свою родину, отца и мать.

Будь готов защищать свою землю от беды, целуй её пыльные дороги, её мокрые травы.

Твоя сибирская, сыроватая земля богата нефтью и газом, и когда вырастешь, расскажи о ней другим. Твоя Сибирь, твой город на карте мира, занимают одно из важных мест.

Расти и строй свой город!

Пиши о Самотлоре, о его подвигах. Пой о нём песни и говори тихим и нежным голосом: «Я люблю тебя, моя сибирская земля, мой чудесный Самотлорский край»!

А пока играй и расти, расти вместе с городом. Помашки своей маленькой ручкой дяде Алёше, который вечно будет держать горящий факел-символ памяти покорителям Самотлора.

МИР ДЕТСТВА

Ты – моя маленькая планета.

Ты озаряешь мир светом.

Расти на радость, Виолетта,

Добрый, хорошим человеком.

Спишь, разминая ручки

Ты в тёплой колыбели.

Сладкого сна, внучка,

Ночи тихой без метели.

Этот мир твоего детства,

Ты в нём как в сказке.

Расти с семейством

Под ангельским крылом – в ласке.

АРАЗУ

Сынок, ты моё солнце!

В душе песня поётся...

Со стуком твоего сердца,

И моё тоже бьётся!

СКАЗКА – СОН

Скоро пройдёт лето,
Это знойная пора.
Воспоминание об этом
Оставит вам, детвора.

Скоро помашет рукой
Вам берег моря – пляж,
И знакомой тропой
Вернёт вас экипаж.

Лето звонкое пройдёт,
Ваши души тревожа,
И с собою уведёт
Шалости детства тоже.

Ваш мир загадочен, он
Из детства уходит – увы...
Закончится сказка-сон,
Проснётесь взрослыми вы.

Азербайджан – ХМАО-Югра

Маргарита РЫЖОВА

СНЕЖИНКА

На ладошку падала белая снежинка,
Хрупкая и нежная кружевная льдинка.
Снежная красавица, чудо зимней сказки
Каждому понравится! Я прищурил глазки,
Чтобы не спугнуть её, затаил дыханье,
И она ответила на мои старанья –
Осторожно села на мою ладонь
И шепнула молча:

«Только ты не тронь!

Только не дыши теплом, только не стряхни.
Просто на прощание с трепетом взгляни.
Век мой так не долгод – я пришла на свет
Чтоб тебя порадовать и растаять...»... «Нет!» –

Крикнул я снежинке, и она растаяла,
Капельку-слезинку от себя оставила:
И моя слезинка на неё упала,
Будто укрывая теплым одеялом.
А через мгновенье на морозе свежем.
Будто бы и не было той снежинки нежной,
Закрутило стайкою миллион подружек
Этой первой, маленькой, в вальсе зимней стужи.

И метель неистово замела следы
На тропинке парка, встретились, где мы.
И уже не помнил, как бежал домой,
А в ушах звучало тишиной «Не тронь!»
И в глазах стояла белая снежинка,
Хрупкая и нежная кружевная льдинка...

Я давно не маленький. Но память встречи той
Мне, как лёд на каменку: «Красоту не троны!
Радуйся мгновению, слушай тишину.
Миг прекрасно вечен!»

Помню и живу!

СЧИТАЛОЧКА

Раз морозною зимой
Два весёлых зайчика
Три морковки получили
И четыре мячика.

Пять минут они считали,
Шесть листочков исписали.
Семь подарков получилось.
Восемь снов потом приснилось.

Девять лет вмиг пробежало.
Десять лет зайчишкам стало.
Сели вместе вспоминать,
Как всё было... И опять

Раз морозною зимой...

ВОПРОСЫ МАТЕМАТИКАМ

У Математики красивые слова,
Свои законы, музыка и ритм.
Но есть словцо, что делится на два:
«Число» плюс «Слово» – вместе
ЛОГАРИФМ.

Без математики, известно – никуда.
Разнообразие её везде, во всём!
Скажите нам, ЧЕМ бизнес-господа
Достаток измеряют свой?

РУБЛЁМ.

Лишь те, кто любят эту точную науку,
Вмиг согласятся с данными словами:
«Скучающим незнание дарит муку,
Неугомонные решают в жизни

САМИ».

ЗАГАДКА О СВЕТОФОРЕ

Я каждый день участник этой сказки:
Когда я к перекрестку подхожу,
Он верной и надёжною подсказкой
Даёт сигнал, чтоб жизнь спасти мою:

Включает красный – Не ходи!

Опасно!

И жёлтый – приготовиться к пути.

Потом зелёный – В путь!

Ведь жизнь прекрасна!

Иди скорей вперёд! Смелей иди!

Он днём и ночью, утром у дороги.

Он в дождь и стужу на своём посту.

Он наш помощник верный, стойкий, строгий.

Скажите же мне, как его зовут?

ХМАО-Югра, Нижневартовск

Любовь СОШНИКОВА/Любовь БАЖЕНОВА

АЛФАВИТНЫЕ ЗАГАДКИ

Зелёный шарик полосатый,
Он прилёт в ботве усатой.
Если мы его расколем,
Тайну шарика раскроем.
В нём жильцов не сосчитать:
Раз, два, три, четыре, пять...
Разбежались по норкам,
Норки крыты красным шёлком (Арбуз)

Он упрямый и рогатый,
В шубе тёплой и богатой.
Даже летом всё равно
Носит белое руно. (Баран)

Серый, грустный, одинокий,
Воет ночью он глубокой
На взошедшую луну.
В лес одна я не пойду! (Волк)

Плавает у нас в пруду,
Близко я не подойду,
Отчего-то он сердит,
Шею тянет и шипит. (Гусь)

Под окошком посадили,
Хорошенечко полили.
Будет с нами подрастать,
В окна ветками стучать. (Дерево)

Юбочки зелёные,
Веточки точёные,
И зимой, и жарким летом
Одинаковы по цвету! (Ели)

Весь в иголках и фырчит,
Будто он на всех сердит.
Ростом зверь наш небольшой,
Кто же это? Кто такой? (Ёжик)

Любопытный, видно, зверь,
Голова не входит в дверь.
Длинношей, выше крыши,
Даже всех деревьев выше. (Жираф)

Разукрасили украдкой
Эту резвую лошадку:
Полосатая рубашка,
Как у моряка тельняшка. (Зебра)

Инструменты швей так колки,
Носят их ежи и ёлки,
С ними будь поосторожней:
Больно уколоться можно. (Иголка)

Непоседам, драчунам
Нужен для леченья ран.
Ничего, что очень жжёт –
Ранка быстро заживёт. (Йод)

Он похож на огурец,
Только крупный! Молодец! (Кабачок)

Овощ этот – лучший лекарь,
Не ищи его в аптеке.
Он на грядках лишь растёт,
А кто чистит – слёзы льёт. (Лук)

Витаминов много в ней.
Косы – девичьей длинней.
Прячется в земле всегда,
Мы отыщем – не беда. (Морковь)

Он огромен, носит рог,
Рог ему, конечно, впрок.
Равноценен рог мечу,
Все победы по плечу. (Носорог)

Он в пупырышках, зелёный,
Вкусен свежий и солёный. (Огурец)

Вот удача, так удача:
Выросли плоды на даче:
Жёлтые и красные,
На кустах прекрасные. (Помидоры)

Овощ маленький совсем,
Я его уж в мае ем,
Самый первый он в теплице
С белым хвостиком родится! (Редис)

Красное и жаркое
И ужасно яркое,
Круглое, большое,
Будто золотое,

Катится по полюшку
Такому голубому,
Если укатилось –
Темнота явилась. (Солнышко)

Угадай-ка без подсказки,
Что за овощ может в сказке
Вдруг в карету превратиться,
Чтоб на бал везти девицу? (Тыква)

Вперевалочку к пруду
Ножки красные ведут.
А как в пруд они зайдут:
Только хвостик на виду. (Утка)

Это что за стручочки?
Не горошек, не бобочки...
Овощ вкусен и хорош,
Без него наш борщ – не борщ. (Фасоль)

Вырастает он на поле.
Без него мы как без соли.
Его скосят колоском,
К нам придёт он пирожком. (Хлеб)
По болоту бродит птица,
Это быль? Иль небылица?
Ноги длинные и нос,
И к тому ж высокий рост. (Цапля)

Неприменно у водицы,
Обитает эта птица,

Над волной всегда летает,
Корм найти где, точно знает! (Чайка)

Этот зверь живёт в степи,
Пропитание найти
Сможет он, зверёк зубастый,
Как волчище - злой, клыкастый. (Шакал)

Листья кислые на грядке -
Хороши всегда в салате,
Мы покрошим их в супы,
Срежем - и на пирожки. (Щавель)

В огороде этот знак
Нам не встретится никак.
Не найти его в лесах,
А увидим мы в словах:
Въезд, разъезд и разъясненье,
У подъезда объъясненье. (Ъ)

Этой буквы не встречали
Мы с тобой у слов в начале.
ПТИЦЫ, РАНЦЫ, ОГУРЦЫ -
Посмотрите на концы. (Ы)
А вот эта буква-знак
Не запомнится никак:
Не читается одна,
Но встречается она:
В тексте: вьюга, рьяно, шью,
Воробьи, варенье, пью. (Ь)

Эта птица, так уж птица,
Всем известна австралийцам.
Яйца крупные кладёт.
Как шагнёт, так уж шагнёт.
Хоть обутая не в шины,
Может обогнать машину. (Эму)

Есть у птицы невелички
То ли имя, то ли кличка.
Она ростом с воробышку,
А назвали как мальчишку. (Юрок)

Во садочке деревца
От забора до крыльца.
Из-за них наши сады
По весне белым-белы.
А как осень: аромат
Сладкий наполняет сад. (Яблоня)

Тюмень

Ирина ЗМАНОВСКАЯ

РАЗГОВОР ПО ДУШАМ

сказка

Время было весной, когда снег уже сошёл с земли, и она ещё не прогрелась под солнцем.

В сарае у хозяина был разный инвентарь: хозяйственный: лопата и грабли, вёдра и коромысло, пила и топор. Также спортивный зимний: лыжи, санки, коньки; и летний: велосипед и роликовые коньки.

Скучно им было без дела.

Как-то Санки сказали:

– Как хорошо, весело было зимой, когда младший хозяин катался на нас с ледяной горки или возил хворост из леса. Мы с большим желанием возили его.

– А мы радовались, когда хозяин бежал по лыжне вокруг озера, да с горы крутой спускался с такой скоростью – нам видно было, как дух у него захватывало! – нежно потёрлись друг об друга Лыжи.

– Хозяин любил ходить на тренировки по хоккею, да играть во дворе с друзьями, – вспомнили с интересом Коньки. – Команда, в которой он играл, часто выигрывала у соперников. – Казалось, и сейчас коньки могли пригодиться, будь он рядом и зима на улице.

– Но весной, когда снег растает, когда на улице тепло, вы уже не можете быть нужными хозяину. Вы отдыхаете до следующей зимы, – сказал Велосипед всему зимнему инвентарю. – Я тоже бываю полезным хозяину: чтобы он быстрее съездил до нужного ему места и вернулся оттуда. Жалко, рано пока кататься мне – лето ещё не наступило.

– А нас хозяин надевает, когда он идёт гулять, кататься по дорожкам парка, – сказали Роликовые коньки, прокручивая быстро колёсики.

Весь разговор между зимними и летними предметами слушали Вёдра и Коромысло.

– Все вы по-своему нужны хозяевам. Мы с нетерпением и радостью круглый год в любую погоду помогаем принести воды с колодца. У них всегда есть в доме чистая вода. – И Вёдра приподняли и опустили крышки с мелодичным звоном.

- Когда в доме кончаются дрова, хозяева мной распиливают большие стволы деревьев на части, – сказала Пила, вытянув спину со звуком скрипки.

Топор с величием добавил:

- Да, если бы не мой острый железный колун, хозяин, держась своими сильными руками за моё мощное топориче, не рубил бы дрова для печки.

Лопата, которая стояла в углу сарая, с особым выражением сказала, что она так же служит хозяину круглый год, так как помогает ему весной, летом и осенью копать землю на огороде, а зимой убирать снег во дворе.

Долго они рассказывали друг другу об интересных случаях, которые случались с ними и хозяевами, где и в каких делах помогали ему. И все они радовались, что нужны хозяевам.

Каждый нужен в своём деле.

ЯБЛОНЯ С НАЛИВНЫМИ ЯБЛОКАМИ

сказка

Недалеко от деревни Николаевка есть берёзовая роща. Через эту рощу можно пройти до сада. На окраине этого сада растёт красавица – Яблоня. Весной её бело-розовые цветочки привлекательны и красотой, и ароматом. Она славилась наливными яблочками, которые люди собирают и хвалят за их медовый вкус.

В середине лета Яблоня заболела – внутри её поселились вредные насекомые. Их было много-много, они быстро съедали плоды, листья дерева. Зелёные яблочки, повреждённые жучками и паучками, быстро опадали на землю, не успев дозреть до спелого налива. Листья её скрутились, почернели от боли. Беда Яблони была видна издалека.

Через дорогу от сада росла Берёза. Она уже поднялась и была высокой и могучей. Большие ветки с обильной зелёной листвой были широко распахнуты, готовы обнять, защитить любого, кто в этом нуждается.

Берёза посмотрела на яблоню и сказала:

- Я вижу, Яблоня, ты заболела – захворала. На что же ты жалуешься, что у тебя болит?

Яблоня ответила:

– Вот уже месяц, как наступило лето, а жучки и паучки съедают мою листву, кору и яблоки. Их много, и вряд ли я смогу выжить. Жалко, что мои спелые, наливные яблоки так никто и не поест.

Берёза утешила её:

– Не горюй! Я постараюсь тебе помочь.

И она стала сильно раскачивать своими ветвями влево и вправо. Листья стали шелестеть, что-то шептать друг другу, водить хоровод вокруг ствола. Образовался ветерок, который передал шёпот от Берёзы вверх. Прошло немного времени, и над садом закружился сильный Ветер. Яблоне от него холодно стало, и она прикрыла себя съёжившимися листьями, оставшимися на ветках.

– Здравствуй, Берёза! Чем ты так взволнована? Почему твои ветви так раскачались, что до меня долетел ветерок от них? – спросил Берёзу Ветер.

– Здравствуй, Ветер! Со мной всё в порядке, только Яблоню одолели вредные насекомые. Съедают её маленькие яблочки, не давая им доспеть. Яблоня кручинится так, что её зелёные листья почернели и съёжились от боли... Помоги ей, пожалуйста, Ветер, – сошли к ней птиц побольше да посильнее, чтобы склевали они с яблони всех жучков и паучков.

Ветер посмотрел на яблоню.

– Да. Ей, бедной, надо помочь – спасти её от вредных насекомых.

Ветер задул так, что всё засвистело сильно вокруг, небо потемнело. А когда он перестал дуть, засветило солнышко, прилетело много лесных птиц. Вожаком у них был Дятел – ярый противник всех вредителей леса, самый старший санитар.

– Ну-ка, мои друзья, спасите, освободите Яблоню от вредителей – букашек, – попросил он их.

Птицы быстро расправились с ними, очистили яблоню. Весело защелкали, когда склевали всех насекомых на дереве.

– Я вижу, птицы хорошо справились с задачей, – сказала Берёза.

Вздохнула Яблоня облегчённо, поблагодарила всех за помощь в беде. Быстро она поправилась от болезни. Распустила свои зелёные листья, стала красивее, чем была. С тех пор, как и прежде, угощает она всех наливными яблоками.

ХМАО-Югра, Нижневартовск

Татьяна ЛАПИНА

СУГРОБЫ

Снега намели бураны,
Не проехать, не пройти.
Здесь сугробы-великаны
Преградили нам пути.
Как верблюды на барханах,
Выстроились в караваны,
Белые у них горбы,
Но для снега, не воды.
Вот сугроб – пышная шапка,
Не сгрести его в охапку.
Словно в небе облака,
Тонет вглубь него рука.
Эти детские виденья,
Я с собою увезу,
Напишу стихотворенье,
Всё тебе в нём расскажу.

ВЕСНА

Весна приходит тихо, еле слышно,
Дни стали ярче и уже длинней.
Она глядит в окно и солнцем дышит,
Хор птиц нам о весне поёт с ветвей.
Нарядит почки в мягкие одежды,
Оденет пышно, после затяжной зимы.
Воскресным утром сорвём вербу нежно,
Её на службе, в храме, освятим.
Набухнет почка, лопнет, даст побег,

И лист зелёный зародится вновь.
Ежеминутно, ежечасно человек,
Весною, несомненно, ждёт любви!

ГОРА

Просыпаются с утра,
Мама, папа и сестра,
Все ребята со двора,
Ждёт сегодня нас гора.
Дуют с севера ветра,
Мы в поход пойдем, ура!
Впереди у нас гора,
Ах, вершина как остра.

Наша группа то храбра,
Поднялись мы на ура,
Сели дружно у костра,
От костра летит искра.
В полдень сильная жара,
Чай заваривать пора,
А заварка нам кора,
В чай лимона кожура.

Рядом с деревом нора.
Кем-то съедена кора,
От зубов его дыра,
Видимо, нора – бобра.
День прошёл и нам пора.
Покорилась нам гора.
Всё, закончена игра,
Засыпает детвора.

О ЛЮДИ!
ЖАЛКИЙ РОД,
ДОСТОЙНЫЙ СЛЁЗ И
СМЕХА!

ГОСТЬ РУБРИКИ

Григорий ГАЧКЕВИЧ – родился в 1973 году в Молдавии. В 1994 окончил Молдавскую Экономическую Академию. За свою деятельность в финансовой сфере был награждён медалью Республики Молдова «Гражданская доблесть» (2006), орденами: Митрополии Молдова «Преподобная Паисия Величковская» (2008) и Республики Молдова «Слава Труду» (2009).

Автор более чем 300 стихотворений для детей в возрасте от 3-х до 14-ти лет и одной электронной книги для детей: «Весёлый Алфавит!», член СПСА.

Живёт в Кишинёве, Молдова.

ЖИРАФ

Я склонен думать, что жираф
Всегда по жизни очень прав!
Ведь всё, что не задумал ты,
Жирафу видно с высоты!

КОНЬ И ЛОШАДКА

Резвый конь по лугу скачет,
Как весёлый, белый мячик!
Вдруг увидел он лошадку –
Черногривую мулатку!
Поравнявшись, ненароком
На неё взглянул он боком
И смущённо говорит:

«Как прекрасен этот вид!
Но хоть скачем вместе лугом,
Не знакомы мы друг с другом!
А прекрасней Вас на свете
Я не видел! - Мне поверьте!
Так что весь я очарован
И навеки околдован!»

Черногривая лошадка,
Вся, как будто шоколадка,
Улыбнулась и сказала:
«Мне светлее сразу стало!
Вы - галантный кавалер!
И в манерах Вы - пример!
Будем вместе мы дружить!
А теперь давай кружить!»

СПАСАТЕЛЫ!

Мне купили эскимо!
Лезет в рот оно само!
Ставит прямо над губами
Шоколадное «клеймо»!
Сложно мне его нести,
Тает прямо по пути!
Я его грызу зубами,
Чтоб от солнышка спасти!
Показав высокий класс,
Откусил в последний раз! –
Всё! Опасность миновала!
Я мороженое «спас»!

ОСТОКОТЕЛО!

Наш кот разлёгся на диване
И недовольно так урчал.
Пришлось моей сестрёнке Тане
Понять, о чём он там ворчал!
И оказалось, что у Пети,
Зовут так нашего кота,
Печально всё на белом свете
И мир ему – лишь суета!
Ворчал: «Мне всё остокотело!
Мне жизнь – давно не молоко!
И спать, и есть - всё надоело!
Ох! Быть котом так нелегко!»
Сидели с Таней мы, сидели
И вот ответили коту:
«Конечно, если день – в безделье,

То сразу всё неумоготу!
Ведь ты же слыл котом умелым:
Рисуй, лепи, вяжи и шей!
Займи себя полезным делом!
Да просто полови мышей!»

И СНОВА О НАБОЛЕВШЕМ!

На диване рядом с Тоней
Размышлял щеночек Тони:
«В двадцать первом веке дети
Целый день сидят в планшете!
Вроде я не посторонний,
Но мне грустно рядом с Тоней!
Очень хочется сказать:
Тонечка, пойдём гулять!»

НАША КОШКА

Наша кошка Маша смело
Из собачьей миски ела!
Но хозяин – пудель Брик
К этим кражам не привык!
Он расставил грозно лапы,
Он издал медвежий рык,
Но зашёл на кухню папа
И сказал: «Спокойно, Брик!»
Всем еды у нас в достатке,
Все мы здесь – одна семья!
Поиграем лучше в прятки! -
Кто не спрятался, друзья?

КОТ И ЮЛА

Раз зашёл на кухню я
И увидел там, друзья,
Как, рассевшись на полу,
Кот мой смотрит на юлу!
И, хоть я – не телепат,
Я прочёл котячий взгляд:
Котик смотрит на юлу,
Как на резвую пчелу!
А пчела – не мышь, не сыр,
В общем, не кошачий мир!
Оттого пришёл всерьёз
К моему коту вопрос:
«Если, как пчела, жужжит,
То когда юла взлетит?»

ПОЭТ

В рифмы я с утра играл,
Всё подряд я рифмовал!
Срифмовал сперва кота
От ушей и до хвоста!
Срифмовал я стайку птиц,
Так похожих на синиц!
Рифмовал потом обед:
Суп, компот и винегрет!
Выйдя погулять во двор,
Срифмовал я наш забор!
Рифмовал легко вокруг
Всех друзей я и подруг!
Рифмовал я целый день!
Быть поэтом мне - не лень!

ЗАБАВНЫЕ ПЕРЕВЁРТЫШИ

Улетает кот от птицы!
Стол лежит на вкусной пицце!
Берег мчится на волну! –
Вот так чудо! Ну и ну!
Кто, играя со словами,
Мир поставил вверх ногами?
Кто теперь здесь самый главный? -
Перевёртыш наш забавный!
Надо всё теперь исправить:
По местам слова расставить!

Трасса едет по машине!
Пол лежит на ковролине!
Чайник булькает в воде! -
Стоп такой вот ерунде!
Надо это нам исправить:
По порядку всё расставить!

Юг летит на стаю птиц!
Зёрнышки клюют синиц!
Лужа пьёт из воробья! –
Что случилось здесь, друзья?
Надо быстро всё исправить:
По местам слова расставить!

Небо всходит на луне!
Луг пасётся на коне!
Грядка выросла на дыне! –
Нет такого ведь в помине!
Надо это нам исправить:
По порядку всё расставить!

Печь печётся в пирожках!
Чемодан лежит в вещах!
Дождь под зонтиком открыт! –
Странный всё имеет вид!
Надо нам теперь исправить:
По местам слова расставить!

В яблонях сады росли!
Косы Олю заплели!
Мяч ударил игрока! –
Всё запутано слегка!
Надо это нам исправить:
По порядку всё расставить!

Двор играет в детворе!
Вырыта земля в норе!
Снеговик детей слепил! –
Кто всё так перекрутил?
Надо нам теперь исправить:
По местам слова расставить!

Ветка зреет на айве!
Клетка заперта во льве!
Магазин открыт в двери!
Всё смешалось! – Посмотри!
Надо это нам исправить:
По порядку всё расставить!

Роза дремлет на шмеле!
Вставлено окно в стекле!
Кошелёк лежит в деньгах!
Всё запуталось в словах! –
Надо нам теперь исправить:
По местам слова расставить!

Люлька дремлет в малыше!
Лес построен в шалаше!
В карасях плывёт река! –
Всё запуталось слегка!
Надо это нам исправить:
По порядку всё расставить!

Стул висит на пиджаке!
Пол лежит на рюкзаке!
За шофёром руль сидит! –
Кто всё это объяснит?
Надо нам теперь поправить:
По местам слова расставить!

Речка над мостом стоит!
Стул на мальчике сидит!
Холм построен на дому! –
Что случилось? – Не пойму!
Надо это нам исправить:
По порядку всё расставить!

Щёки по слезам текли!
Шкаф собрался на пыли!
Небо плыло в облаках! –
Всё смешалось впопыхах!
Надо это нам исправить:
По местам слова расставить!

Яйца курицу снесли!
Козы мальчика пасли!
Мостик под водой течёт! –
Что случилось? – Кто поймёт?
Надо это нам исправить:
По порядку всё расставить!

Пень на зайчике сидит!
Из гвоздя доска торчит!
Собирает мёд пчелу! –
В руки надо брать метлу!
Подмести всё и исправить:
По местам слова расставить!

Куст на воробье сидит!
Воздух в шарике летит!
Косточка собаку ест! –
Все слова сорвались с мест!
Надо это нам исправить:
По порядку всё расставить!

Солнце тает под снежком!
Тополь вырос под грибком!
Майкой гладили утюг! –
Все слова смешались вдруг!
Надо всё здесь нам исправить:
По местам слова расставить!

Сделали уколом шприц!
Ели семечки синиц!
Нож разрезан колбасой! –
Все слова смешали строй!
Надо это нам исправить:
По порядку всё расставить!

Гладил мальчика щенок!
Вёл учителя урок!
Рельсы мчат по поездам! –
Ты не верь своим глазам!
Надо это нам поправить:
По местам слова расставить!

Нёс мужчину чемодан!
Плыл в акуле океан!
Ливень вымок подо мной! –
Всё стоит вниз головой!
Надо это нам исправить:
По порядку всё расставить!

Пыль запачкалась в щенке!
Берег встал на рыбаке!
Ягоды едят детей! –
Разберёмся же скорей:
Надо это всё исправить,
По местам слова расставить!

Конь сидит на ездоке!
Мыс стоит на маяке!
Лес наш в ёжике живёт!
Что случилось? Кто поймёт? –
Надо это нам исправить:
По порядку всё расставить!

У течения есть река!
Вышел пирс на моряка!
Чёрный жук клюёт дрозда! –
Это что за ерунда!?
Надо всё здесь нам исправить,
По местам слова расставить!

Вырос на грибке пенёк!
В руки взял судью свисток!
Не поймал мяч вратаря! –
Хаос, честно говоря!
Надо это нам исправить:
По порядку всё расставить!

Кролика морковка ест!
На воробушка сел шест!
Полка на часах стоит! -
Всё утратило свой вид!
Надо это нам исправить,
По местам слова расставить!

О певце любовь поёт!
В колбасе есть бутерброд!
Тает крыша на снегу! -
Суть понять я не могу!
Надо это нам исправить:
По порядку всё расставить!

В лебеде плывёт наш пруд!
Клумбы на цветах растут!
Ложку супом мы едим!
Что за чушь мы говорим?! -
Надо всё здесь нам исправить:
По местам слова расставить!

Как, друзья, легко ли вам
Расставлять всё по местам?
И, хоть это - развлечение,
Есть во всём всегда значенье!

Все вы были молодцами!
Разобрались в этом сами!
Перевёртыш хвалит вас!
В добрый путь!

И в добрый час!

ЛЕЙСЯ, ПЕСНЯ!

Светлана ПЕЧЁНКИНА/Светлана ХОХЛОВА

ЧЕРЕЗ ТЫСЯЧУ ЛЕТ...*

Мы уйдём в никуда и придём ниоткуда.
Через тысячу лет, может, встретим друг друга.
Среди тысячи звёзд, среди млечных путей,
Ты меня будешь звать: «Прилетай поскорей!»

Пыль от звёзд на кольце у Сатурна лежит,
На твоём же кольце лишь слезинка дрожит...
Как бы ни был путь труден и очень далёк,
Ты меня будешь звать, чтоб услышать я мог.

Как мы счастливы были на планете Земля,
Знали раньше мы оба: знала ты, знал и я.
Звёзд мерцанье далёких в ночной тишине,
Милый образ я вижу, но только во сне.

Он мне душу тревожит, за собою зовёт,
И душа за тобою стремится в полёт:
Посредине миров будем в вальсе кружить
И друг друга средь звёзд, бесконечно любить.

На крутых виражах среди звёзд и планет
Мы отыщем друг друга через тысячи лет.
Будем яркими звёздами путь с небес освещать
И друг друга любовью среди тьмы согревать.

Чёрный космос нас манит притяженьем планет...
Мы отыщем друг друга через тысячи лет.

* Стихотворение исполнителем песни переведено на итальянский язык.

ЗИМНИЙ САД

Холодом веет нам с севера дальнего –
Править землёй захотела зима.
Нас окружила морозными тайнами,
Что за погоду несёт нам она?

Припев:

**В вальсе кружатся снежинки пушистые,
Больше не слышу я пения птиц.
Прочь улетели певцы голосистые,
День уступили для малых синиц.**

Сад погрустнел вновь от холода зимнего,
Он застеснялся своей наготы.
Засеребрились покрытые инеем
В нашей округе деревья, кусты...

Припев:

**В вальсе кружатся снежинки пушистые,
Больше не слышу я пения птиц.
Прочь улетели певцы голосистые,
День уступили для малых синиц.**

Солнечный день зимний сад пусть порадует,
Взглядом лаская рубины калин.
Будем зимой любоваться нарядами
Гроздьев алеющих ягод рябин.

Припев:

**В вальсе кружатся снежинки пушистые,
Больше не слышу я пения птиц.
Прочь улетели певцы голосистые,
День уступили для малых синиц.**

Тюмень

Александр ГОЛОЗУБОВ

ГИМН 448 – РАКЕТНОЙ бригады

Курские ракетчики - защитники страны.
Присяге и Отечеству - как и встарь верны.
От границы Западной до южных берегов
Щитом надёжно небо закрыто от врагов.

Припев:

**И реет над Россией стяг родной державы.
Это - символ Родины, доблести и славы!
Русь - непобедимая! Неодолим - народ!
Курские ракетчики, вперёд-вперёд-вперёд!**

Вы воинской стратегией славились всегда.
Под куполом защиты спят мирно города.
Но если вновь придётся, все встанем, как один, -
Отчизну - мать святую, обидеть не дадим!

Припев:

День первого июля мы празднуем с тобой,
Рождение бригады ударной, боевой.
От Родины Великой наград немало есть...
Служить в двадцатой армии выпала нам честь!

Припев:

Армейская бригада прошла нелёгкий путь.
В небе око зоркое врагам не обмануть.
Ракетчики - герои на страже в дождь и зной,
И верно каждый служит Отчизне дорогой!

Курск - Нижневартовск

Здравствуй,
племя младое,
незнакомое

Мария РАСЧЁТОВА/ Мари РА

Я ХОЧУ...

Я хочу изменить своё детство:
Навсегда очистить от боли,
Противясь неведомой роли,
Доставшейся мне в наследство.
Я хочу быть любимой дочкой,
Принцессой в семи перинах.
И горошинку чуют сильно,
В притворившейся гладью кочке.

Я хочу обниматься с мамой
Просто так, раз пятнадцать в сутки.
Одни чтоб и те же шутки
Нас сместили всегда упрямо.
Я хочу говорить напевно,
Облекая суть жизни в речи.
Смотреть кино каждый вечер,
Роняя слезу душевно.

Я хочу добрых слов и ласки,
Тёплых рук и заботы сердца,
Чтобы были ключи от дверцы,
Где возможно жить без опаски.
Я хочу глубокой беседы,
Слов благих и молитвы богу.
Приходить к отчему порогу,
Даже грусть и печаль изведав.

Я хочу напиться светом
Безусловной любви и счастья,

Чтобы не рваться на части
Ни на том миру, ни на этом.
Я хочу, чтоб легко, а не сложно
Испарялась былая беда.
Я хочу изменить, как всегда,
Прошное. Это возможно?

ЛЕТНЯЯ ИСТОРИЯ

У этого лета будет своя история.
Купи блокнот. К нему - цветные карандаши
И маркер. Рисуй, стирай и поверх пиши
Текст про трёхмесячную фантазмагорию.

Июнь. Река бурлит и ощутимо холодна.
Ветра ночами, днём дозреют ягоды.
Вода с весны ещё закручивает паводки
И поднимает рыбину со дна.

Июль. Людей перепекает солнечно,
Пора намазать нос или сгореть.
Ведь солнце никому не одолеть
За исключением тех, кому всё время облачно.

Август. Пора-пора пускаться в путешествие,
Нырнуть на самую большую глубину,
В очках и ластах посетить экскурсию по дну,
И завершить то торжествующее шествие

Сентябрьским тридцатым летним днём.
Смеюсь внутри. Долой календари!
Ведь можно улететь на раз, два, три
Туда, где лето. Продолжать писать историю о нём.

Полина ИВЛЕВА

ТРАВА

Я расскажу вам, как травы шумят
Тихонько-тихонько, покой отдав...
Мы сможем простить, когда нас простят.
Мы сможем упасть, ничего не сломав...

Росою омытые на полях,
Нам травы зелёный подарят «смех»,
Чтоб мы разгадали в своих делах,
Где, правда, где ложь, где любовь, где грех.

Осенние ж травы почти пусты:
Их дождик холодной водой омыл.
Шумят одиноко кусты, кусты,
Шумят, пока хватит последних сил.

Жалеет их осень, зовёт ко дну.
Меняют их птицы на облака.
Но травы не смогут начать войну,
И птицы кричат им: «Пока! Пока!»

Мне шорохом кажутся все слова.
В руке сжат озябший кленовый лист.
Шумит вдохновенно трава, трава,
И воздух прохладен, а ум мой чист.

Трава тихо стонет «моя, моя»,
Не в силах вернуть наше время вспять...
И только теперь понимаю я,
Как нужно любить и прощать,

и ждать.

ПТИЦА

На моей невысокой крыше
Живёт птица по кличке Выше.
Её перья слегка атласны,
Ей мечты все мои подвластны.
Я кормлю птицу Выше волей,
Добавляя немного соли,
Как наестся – летит шальная,
Словно ищет ворота рая.
Я пою птицу Выше верой,
Она пьёт и не знает меры.
Трель же птицы всегда чудесна,
Моей крыше давно известна.
Крыша знает, что жизнь без птицы
Полноценная не случится.
Заполняет пространство крыши
Птица с кличкой призывной Выше.

ПУСТЬ ВСЁ УЙДЁТ

Пусть всё уйдёт, останется лишь то,
Что мне принадлежит теперь по праву:
Любовь и письма, старое пальто
Восторгов, сожаления и «браво».
Как вырвешься – покой придёт в дом,
А в теле – благодарная истома,
Признания (хватило бы на том)
И счастье, ожидавшее у дома.
Все песни, все сомнения, вся суть!
Всё сгладится и чистотой воздастся.
А человек родился, чтоб вдохнуть,
Чтоб жизнь пройти и до конца не сдать.

* * *

Писать и жить – одно и то же.
Брать ручку, выводить слова.
Пока душа всё это может,
Она, наверное, жива...
Не спать ночами, размышляя,
Смотреть, как ночь вливает йод
На мои раны, заживляя...
А, может быть, наоборот.
Защиплет – я пишу от боли,
А заживёт – пора сказать.
То ли нарочно просит, то ли
Без слов мне не дано дышать.
Но проверять, я безоружен
И в этой слабости силён.
Мне нужен лист бумаги, нужен,
С ним я навеки возрождён.

* * *

Я вижу то, чего не видишь ты:
В густом овраге белые цветы,
Крыло синицы, что летела ввысь...
Я вижу это, только ты не злишь.
От Бога нам – различные дары,
И словно параллельные миры
Всевышний дал. Не стоит разрушать.
«Инопланетным» сути не понять...
Я вижу то, чего не видишь ты:
Глухие менюэты пустоты,
Как пыль садится робко на окно...
Я вижу это – мне не всё равно.
Ты тоже видишь: белую метель
И мягкую, уютную постель.
И в том овраге «жухлые» цветы.
Но то, что вижу я – не видишь ты.

ЧУДО

Не верится, но я же видел чудо:
Оно сидело, теребя рукав.
Мы пили с чудом жизнь, как чай из блюда,
Мы ели жизнь, как хлебец, разломав.
Мы танцевали с чудом под гитару,
Мы рисовали пальцами узор.
Я чуду жизнь отдал почти задаром.
Лукаво чудо потупило взор...
Я напугал настойчивостью чудо,
И, завязав мечты свои в платок,
Оно ушло. Но блеском изумруда
Осталось прямо здесь, у этих строк.
И в эту сказку сам едва ли верю,
Все думаю: заслуга, в чём моя?
Но часто оставляю настежь двери –
Вдруг вновь придёт и скажет: «Это я».

* * *

Танцует Муза. Вьётся в голове.
Летит к груди и западает в душу.
Она – мой верный козырь в рукаве
И там внутри ей хочется наружу.
Как танец благородных дочерей
Становится искусством за мгновенье,
Так Муза, принеся глоток идей,
Мне лёгкости подарит ощущение.

И на земле родится новый стих.
И новый дом отыщет мастерица.
Стемнело. Гул машин немного стих.
Но только почему-то мне не спится.

Тюмень

Елена ДУЛОВА/Леонида ПОПОВА

НАУЧИ МЕНЯ ПИСАТЬ СТИХИ

Научи меня писать стихи,
Расскажи, что нужно для основы.
Как вплетаешь фразы и глаголы,
Добавляешь краски и штрихи.

Как приправить чувствами строку?
Где источник рифмы и созвучий?
И каких метафор выбор лучше,
Чтоб слагать, а не молоть муку...

Как создать мелодию и вкус
Без тяжёлых нот, согласных звуков,
Без пустынных фраз и пересудов?
Как настроить ритма нужный пульс?

Чтобы не читать, а с ним прожить
Настроенье, боль и вкус, и запах.
Чтоб хотелось радоваться, плакать,
Лишь глазами строчки ощутив.

Где та грань, где слово создаёт
Мир другой, отчётливый и пряный.
И от этих звуков, словно пьяный,
Лечишь, очищаешь, и в полёт...

Как освоить азбуку стихий?
Где брать свет, признания и юмор?
Научи и чувствовать, и думать...
Научи меня писать стихи.

УДОВОЛЬСТВИЕ

Запах от духов совсем не стойкий
Или он давно со мной сроднился.
В маленьком кафе такой же столик
У окна, в котором вечер, Ницца...
Здесь уютно, пеночка на кофе,
Там... А впрочем... Взгляд движенья ловит...
Я, конечно, в гедонизме профи
И на «надо» мне, конечно, пофиг...
Шелест листьев на упругой ветке.
Тени все цвета сливают в тёмный.
Гул далёкий крутит жизни вертел,
Тут же тихо тайно и укромно...
Гладь воды, окрашенная умброй,
С неба синью иногда роднится.
Берега мазками очень грубо –
Глина, ил, трава... Увы, не Ницца...
Но укромно... Поплавок-затейник
Кружит поворотами теченья
И, застыв под бархотную тенью,
Прячется от ивы, набоченясь...
Расслабленья маленькие миги –
Потянуть – кто пойман? Знать охота...
Кофе остывает в ностальгии.
Тихо, но – азарт, игра, охота...
По отпору и сопротивленью –
По воде или в водводной трассе –
В ход катушка, серебром на берег
Грамм так на четыреста – карасик...

Запах у духов аля-деревня:
Нотки «Москитола» к тону ила...
Тихо аплодируют деревья,
Как я удовольствие ловила.

ОСЕНИЙ ВАЛЬС

Метались стайки листьев на ветру:
То вспархивали к небу мотыльками,
То охристой змейкой уползали,
Рисуя яркий и живой маршрут.

Как потеряв себя в потоках сил,
Неведомых, холодных, восходящих,
Танцуя вальс машинам проходящим,
Искали прошлый шелестящий мир...

То, прижимаясь к окнам лобовым,
То вслед, летя, просились злато-стай
Их увезти из области печали,
Как будто ждали судеб роковых...

И трасса федерального крыла,
Пропитана щемящею мольбою –
Вновь обрести спокойствие былое,
Под суетой листвы, как тень текла...

Красивый и тревожный к жизни бег,
Последний крик о помощи и боли
Отверженных и сброшенных на волю...
А рано утром выпал первый снег.

Тюменская область, г. Тобольск

Лариса БОЛЕЕВА/Лара ПАРУС

МОЁ ПЕРВОЕ ИНТЕРВЬЮ

Уважаемые читатели! Не все подвиги и мужественная доблесть запечатлены на страницах учебников по истории, хрониках и архивах.

Два года назад, когда мы ещё были первокурсниками, нам посчастливилось, взять интервью у полковника Сергея Николаевича Бутвина, прошедшего Великую Отечественную войну, от самого её начала и до Берлина.

Сергей Николаевич родился в Краснодарском крае, на хуторе в 25 километрах от станицы Староминской. Отучился в школе, в которую зачастую приходилось ходить пешком. После окончания в 1939 году, отправился поступать в Сталинградское военное училище. Но к моменту прибытия в Сталинград, набор в училище уже завершился, и Сергею Николаевичу предложили для подготовки к поступлению отправиться в 8-й полк связи города Новочеркасска. В Новочеркасске, двенадцать прибывших добровольцев, в числе которых был и наш Сергей Николаевич, с особой гордостью примерили буденовки и стали красноармейцами, ощутив все прелести солдатской жизни в телефонно-телеграфном взводе аппаратов ЮЗА (первые телеграфные аппараты, которые позволяли передавать буквенно-цифровую информацию без предварительного кодирования и при приеме сразу печатать ее на ленте).

Десять с половиной месяцев С.Н. Бутвин прослужил в 8-м полке связи города Новочеркасска.

Н.А. Приборова: - «В чем заключается работа связиста?»

«Связь является первостепенной необходимостью на фронте, без нее нет управления! Командир без связи просто «пустое место». Как он будет отдавать приказы и распоряжения? В то время было два вида связи проводная и радиосвязь. Но радиосвязь не отвечала должным требованиям, и руководство предпочитало проводную, поэтому мы тянули катушки с проводами от штаба старшего командира к младшему» - отвечает Сергей Николаевич.

На момент начала войны Сергей Николаевич учился в Сталинграде, уже имел звание младшего сержанта и командовал 2-м курсантским отделением.

«Как Вас застала война?»- спрашивает Виталий Гассан.

С.Н. Бутвин: «22 июня был выходной день, мы собрались в увольнение. Старшина тщательно проверил наши выглаженную форму и воротнички, до блеска ли начищены сапоги и отправил на проходную училища, перед которой собрались курсанты со всех батальонов в ожидании выхода в город. Дежурный дал команду «СМИРНО!» и отправился рапортовать на проходную о готовности к выходу. Мы долго простояли по стойке смирно, в ожидании капитана, устали, но никто не двинулся с места, тогда дисциплина была строгая. Через некоторое время он вернулся и объявил – **«УВОЛЬНЕНИЕ ОТМЕНЯЕТСЯ! Сейчас Вас отправят на плац, где в 12 часов будет выступать по радио с обращением Молотов».**

Мы прибыли к месту назначения и расположились прямо на асфальте. Из динамика раздался голос Молотова: «Сегодня в 3 часа утра немецко-фашистские войска, перешли границу СССР и без объявления войны напали на нашу Родину! Гитлеровская авиация бомбит города: Киев, Минск, Одессу, Каунас, Вильнюс и другие. Но победа будет наша, мы победим!» - такими словами, он закончил свое выступление.

Ночью нас подняли по тревоге, накормили и отправили в летние лагеря(за ночь мы прошли 70 километров). В летних лагерях до октября 1941 года мы продолжили обучение, затем мне присвоили звание лейтенанта и отправили на формирование частей в Сибирь (Новосибирск). К тому времени было много раненых солдат, больных цингой, наша армия несла большие потери.

Олина Ольга: «Вы помните самый страшный эпизод войны?»

С.Н.: Близ озера Ильмень 27 октября 1942 я давал связь во второй стрелковый батальон капитану Михайлову, которую мы тянули по заболоченной местности, копать было нельзя, мы делали брустверы с верхней почвы, лежим в воде, а с неба сыплются листовки: «Бей комиссаров!», «Не слушай командиров!», «Переходи в плен!» и прочее. А на обратной стороне листовки была надпись – «если ты придешь с этой листовкой, к тебе будут хорошо относиться, кормить» и т.п. Я увидел, как упала большая листовка, на которой схематично изображены Волга, а за ней серая-серая мгла, ниже - Кавказ, а на Эльбрусе стоит немецкий солдат-«эдельвейс» (горный стрелок), с флагом и автоматом, далее разбитый Сталинград, и надпись: «А ты тут лежишь под старой Русой в болоте. - БЕЙ КОМИСАРОВ, СДАВАЙСЯ В ПЛЕН!» Вот тогда

мне стало страшно, наши войска отступали не под интернационал (т.е. гимн), а под песню «Широка страна моя родная...».

12 июля 1943 года Сергей Николаевич в числе 5-й гвардейской краснознаменной танковой армии сражался с фашистами в танковом сражении под Прохоровкой - в самом пепелище Курской битвы, ставшей решающей для Красной Армии, за что награжден медалью!

Вот как он описал один из дней сражения: «В 8 часов утра строго определялось расположение наших и немецких войск, немецкая авиация совершала бомбежки, а к 11 часам образовалось «танковое месиво», более 1.200 танков столкнулись на поле боя, невозможно было разглядеть, где советские, а где немецкие. К этому времени артиллерия уже не стреляла, авиация не наносила ударов, так как было не понятно где, чьи танки. Я давал связь в 29-й танковый корпус, сошлись в лоб два танка, оба загорелись. Из нашего выбрались танкисты, на одном из них горела одежда, он упал, и я с тремя солдатами оттащил его от танка, была страшная жара, и мы стали забрасывать его землей, чтоб потушить огонь. Сбили огонь, я только спросил, как его зовут? - «Вася» - кричит бедный, плачет, а бой идет.

Связь постоянно обрывалась, вечером поступила команда отступить в тыл, я за танком, бежал с катушкой и отматывал провод, затем танкист повернул и стал меня прикрывать, я оказался перед танком, так закончился день. Страшное зрелище - залпы, человеческие крики, рев моторов и скрежет металла, разбитые танки, разлитое горячее, огонь и туман, горит земля!»

Власенко Влада: «Сергей Николаевич! Вы видели маршала Георгия Константиновича Жукова?»

Сергей Николаевич улыбнулся: «Хорошо видел, дважды!

13 июля, на следующий день, приехал командующий армией П.А.Ротмистров с маршалом Г.К. Жуковым. Они объехали поле сражения, вернулись на командный пункт стали и поклонились в каждую сторону, тогда креститься нельзя было, я видел их издали. А вот второй раз очень близко. Это было под Харьковом, мы стояли в Дергачах и никак не могли взять город я давал связь в 29-й танковый корпус. Я тянул кабель по лесопосадке, рядом остановилась батарея «катюш» отстреляла, и немцы сразу совершили авианалёт. Но наши успели сменить позицию, я вышел из леса и увидел у обочины стоит, броневик, грузовая машина и автомобиль «Вильнюс» из которого мне машет человек. Я подумал раз «Вильнюс», значит какой-то командир, подбегаю с картой в

руке, смотрю Г.К. ЖУКОВ! Спокойно, вытирает фуражку носовым платком изнутри. Он, всех отправил в лесопосадку (в укрытие), а сам не вышел из машины и сидит.

- «Ты куда тянешь связь?» спросил он. Я ответил: «В 29-й танковый корпус», Г.К. Жуков: «А где он?»

Я показал на карте. Он ответил: «Давай, давай, связь нужна! Крикни, пусть мои войны выходят и садятся!».

С.Н. «Вот так я его встретил второй раз. Знаю такой случай - посетил Жуков дивизию идет по окопу, а ему говорит командир дивизии: «Товарищ генерал! Пригнитесь!», на что Жуков ему отвечает: - «Ну и пригибайся сам!». Его очень сильно любили солдаты, любили и боялись, он был требовательный, строгий.

С.Н. смеется: «Вот такой был Г.К. Жуков!»

Яковенко Виктория: «Сергей Николаевич расскажите, как брали Берлин?»

«Берлин брали два фронта: 1-й Украинский и 1-й Белорусский. Я был во 2-м Белорусском фронте. Мы остановились в 40 километрах от города и прикрывали с севера, где наступала английская армия фельдмаршала Монгомери. Наша задача была прикрыть Берлин не только от немецкой армии оказывающей сопротивление под руководством Дениса, но и от англичан, которые могли раньше взять Берлин. Для нас это было стратегически важно. А в Берлин мы попали только 3 мая. Видел я разбитый Рейхстаг и ЗНАМЯ ПОБЕДЫ. Я испытывал огромную гордость за ПОБЕДУ!» - отвечает С.Н.

Н.А. Приборова: «Вы расписались на Рейхстаге?»

С.Н. Бутвин: «Миленькая, не было места, солдаты становились на плечи друг другу в три ряда!»

Олина Ольга: «Какое напутственное слово молодежи Вы могли бы оставить?»

С.Н. Бутвин: «Я всю войну хотел наестся хлеба, перед боем нам давали 600 грамм, а в тылу 400. Немцы были, жестоки сжигали деревни, насиловали женщин, убивали детей. Когда мы пришли в Германию мы так не делали, я уже был командиром роты и строго следил за своими солдатами, которым запрещалось прикасаться к немке. Молодые люди, берегите свои семьи, любите свою Родину!»

ХМАО-Югра, г. Нижневартовск

Марина МАРКОВА

МОЁ СЕЛО

Горжусь и радуюсь, что я в селе живу
И красотой природы наслаждаюсь,
Под пенье петухов, встречаю я зарю
Под трели соловьев с закатом засыпаю,
Куда ни глянь, здесь все родное мне:
Река Бешкилька, бор Мосеев,
Черемуховый сад, цветущий по весне,
Тут столько мест, что душу греют!
Здесь отчий дом, здесь Родина моя,
Где жил отец, и дед, и прадед,
Все Марковы и вся моя родня
Из этих мест, выросли корнями!
Исетский край, село Рассвет!
О красоте твоей написаны и песни, и стихи,
Живи и процветай из века в век!
И пусть поют на ранней зорьке петухи...

НЕ ЗАБЫВАЙТЕ, НИКОГДА О ВЕТЕРАНАХ!

Цикл стихов гвардейцу Гарманову, посвящается

* * *

Мы много видим фильмов о войне,
Читаем книги, узнаем в газетах...
Но есть такие люди на земле,
Кто наяву всё видел это...
Минуло много лет уж с той поры,
А в душах их незаживающие раны.
Великая Победа нелегко далась,

За небо мирное для нас для всех,
И ту весну, что в 45-м...
Он знает горький вкус войны,
Трава горела под ногами,
Земля вставала на дыбы
В кровавых тех боях с врагами.
Громил на Украине в Польше
Герой фашистских оккупантов
Был под Житомиром контужен,
Но никогда он не сдавался!
И бился он за отчий кров.
И сколько б гитлеровцы не зверели,
Он твердо знал – назад дороги нет!
И душу как лекарство грели
Слова: За Родину! За Сталина!
И за родной «Рассвет!»
Проехал он с «Катюшею» полсвета,
В жестоких боях побывал,
Советский солдат из «Рассвета»
В Берлине Победу встречал!
Отгремели давно залпы наших орудий,
Тех, кто нас защищал,
Свято чтить мы должны!
И никто не забыт,
Пусть никто не забудет –
Гвардейца Гарманова – героя войны!

Владимир Николаевич, примите наш поклон,
За то, что Родина врагами не распята!
Гордимся, что в одном селе живём!
Спасибо за Победу в 45-м!

СЕСТРЫ МИЛОСЕРДИЯ

Под звуки песни «Белых журавлей»
Тревожат душу памяти осколки.
Героев, победивших в той войне
Никто не в праве, позабыть о долге

Их каждый должен помнить!

Сынов и дочерей Отчизны
Сплотила всех одна судьба
Вы не жалели своих жизней
Против кровавого врага.

Юные девчонки выпускницы
Эшелонам уезжали в медсанбат,
Тонкие косички, длинные ресницы...
Сколько не вернулось их назад.

Багровело небо, и рвались снаряды,
И сраженью не было конца.
Хрупкая сестричка, под свинцовым градом
Бинтовала раны у бойца.

Где брала ты силы? На себе тащила
С поля боя раненых солдат.
- Потерпи! - просила,
- Потерпи родимый,
Вот ещё немного и санбат!

В день Победы, надо поклониться
Сёстрам милосердия и вспомнить имена,
Тех, кто жизнь отдал, чтоб не повторилась,
Та, немилосердная война.

КРУГ ДРУЗЕЙ

Мы круг друзей по жизни выбираем,
Чтоб счастьем поделиться,

в горе поддержать.

Порой наивно тайны доверяем
Не тем, кому их можно рассказать.

С добром и мыслями благими
Мы открываем души и сердца.
Но почему-то часть друзей становятся другими...
Умело пряча тайну

настоящего лица.

Слова, как гвозди в спину забивают,
И словно змеи действуют исподтишка.
А про добро, что получили, забывают.
Своим трудом достичь высот – кишка тонка.

Таких друзей поверь, иметь не стоит.
Оставьте с грязью мыслей их наедине.
А жизнь покажет, кто чего достоин.
Не оставляйте крыс на вашем корабле.

Конечно,

в людях сразу разобраться сложно.

Нам время истину раскроет не спеша.
Порой за яркой внешностью, красивой обложкой,
Внутри бывает с плесенью душа...

*Тюменская область, Исетский район,
село «Рассвет», ЛИТО «Ялуторовская лира»*

Вера МАРТЫНОВА

* * *

Она дышала лишь табачным дымом
Не зная ласки и заботливой руки.
В её четыре с половиной года
Ей окруженьем были мама-наркоман и мужики.
А в комнатушке уголок чернее ночи
И этот маленький ненужный человек,
С хорошей мамой должен называться дочей,
Но не дожидаться этого вовек.
Она не спит, когда все дети уже спят
Её не гладят, не целуют, не читают сказки.
Ей мамин мат и ругань мужиков
Давно уж заменили ласку.
Что будет с ней через года и беды
Если сейчас неполных пяти лет,
Она стоит в пальтишке у дороги
И тихо просит «Дядя, дай на хлеб».

* * *

Синяя каталка,
Лампы тусклый свет.
На каталке Алка,
Ей семнадцать лет.
Плакала недолго,
Помощь не звала.
Ведь на целом свете
Девочка одна.
Яркие веснушки,
Косы в пол руки.

Замарали грязью
Злые мужики.
Замарали душу,
Выжгли до углей.
Сделали послушной
Куклою своей.
Синяя каталка,
Жаль, уж не подняться.
Никогда не будет
Алле восемнадцать.

* * *

Нет у Тамары мамы
И папочки нет у Тома,
А всё потому, что Тома
Девочка из детдома.
Но мама её не бросала,
Просто её не стало.
Так часто, увы, бывает,
Родные нас покидают.
Осталась в памяти Тома
Зайка, что всем знакома.
Мама когда-то сшила,
Её Тома с собой носила.
Но как-то её потеряла
Плакала и страдала.
А однажды, в дверях детдома,
Зайку увидела Тома.
Такой же, как был у мамы
Пальто и бантик тот самый.
«Мама!» вдруг крикнула Тома

Тёте совсем незнакомой,
А та зайку ей протянула
И крепко к груди прильнула.
Теперь в жизни нашей Томы
Есть мама и папа снова.

МОЙ ВЫБОР

Над головой скрестив запястья
Я, пленница? А может птица?
Закрыв глаза, взываю к небу!
И заново хочу родиться.
Пусть в монохромности стоп кадра
Не видишь ты следов печали,
Но взмахом палочки волшебной
Тебя, как прежде, я прощаю...
И в водной глади за спиною
Хочу слезою раствориться.
Давай подумаем ещё раз,
Я, пленница? Ну, нет, я - птица!
И полечу над этим миром
Даря самой себе свободу,
Как мало мне для счастья надо,
Не зная броду, брошусь в воду!
Я не устану ошибаться
И исправлять свои ошибки.
А наступив на те же грабли,
Удары встречу я с улыбкой.
Не лезьте в душу вы, не надо!
Простила? Брошена? Не важно!
Пущусь по миру в кругосветку

На корабле своём бумажном.
Давно пора расставить точки,
Не ждать конца, а возродиться.
И смотрит в зеркале теперь
Не пленница, а чудо птица!

* * *

Абрисом ночи очерчена,
Всхлипом дождя оглушённая.
Словно луною помечена,
Болью приворожённая.
В полосах красного с чёрным
Кутаясь в холод, сутулится.
С ветром и страхом повенчана
Темная, мёртвая улица.
Может, была я там счастлива?
В прошлом забытой мелодией.
Тяну непривычно согласные
Вновь напевая псалмодию.
Искрами звёзды щетинятся,
Рвут на кусочки сознание
Жизнь мне дана, чтобы двигаться?
Или же ждать наказание?
Сполохом ночь поприветствую -
Молнии яркие руки,
В мраке оставив отчаянье,
Вырвут из горького круга.
Пусть этой ночью на улице
Мир мой не тот, что был прежде.
Я поселю в своём сердце
Веру, любовь и надежду.

Ксения ЖИЛИНА

СЫНОВЬЯ

Как хорошо, что у меня,
Растут братишки – сыновья!
И на ночь, в сон уже клоня,
Игрушки собираю я.
После разгрома всего дома,
В кровати спят два милых гнома.

Наутро вдруг помочь решили,
Помыли пол, ведро разлили.
На кухне взялись за посуду,
Разбили чашку за минуту.
Но пыль протерли на отлично,
За всем следил кот Васька лично.

А днём ходили на прогулку,
Два брата захватили булку.
Собрались уточек кормить,
Решили до пруда сходить.
Пока дошли, батон доели,
И утки мигом улетели.

Пришли домой, чуть-чуть поспали,
После чего, опять играли.
И так бывает каждый день,
Работать мамой мне не лень!
Как хорошо, что у меня,
Растут братишки – сыновья!

КОСТЁР - ВОСПОМИНАНИЙ

Согреем руки у костра воспоминаний,
Улыбку лёгкую подарим мы в ночи.
Глаза расскажут больше слов-признаний,
Под треск огня немного помолчим.

Ночь по себе таинственна и нежна,
Тепло даёт не только свет костра.
А будет ли так всё у нас как прежде?
Что было с нами, будто бы вчера.

Всё быстротечно, как огонь пылает,
И эта ночь лишь миг для нас уже других.
И с каждым вздохом внутри всё замирает,
Что там, в сердцах осталось у двоих?

ЦЕНИТЕ ЖИЗНЬ

Как жаль, что жизнь всего лишь миг
Фрагмент доподлинных историй.
О ней споют немало сотен книг,
Уж так у нас весь мир устроен.

Но книжек в свете всех не перечесть,
И большинство историй не изведать.
Что было в прошлом, всё не счастье,
Лишь каждый, путь свой может весть.

Большой абсурд в любые времена,
Не дорожить всем тем, что мы имеем.
Цените непременно жизнь, она у нас одна,
Сломать легко, но трудно после склеить.

Юлиана ОВЧИННИКОВА

ДЕВЧОНКА С ЧЁРНЫМИ ГЛАЗАМИ

Девчонка с чёрными глазами,
улыбкой озорной,
Картинка с нежными цветами
и радостной душой.
Как солнце светишь ты лучами
в красивых добрых снах,
Рисую жизнь карандашами
играючи в мечтах!

МИР ДУХОВНОЙ ТИШИНЫ

В тот мир духовной тишины
Я окунусь на миг блаженно.
Здесь чужды отзвуки войны,
Ликует утро совершенно.
Здесь красота ночного неба,
Искрится занавес из звёзд.
И ароматный запах хлеба
Маняще вдаль меня унёс.

А в той дали бушует море,
И волны плещут о прибой.
И корабли там на просторе
Заманчиво зовут с собой.
Зовут на остров единенья,
Где тишина и добрый мир.
Здесь наступает вдохновенье
И жизни верный ориентир.

Снег кружится в городе ночном,
Хлопья тихо падают мне в руки.
Звёзды сияют ярким огнём,
И только слышны флейты звуки.

ЗИМНИЙ ДЕНЁК

Зимний денёк, кружит снег во дворе,
Падая хлопьями тихо на крыши.
Ясным лучом покрыт двор в январе,
Дедушка горочку делает выше.
Кто-то поехал на лыжах кататься,
Кто-то на санках с горы ледяной.
Дети резвятся, они веселятся,
Ёлка искрит в суете городской.
Мимо проносится тройка лихая,
Слышится бодрая песнь ямщика.
И колокольчик звенит не смолкая,
Радует жизнь добротой огонька!

Мудрые мысли, люди великие
ждут, ожидают кого иль чего?
Смысл во времени видится бликами.
Лишь путешествия ближе всего.

Новый рассвет и новый закат,
Новые звёзды вновь заискрят.
Жизнь улыбнётся, жизнь превратится
В новый поток чарующей птицей.

ВОЛЬНАЯ ПТИЦА

Я так хотела научиться летать, как птицы,
Я так хотела... Но ты мне запретил учиться.
Сказал: «Вдруг упадёшь и больше не встанешь,
Меня ты сможешь понять, но не заставишь».
Я в снах парила, как орёл по горным высотам,
С небес смотрела на тебя, не чувствуя заботу.
Ты мне твердил: «Забудь, как выглядят птицы».
А я хотела, как они – летать научиться.

Желанье тлело, боясь полёта лишиться,
В мечтах и мыслях хотела остановиться...
Забравшись так высоко и расправив крылья:
Действительно мир красив, как сюжет из фильма.
Я научилась летать, как вольная птица,
И мне обратно к тебе уж не возвратиться.
Парю над миром твоим, как облако мая,
Как солнца луч в небесах, тебя охраняю!

ФОРЗИЦИЯ

Форзиция – красив кустарник, ясен,
Такой же солнечный, как солнца свет.
И человек бывает столь прекрасен,
Как нежный отблеск, солнышка рассвет.

Ну как не придавать значение снам?..
Они в момент все мысли заполняют.
Когда проснувшись, веришь чудесам,
Эмоции тотчас переполняют...

Юлия КОЛЕСНИКОВА

КОРОЛЕВСТВО МОРКОВКИНО

сказка

Есть такое королевство, но никто точно не знал, где оно находится. Ни на карте, ни на глобусе его нет. Правителем той страны, был Моркович Морковкин.

Жили там жители и звали их «Морковочки», жили они себе и не тужили. Не знали бед и плохой погоды. Не знали того, что где-то в дёбрях природы затевалось на это королевство зло, большое зло.

Как-то в один год готовили в этом прекрасном королевстве посадочный материал для нас, для людей. Готовили чистый и хороший продукт. Отбирали целую зиму и делали эксперименты, чтобы всё было хорошо. Моркович Морковкин, в один прекрасный погожий денек отправился в поход на поиски материалов для семян. В его королевстве не только делали семена, но и создавали новые сорта. Ну, так вот, отправился он в поход за новыми ингредиентами.

Забрёл он в земли чужие и неизведанные, в которых никто никогда не был, и слухи про эти земли ходили ужасные. А именно: кто в эти земли зайдёт, тот навлечет беду на своё королевство. Но Моркович в это не верил и с лёгкостью пошел туда со своим небольшим войском. Они собрали всё необходимое для экспериментов и отправились обратно в свои земли. Но им немного не повезло – их настигла чёрная мгла. Они ничего не слышали, ничего не видели. Вдруг по всей окрестности раздался страшный голос. Он звучал в голове каждого солдата и самого короля.

«Вы забрели в мои земли без приглашения и без спроса брали то, что вам не принадлежит. Ваши земли накроет истинная тьма, вы не избавитесь от неё, пока не поймёте и не исправите свои поступки. Смотрите, как вы относитесь к чужой территории и растениям. Беги, король, спасай своё королевство, если это у тебя получится!»

Очнулись Моркович Морковкин и его солдаты далеко от этих земель. Точнее, уже в своих землях посреди поля, недалеко от своего замка. Но Моркович не поверил в то что произошло, и

запретил солдатам вообще говорить и помнить об этом, пригрозив им казнью.

Пришли они в своё королевство, никому ни о чём, не сказав. Только стали работать с удвоенной силой, создавая всё новые и новые сорта моркови.

Настал сезон посадки в садах и огородах. Июнь начался прекрасно, с помощью Моркович Морковкина, люди всё посадили, «прочикнулись» первые всходы овощей. Но внезапно настигли их трудности. Люди начали жаловаться на то, что мало взошло урожая и теперь приходится досаживать заново...

Подошел июль. Тут-то совсем плохо стало. Погода резко изменилась. То тепло, то холодно. Но больше холодно, чем тепло. И никто подумать не мог, от чего такие беды с погодой! Жители, помощники людей, подумать не могли, что виноват во всем Моркович Морковкин, который не рассказал ту историю, и не предупредил о беде, одним словом – промолчал!

А люди, надеялись, укрывали, ухаживали за овощами, особенно за морковкой. Быстро пролетел июль, и август прошел, наступил сентябрь.

Уборка урожая началась. Люди пошли убирать морковку, надеясь на то, что обошла их погодная беда. На что было их удивление! Красивые, сочные, чудесные морковочки уродились. Радость радостью, но не у всех...

У многих людей при сборе урожая морковка была совсем мелкая да плоховатая, не одна, а много, и урожай совсем никакой. Заметья это, Моркович Морковкин, совсем расстроился. Он и сам любил красивый, богатый урожай, а тут такое naroslo...

Моркович решает пойти к тем землям и вызвать короля тех земель, чтобы поговорить и попросить прощение.

Для похода в те земли он взял тех же людей, с кем ходил в прошлый раз. Только они знали, что произошло в тот злополучный день.

Путь до тёмных земель занял четыре дня, но за это время сменилось четыре времени года. В первый день, как и в их королевстве, была зима, но не просто зима. Только они ступили на дорогу как началась страшная метель. Был такой мороз, что они думали повернуть обратно, но все же перебороли страх и отправились дальше. На второй день зима сменилась весной, да так резко, что началось откуда ни возьмись наводнение, и весь

путь они боролись с сильным потоком воды, который с каждым шагом усиливался. Наступил третий день – вода резко отступила, началось лето. Стаяла жара, такая, что им пришлось снять все металлическое, что на них было, потому что металл сильно нагревался. Но и этот день они пережили. На четвертый день, вдали показался лес, им осталось совсем немного идти. Но как только они увидели это, началась осень, очень холодные ливни, такие, что даже в шаге от себя ничего не видно было. Ливень резко сменился непроглядным туманом. Они уже подумывали о том, что сбились с пути, как в очередной смене тумана и ливня зашли в лес, и все прекратилось.

Все были продрогшие до самых костей, такие мокрые, что на них не осталось и сухого места. Но так как они знали, что следует после того, как сделать в этих землях что-то что, не разрешено, то они даже разбивать лагерь не стали, а отправились напрямик вглубь леса. Но и тут их ждали трудности. Благо в лесу была тепло и уютно, как дома, они успели обсохнуть пока, кружили в поисках поляны. Пройдя пятый раз возле одного и того же огромного старого дерева, они попали на поляну. Но в этот раз она была покрыта очень высокой травой, где-то по пояс, а в середине стояло какое-то существо. Оно почти не отличалось от человека, только рогами и ушами. Ах да, у него еще была милая борода.

Только они сделали шаг вперед, как перед глазами короля и его войска появилась пелена, и они услышали тот самый голос:

- Это снова вы!!! Вижу, так и не поняли, что со мной шутки плохи!!! – очень грозным и страшным был голос.

- Постой великий Владыка этих чистых и прекрасных земель, мы пришли с миром! Мы молим тебя о прощении! Пощади нас, не гневайся! – только и успел выкрикнуть король Моркович.

- Вижу ты говоришь правду. И твои намерения чисты. Вы прошли все мои испытания, которые вас ждали на пути! – произнес голос, и тут у короля Морковича ушла пелена с глаз и он увидел снова то существо, – теперь я могу тебе показаться. Но только ты будешь знать, как я выгляжу.

Король Моркович низко поклонился со словами:

- Владыка, прими наши искренние извинения! Мы испытали весь твой гнев! Мы хотим искупить свою вину, скажи только как, и мы все сделаем!

- Если вы мне поможете починить мост через реку, который помогает животным перебираться с одной части леса в другую, то я прощу вас и сниму проклятие!

- Мы все сделаем, только покажи нам! – произнес король

Мгновение и король с войском уже стояли у сломанного моста, а Владыки как не бывало. Воины уже прекрасно всё видели и приступили к починке. Спустя сутки, они починили мост и даже укрепили его, чтобы различные катаклизмы не смогли его разрушить. И тут снова раздался голос.

- Вы славно потрудились и тем самым заслужили моё прощение. Раз вы мне так помогли, я разрешаю вам один раз в три года приходить в мои земли и брать ингредиенты для своих экспериментов.

- Тогда и мы будем тебе отплачивать за твою щедрость! Если у тебя случится беда, ты обязательно отправляй гонца, и мы сразу придём к тебе на помощь!

Мгновение, и Моркович с войском стояли у ворот своего королевства.

На следующий год все, действительно, наладилось. И погода замечательная стояла, и морковочка была самая красивая и прямая, и урожаи были прекрасные. А к Владыке они ездили уже не один раз и помогали в его бедах.

*Тюменская область, г. Ялуторовск,
ЛИТО «Ялуторовская лира»*

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Андриянова Татьяна	147
Белова Галина	156
Болеева Лариса/Лара Парус	314
Вахрушева Тамара	237
Вепрёв Александр	19, 212
Вершинина Наталья	90, 213
Гачкевич Григорий	288
Голозубов Александр	116, 196, 302
Губина Ольга	63, 201, 259
Дулова Елена/Леонида Попова	310
Жилина Ксения	327
Журавлёва Лидия	141
Змановская Ирина	282
Ивлева Полина	306
Карелина Лариса	123
Колесникова Юлия	332
Комар Анатолий	119
Култышев Михаил	95, 174
Лапина Татьяна	285
Лексина Нина	107, 252
Мазкова Александра/Аля Архангельская	225
Мамедова Марьям	270
Манаева Галина/Галина Полянина	168
Маркова Марина	318
Медведев Михаил	207
Мартынова Вера	323
Меркушина Елизавета	97
Моор Светлана/Вета Моор	131
Нерадовских Вадим	208
Неряхина Любовь/Любовь Сокол	179

Овчинникова Юлиана	329
Петрова Юлия	54, 111
Печёнкина Светлана/Светлана Хохлова	300
Расчётова Мария/Мари Ра	304
Рыжова Маргарита	125, 273
Смирнов Владимир	160
Сошникова Любовь/Любовь Баженова	151, 276
Сухов Валерий	74
Титова Светлана	191, 265
Тихонова Бетти	106
Ткаченко Людмила/Мила Романова	218
Угрюмова Галина	143
Фрик Лена/Елена Гущина	232
Хабушева Татьяна	67
Целых Сергей	82
Шамсутдинов Николай	3, 244
Шарохина Екатерина/Екатерина Володина	263

СОДЕРЖАНИЕ

Поэтика Николая Шамсутдинова	3
Гость альманаха Александр Вепрёв	19
«Критика – наука открывать красоты и недостатки в произведениях искусств и литературы»	53
«Надсон и Рахманинов: некоторые художественные параллели», статья, Ю.С. Петрова	54
«Бунтарь или равнодушный правдоискатель», статья О.С. Губина	63
«Истоки», эссе, Т.С. Хабушева	67
«Минута – и стихи свободно потекут»	73
«О чём, прозаик, ты хлопчешь?»	159
«И назовёт меня всяк сущий в ней язык»	243
«Откуда ты, прекрасное дитя?»	251
«О люди! Жалкий род, достойный слёз и смеха!»	287
«Лейся песня!»	299
«Здравствуй, племя младое, незнакомое»	303
Алфавитный указатель	336
Содержание	337

Литературно-художественный альманах

ГИПЕРБОРЕЙ

№2(5) 2021

**Автор идеи и куратор издательского проекта:
Шамсутдинов Николай Миркамалович,
Сопредседатель Правления Союза российских писателей**

**Редактор-составитель:
Дмитриенко Ирина Михайловна,
E-mail: i.matveyka@mail.ru**

**Ответственный за выпуск:
Губина Ольга Степановна**

Литературные произведения и тексты в авторской редакции.
Сохранены особенности пунктуации и орфографии авторов.

**Вёрстка и оформление обложки: Матвеева И.М.
При оформлении обложки использована репродукция картины
известного российского художника Угланова А.Б.**

**Подписано в печать 11.05.2021
Формат 60x84/16 Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. 17,48. Тираж 230. Заказ №645**

**Отпечатано в АО «Тюменский дом печати»
625002, г. Тюмень, ул. Осипенко, 81
Тел: (3452) 56-56-50
E-mail: dom@dom-pechati.ru**

УГЛАНОВ Александр Борисович

родился в 1960 году в городе Тверь. В 1979 году закончил художественное училище им. Венецианова. Участвовал в выставках городского, областного, республиканского уровней, в зарубежных выставках. Часть работ находятся в частных коллекциях стран: России, Беларуси, Польши, Греции, Германии и Франции.

Многие художники посвящают свою творческую жизнь изображению женских образов, и лишь маленькая часть углубляется в изучение истории, и воссоздаёт образы давно прожитых времён. Литературно-художественный альманах «Гиперборей» представляет на обложке каждого номера очередную картину художника-живописца, который имеет свою неповторимость и своеобразную индивидуальность. Чарующий мир образов полотен художника наполнен волшебными красками и повествует о сказочной Гиперборее – древней Руси. На обложке настоящего альманаха – репродукция картины «Берегиня Лада», несущая специфическую нагрузку. Эта богиня любви и красоты – оберег молодого поколения.

**Авторский сайт художника-гиперборейца:
uglanov-tver.ru**

**«СОЮЗ РОССИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ»
ТЮМЕНСКАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ**

2021